

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2

Орёл
2015

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2015
№2

выходит два раза в год

ГОД КУЛЬТУРЫ

РЕДАКЦИЯ

Коротеев Владимир Ильич –
ответственный за аграрно-публицисти-
ческий блок

Золотарёв Леонард Михайлович –
ответственный за литературно-художес-
твенный блок

Анишкин Валерий Георгиевич –
ответственный секретарь

Золотарёв Игорь Леонардович –
ответственный за науку, литературную
критику

Катанов Василий Михайлович –
отдел очерка и прозы

Васичкин Валентин Митрофанович –
отдел поэзии и краеведения

Тарабрина Зоя Федотовна –
заведующая редакцией

ISBN 978-5-91468-173-6

E-mail: val_anishkin@mail.ru
igozolo @yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор **Леонард Золотарёв,**
Владимир Коротеев,
Валерий Анишкин,
Игорь Золотарёв,
Зоя Тарабрина

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Гусев Владимир Иванович –
доктор филологических наук, профессор (Москва),
Криволапов Владимир Николаевич –
доктор филологических наук, профессор (Курск),
Коротеев Владимир Ильич –
руководитель Департамента сельского хозяйства
Орловской области,
Грачёв Иван Александрович –
Глава Мценского района,
Логвинов Владимир Николаевич –
Глава Орловского района,
Трунов Александр Сергеевич –
мэр г. Малоархангельска,
Гладкова Ирина Анатольевна –
директор Центральной городской библиотеки
имени Пушкина,
Травинская Жанна Анатольевна –
художник,
Котюков Лев Константинович –
поэт (г. Пушкин, Подмосковьё),
Шендаков Андрей Игоревич –
писатель,
Ходулин Валерий Георгиевич –
поэт (Тула),
Лютый Вячеслав Дмитриевич –
литературный критик (Воронеж).

ББК 92
УДК 3 (2)
3-80

Русское поле. Российский аграрно-публицистический и литературно-художественный журнал. – №2: – Орёл: Департамент сельского хозяйства Орловской области и писатели из Союза писателей России и Союза российских писателей. 2015. – 196 с. с иллюстрациями.

Журнал «Русское поле» создан по инициативе писателя Леонарда Михайловича Золотарёва творческими коллективами аграриев и писателей области. Выход намечен по два номера в год. В аграрно-публицистическом блоке выступают руководители, специалисты сельского хозяйства, видные работники культуры, историки, краеведы.

В литературно-художественном, публицистическом блоке свои лучшие произведения представляют орловские писатели и журналисты, а также авторы из других областей. Это очерки, проза, поэзия, литература для детей. Сюда же включается поэзия и проза уже ушедших писателей, память о которых жива в их произведениях, публикуемых в этом журнале.

ISBN 978-5-91468-173-6

12+

© Коллектив авторов, 2015

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

2015 год – это не только Год Победы в Великой Отечественной войне, но ещё и год Парада Победы, который состоялся на Красной Площади в Москве 24 июня 1945 года и 70-летие которого мы отмечаем в текущем году. Это важнейшее событие в истории советского народа, России, всех россиян – достойных преемников Советского Союза.

Особо хотелось бы сказать, что в течение полутора веков (с 1812 по 1941 годы) Западная Европа трижды совершала свои нашествия на Восток, на Россию. Вспомним, чем всё это неизменно кончалось? Разгромом врага и знаменем победы в столицах поверженных государств. В 1812 году это был французский император Наполеон, который привёл в Россию почти 500-тысячную армию из «двунадесяти» языков и даже временно взял Москву, а затем, 31 марта 1812 года, мы оказались в Париже. Тут мы и обогатили французский язык русскими словами, такими, как, например, «бистро». Так говорили наши донские казаки, заскакивая на окраине Парижа в какой-нибудь «кафе – шантан», чтобы маленько перехватить на дорожку, спеша с письмом от Парижа до русской столицы.

*«Бистро, бистро! – Быстро, быстро!»
«Бистро, быстро!» ... Француз убогий,
Чтоб не соскучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил».*

С «шерамыжниками» в XIX веке воевать было ещё ничего. А вот в XX-м веке стало куда сложнее: тевтонские рыцари, немцы, сумрачный германский гений. Первая мировая война. Всё крутилось где-то на западных границах Российской империи. Совсем было придвинулись немцы к городу Санкт – Петербургу, однако и тут мы, в конце концов, оказались в их столице – Берлине. «Железный канцлер» Германии Бисмарк заявил своим: никогда не ходите больше на Россию!

Но забыли про Бисмарка, про этого «железного канцлера», про его назидания. Уже через 23 года, в 1941 году, фашистский фюрер со своим войском распевал фривольную песенку «ви айс Лили Марлен», пересекая нашу границу.

Великая Отечественная война (1941 – 1945 годов) явилась для нас главным испытанием за века.

*Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

С такой песней отправлялись с Белорусского вокзала в Москве наши эшелоны на фронт.

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,*

*Идёт война народная,
Священная война.*

За одну ночь была написана эта песня в едином порыве и вмиг облетела страну.

Война оказалась невероятно тяжёлой. Уже через какое-то время фашистские орды прихлынули к Москве. У нас, на Орловщине, а конкретно на юге её, в Малоархангельске, они появились 3 октября 1941 года. Мне тогда было шесть лет. Страх невозможный, не продыхнуть. Все наши мужики на фронтах (все дедушкины сыновья) уже погибли на главном – московском направлении: один – в Брест – Литовске, второй – под Бобруйском, третий – у самой Москвы, под Можайском.

Но знали бы, куда пришли они, эти фашисты! Две тысячи километров шли они от самой границы, а тут, в самом сердце Руси, на Руси серединой, застряли. Конкретно говорю: Малоархангельск – Колпна в сорока километрах, за Колпной километрах в двенадцати река Фошня, за Фошней уже наши. Тут они и наткнулись на стенку. Остановились, стояли, пока наши не накопили силы, чтобы вышвырнуть их отсюда, а затем и победить.

Также и на севере Орла, за Мценском, где в посёлке Синяевском моя дача. Тут – немцы, а там, за рекой Зушей, за так называемой «колымой», уже наши. И отсюда началось наступление, освобождение Орла, Орловщины, всей нашей великой страны.

В Великой Отечественной войне называют три великих сражения: за Москву – когда у Гитлера была похоронена всякая надежда на «блицкриг», начался разгром немецко – фашистских войск, под Сталинградом – когда разгромили врага, и битва на Орловско-Курской дуге – ни шагу назад, пошло окончательное изгнание вермахта, поход наших войск до самого Берлина.

Такова история этой Отечественной войны, в которой Орёл, Орловщина, Малоархангельск сыграли ключевую роль в общей нашей Победе над врагом.

Особо хочется сказать о Малоархангельске. Его роль в битве на Орловско-Курской дуге недооценена. Сразу же после разгрома немцев под Сталинградом сталинградские части прибыли к нам сюда, образован был Центральный фронт во главе с К.К. Рокоссовским. Войска этого фронта освободили Малоархангельск в особо важный день – 23 февраля, в День Красной Армии. А Глазуновка, что в каких – то 16 километрах от Малого города, была освобождена 26 июля. Всё это время готовилось и разворачивалось сражение на подступах к Малоархангельску.

Будем говорить только фактами. Первая фаза битвы – оборона. Главное было не пропустить врага через Малоархангельск, не сдать город, не дать ему пройти за Колпну, а за Колпной – на Щигры. С юга, от Прохоровки, где немцы прошли уже вглубь на 35 километров, не дать замкнуть немцам этот огромный «котёл». В таком случае Малоархангельск сыграл роль защитника Курска.

Вторая фаза битвы переросла в наступление. От Малоархангельска войска Центрального фронта с юга от Орла пошли на Хотынец – Карачев – Брянск. С севера от Орла наши войска наступлением от Мценска Болхов и далее на Брянск в ту сторону Хотынец – Карачев стали выдавливать врага из Орла. Значит, Малоархангельск вместе с Болховом стали освободителями Орла.

Ещё в Малоархангельске наши танкисты писали на башнях «Вперёд, на Берлин!» Так и случилось. Центральный фронт, после операции «Багратион», переименованный в 1-й Белорусский, дошёл до государственной границы и повёл наступление на Берлин. Уже перед самым Берлином Рокоссовский был заменён Жуковым, а Рокоссовский стал командующим 2-м Белорусским фронтом, штурмовавшим Берлин с севера.

Эта история, истоки нашей Победы. Возвращались наши войска с песней, которые знали и пели мы все:

*Ехали мы от Берлииа,
Ехали мы до Орла,
Там, где русская слава
По дорогам прошла.*

И вот Орёл – город Первого Салюта, город воинской славы. Но и в Малоархангельске, от сорок третьего года донныне дают салют. На подступах к Малому городу лежат павшие роты, погибшие дивизии, в братских могилах лежит больше населения нынешнего Орла.

В День Победы по Красной площади в Москве пройдут ветераны фронтов, те солдаты, какие ещё остались живы. А вместе с ними пройдёт и «бессмертный полк» – дети и внуки тех, которые пали в сражениях. Они будут нести над собой фотографии своих славных предков. С ними будем и мы, орловцы, – «бессмертный полк» с бессмертными именами.

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

И я Пронесу в Малоархангельске портрет своего дедушки Герасима Макаровича, воспитавшего трёх сыновей и павших уже в 1941 году на главном, московском направлении и одного из них, отправившегося на фронт Малоархангельска уже на второй день войны.

ЛЕОНИД СЕМЁНОВИЧ МУЗАЛЕВСКИЙ
Председатель Орловского областного
Совета народных депутатов

Доброго пути журналу «Русское поле» и его главному редактору в связи с его юбилеем и нашей Великой Победой!

ГЕОРГИЙ ЖУКОВ
Маршал Советского Союза

ИЗ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ»

Войска фронтов, каждый в полосе своих действий, также начали усиленно вести авиационную и войсковую разведку. В результате в начале апреля у нас имелись достаточно полные сведения о положении войск противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова. Проанализировав их, а также те данные, которые удалось получить с более широкого театра военных действий, и обсудив всё с командую-

щими Воронежским и Центральным фронтами, а затем с начальником Генштаба А.М. Василевским, я послал Верховному следующий доклад:

«Товарищу Васильеву.

Докладываю своё мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трёх фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу манёвра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесёт удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3–4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15–16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению противотанковой обороны Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 истребительно-противотанковых артиллерийских полков; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны – Касторное – Ст. Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника.

На Центральном фронте наиболее мощная противотанковая оборона была подготовлена в полосе 13-й армии и на примыкающих к ней флангах 48-й и 70-й армий. Противотанковая артиллерийская оборона в полосе 13-й армии Центрального фронта составляла более 30 единиц на 1 километр фронта.

На всех танкоопасных направлениях оборона состояла из противотанковых опорных пунктов и районов. Кроме артиллерии и танков, широко применялось минирование, отрывались противотанковые рвы, эскарпы и другие инженерно-заградительные средства. Широко применялись подвижные отряды заграждений и противотанковые резервы.

Все эти противотанковые мероприятия были достаточно эффективными – сказывался огромный опыт, добытый в тяжёлых боях. Танковым войскам противника было обеспечено поражение, которое во многом должно было способствовать общему разгрому врага.

Из трофейных документов и разведанных было установлено: против Центрального и Воронежского фронтов действует авиация в составе 1, 4-го и 8-го авиационных корпусов, общим количеством до 2 тысяч боевых самолетов, под общим командованием генерал-фельдмаршала Рихтгофена.

Вражеская авиация, начиная с марта, постепенно наращивала свои авиационные удары по железнодорожным узлам, магистралям, по городам и важнейшим

тыловым объектам, а с июня она всё чаще и чаще стала заходить на войска и наши тылы.

Прикрытие войск и всего курского выступа обеспечивалось 2, 5-й и 16-й воздушными армиями и двумя истребительными авиадивизиями ПВО страны. Учитывая ожидаемое наступление противника, фронты были значительно усилены зенитными средствами, которые позволили фронтам прикрыть большое количество объектов двух-, трёх-, четырёх- и даже пятислойным огнём.

Итак, во всех наземных и воздушных войсках в мае и июне проходила напряжённая боевая подготовка, каждый боец и командир готовился к встрече с врагом.

И эта встреча вскоре состоялась.

Всеми видами разведки Ставке и фронтам удалось установить точное время перехода в наступление противника. 2 июля Ставка предупредила командующих фронтами о возможном переходе противника в наступление в период с 3 по 6 июля,

Теперь нашей ближайшей задачей становилось проведение мощной артиллерийской и авиационной контрподготовки советских войск.

Вечером 4 июля я был в штабе К.К. Рокоссовского. После разговора по ВЧ с А.М. Василевским, который находился в штабе Н.Ф. Ватутина, я уже знал о результатах боя с передовыми отрядами противника в районе Белгорода. Стало известно, что сведения, полученные в тот день от захваченного пленного солдата 168-й пехотной дивизии, о переходе противника в наступление на рассвете 5 июля подтверждаются и что, как это было предусмотрено планом Ставки, Воронежским фронтом будет проведена артиллерийская и авиационная контрподготовка.

Эти сведения я тут же передал К.К. Рокоссовскому и М.С. Малинину.

В третьем часу утра К.К. Рокоссовскому позвонил командующий 13-й армией генерал Н.П. Пухов и доложил, что захваченный пленный сапер 6-й пехотной дивизии сообщил о готовности немецких войск к переходу в наступление. Ориентировочно время называлось – 3 часа утра 5 июля.

К.К. Рокоссовский спросил меня:

– Что будем делать? Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение контрподготовки?

– Время терять не будем, Константин Константинович. Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Верховному и доложу ему о полученных данных и принятом решении.

Меня тут же соединили с Верховным. Он был в Ставке и только что кончил говорить с А.М. Василевским. Я доложил о полученных данных и принятом решении провести контрподготовку. И.В. Сталин одобрил решение и приказал чаще его информировать.

Попытка Гитлера вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования кончилась полным провалом. Это свидетельствовало об истощении Германии. Никакие силы теперь её уже не могли спасти. Вопрос был лишь во времени.

Советское стратегическое и оперативно-тактическое командование поднялось, значительно выросло и окрепло в искусстве ведения войны.

Контрнаступление под Курском явилось, в отличие от контрнаступлений под Москвой и на Волге, заранее предreshённым и хорошо обеспеченным глубоким ударом.

Сюда были привлечены значительно большие силы, чем в предыдущих крупных контрнаступательных операциях. Например, под Москвой принимало участие 17 малочисленных общевойсковых армий без танковых соединений, в районе Сталинграда 14 общевойсковых армий, 1 танковая армия и несколько

мехкорпусов. В контрнаступлении под Курском участвовали 22 мощные общевойсковые, 5 танковых, 6 воздушных армий и крупные силы авиации дальнего действия.

В битве под Курском в процессе контрнаступления впервые широко использовались танковые и механизированные соединения и объединения, которые в ряде случаев явились решающим фактором оперативного маневра, средством стремительного развития успеха в глубину и выхода на тыловые пути вражеских группировок.

КОНСТАНТИН РОКОССОВСКИЙ
Маршал Советского Союза

ИЗ КНИГИ «СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ»

Перед прощанием Сталин предупредил, что на меня возлагается новая задача, от успешного решения которой зависит многое. В Ставке Верховного Главнокомандования нас ознакомили с общим планом развития наступления на курском направлении. Ради этого и создавался новый фронт, который был назван Центральным. В его состав включались 21-я, 65-я общевойсковые и 16-я воздушная армии Донского фронта, 2-я танковая, 70-я армии и ряд частей и соединений из резерва Ставки.

Войскам нового фронта предстояло развернуться между Брянским и Воронежским фронтами, которые в это время продолжали наступление на курском и харьковском направлениях, и, взаимодействуя с Брянским фронтом, нанести глубоко охватывающий удар в общем направлении на Гомель, Смоленск, во фланг и тыл орловской группировке противника.

Начало этой красивой по замыслу операции намечалось на 15 февраля. Но для того, чтобы её начать, надо было прежде всего сосредоточить войска, основная масса которых со своими тылами находилась в районе Сталинграда.

Мои доводы о нереальности этого срока не убедили Ставку. Конечно, хотелось бы начать операцию как можно скорее, пока противник не успел подтянуть силы с других участков и из глубины. Но в сложившейся обстановке перегруппировка войск была чрезвычайно затруднена. Правда, мне обещали всевозможную помощь.

Оставалось одно – быстрее вернуться под Сталинград и приступить к переброске войск, техники и тылов в район сосредоточения.

С первого же момента мы столкнулись с огромными трудностями. В нашем распоряжении была единственная однопутная железная дорога, которую удалось восстановить к этому времени. Она, конечно, не могла справиться с переброской огромного количества войск. Планы перевозок трещали по всем швам. График движения нарушался. Заявки на эшелоны не удовлетворялись, а если и подавались составы, то оказывалось, что вагоны не приспособлены для перевозки личного состава и лошадей.

Наш доклад обо всех этих ненормальностях только ухудшил положение. Принять меры для ускорения переброски войск было поручено НКВД. Сотруд-

ники этого наркомата, рьяно приступившие к выполнению задания, перестарались и произвели на местах такой нажим на железнодорожную администрацию, что та вообще растерялась. И если до этого ещё существовал какой-то график, то теперь от него и следа не осталось. В район сосредоточения стали прибывать смешанные соединения. Материальная часть артиллерии выгружалась по назначению, а лошади и машины оставались ещё на месте. Были и такие случаи, когда техника выгружалась на одной станции, а войска – на другой. Эшелоны по несколько дней застревали на станциях и разъездах. Из-за несвоевременной подачи вагонов 169 тыловых учреждений часто так и оставались под Сталинградом. Снова пришлось обратиться в Ставку. Попросил предоставить железнодорожной администрации возможность самостоятельно руководить работой транспорта. Наша просьба была удовлетворена, последовало соответствующее указание. Но нам ещё долго вместе с железнодорожниками пришлось разбираться, где и какие части выгружены.

А время шло. Больше задерживаться было нельзя. Оставив под Сталинградом своего заместителя – генерала Трубникова с группой офицеров, я со штабом и управлением фронта направился в район Ельца. Здесь мы развернули свой командный пункт.

Пока наводилась связь с уже прибывшими войсками, я с группой офицеров отправился в штаб Брянского фронта, к нашему соседу справа, с которым нам предстояло взаимодействовать. Командовал фронтом мой старый знакомый по службе в Забайкалье и по кампании на КВЖД в 1929 году генерал М.А. Рейтер. Ехали долго, с трудом пробиваясь через снежные заносы. Тяжёлая дорога лишняя раз напоминала, какие испытания ожидают наши войска ещё до того, как они сойдутся с противником.

Соседи встретили нас очень тепло и с большой радостью. Им предстояло с 12 февраля перейти в наступление, и на действия нашего фронта они возлагали большие надежды. Ознакомившись с обстановкой на участке Рейтера и обсудив все вопросы взаимодействия войск на стыке фронтов, я вынужден был немедленно поставить задачи тем нашим войскам, которые уже выходили в район сосредоточения, чтобы при продвижении соседа вперёд не оголился его левый фланг.

Вернувшись на КП, мы своим коллективом приступили к изучению материалов, поступавших от всех видов разведки, и к ознакомлению с районом предстоящих действий войск. Положение оказалось значительно хуже, чем мы предполагали.

Район сосредоточения, только что освобожденный от противника, не был подготовлен и оборудован для приёма большой массы войск, боевой техники и материальных средств. Работы по созданию баз, путей подвоза и организации тылов пришлось вести параллельно с подготовкой к наступлению.

Из железных дорог имелась только одна ветка Касторное–Курск с короткой рокадой Ливны – Мармыжи. Движение поездов по этой ветке в то время могло осуществляться только до станции Щигры. Непрерывная пурга усугубляла бездорожье. Снежные заносы были так велики, что для движения автотранспорта пришлось использовать в качестве грунтового пути железнодорожную насыпь на участке Золотухино – Букреевка.

Многочисленные колонны войск, грузовиков и боевых машин с большим трудом продвигались от станции выгрузки на запад по единственной автогужевой дороге Елец–Ливны–Золотухино. В связи с недостатком автомашин и лошадей солдаты вынуждены были нередко нести на себе станковые пулеметы, противотанковые ружья, а часто и минометы. Артиллерия отстала от войск. С перевоз-

кой боеприпасов было бы совсем плохо, если бы не помощь местных жителей: крестьяне на своих подводах подвозили снаряды от села к селу. Вообще жители только что освобожденных сел ничего не жалели, чтобы помочь нам. Сами оставшись без крова, без запасов продовольствия, они старались приютить, обогреть солдат, делились с ними последним куском хлеба.

Большой отрыв тыловых частей и баз от района сосредоточения затруднял обеспечение действующих войск всем необходимым. После длительного и тяжёлого марша по занесённым снегом дорогам солдаты сильно уставали, а прибыв на место, не имели возможности нормально отдохнуть.

Всё это в конечном итоге привело к тому, что войска вновь организованного Центрального фронта не смогли сосредоточиться в установленный срок. Начало наступления было перенесено на 25 февраля. К этому времени мы располагали частью войск 65-й армии и присланными из резерва Ставки 2-й танковой армией (которой предстояло ещё собрать застрявшие в пути танки), 2-м кавалерийским корпусом, а также двумя лыжно-стрелковыми бригадами. Они и были развёрнуты на рубеже Чернь, Михайловка, Коньшёвка, Макаровка общим протяжением 150 километров. 21-я армия все ещё была на пути из Сталинграда к Ельцу, а передаваемая из резерва Ставки 70-я армия находилась на подходе к району сосредоточения.

Но делать нечего, пришлось начать наступление. 65-я армия, подчинив себе часть дивизий Брянского фронта, действовавших в нашей полосе, двинулась в направлении Михайловка, Фатеж; правее её на Дмитровск должна была идти 70-я армия; левее – на Севск – 2-я танковая генерал-лейтенанта А.Г. Родина, а на левом фланге фронта на направлении Хутор Михайловский, Новгород-Северский наступала конно-стрелковая группа (2-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный двумя лыжно-стрелковыми бригадами и танковым полком) под командованием генерала В.В. Крюкова.

Наступление вначале развивалось успешно. 65-я армия, поддержанная справа частью сил 70-й армии, отбрасывая противника, достигла Комаричей и Фатежа, 2-я танковая армия овладела Середина-Будой, а конно-стрелковая группа, не встречая особенно сильного сопротивления, вырвалась ещё дальше. Предчувствуя подвох со стороны врага, я приказал Крюкову остановиться и прочно закрепиться на рубеже Севска. Но неугомонного рубаку не так-то просто было унять в его порыве. Он уже достиг Десны у Новгород-Северского, мало заботясь о разведке на флангах.

Да, наши части далеко выдвинулись. А у соседей дела сложились иначе. Брянский фронт, перешедший в наступление ещё 12 февраля, потеснив противника местами до 30 километров, к концу февраля вынужден был остановиться на рубеже Новосиль, Малоархангельск, Рождественское. Не добилась успеха и левофланговая 16-я армия Западного фронта, наносившая удар во взаимодействии с нами.

Предпринимая столь грандиозную операцию, как глубокое окружение всей орловской группировки противника, Ставка, по-видимому, кое-что недоучла. К этому времени противник начал оправляться от нанесённых ему советскими войсками ударов на брянском и харьковском направлениях и сам стал готовиться к контр наступлению. В район Орла и южнее прибывали всё новые и новые соединения, перебрасываемые противником из его вяземско-ржевской группировки. Партизаны и воздушная разведка предупреждали о сосредоточении вражеских сил в районе Брянска и выдвижении их в сторону Севска. Войска противника стягивались и к северу от Рьльска и Шостки.

Все войска, которые у нас имелись, были втянуты в бои на образовавшемся к этому времени широком фронте. Противник явно опережал нас в сосредото-

нии и развёртывании сил. Наша 21-я армия только начала выгружаться в районе Ельца. Тылы застряли под Сталинградом. В войсках ощущался острый недостаток всего: продовольствия, фуража, горючего, боеприпасов.

Не могу умолчать о нашем упущении в начале этой операции. Поспешность переброски войск в новый район помешала нам предварительно ознакомиться с местностью и одновременно с общевойсковыми соединениями передислоцировать дорожные части с их техникой, а также транспортные подразделения. Забыли об этом и высшие органы, планировавшие операцию вновь созданного фронта. Все стремились к одному – как можно быстрее собрать войска. В результате прибывавшие соединения оказывались в тяжёлом положении – без дорог, без транспорта. Необходимые поправки пришлось вносить уже в процессе сосредоточения войск и в ходе боевых действий.

Я доложил Сталину, что в таких условиях войска фронта не смогут справиться с задачей. После этого задача фронту была изменена. Теперь мы должны были нанести удар на север в сторону Орла силами 21, 70 и 2-й танковой армий, чтобы во взаимодействии с войсками Брянского и левого крыла Западного фронта разгромить орловскую группировку противника. Но в той обстановке и эта операция не сулила успеха. Противник значительно превосходил нас в силах.

Мы переживали за нашу конно-стрелковую группу, на обоих флангах которой враг подозрительно накапливал войска. Повторяю Крюкову свой приказ: приостановить продвижение на запад, закрепиться на рубеже реки Сев и удерживать Севск до подхода частей 65-й армии. Предупреждаю, чтобы вел усиленную разведку в северном и южном направлениях. Но Крюков уже ничего не успел сделать. Вырвавшуюся к Десне конно-стрелковую группу противник атаковал с фланга и тыла. С большим трудом она пробилась из окружения, в чём ей помогли подоспевшие на помощь части 2-й танковой и 65-й армий.

Чтобы остановить здесь противника, нам пришлось развернуть 65-ю армию на широком участке по восточному берегу реки Сев.

Радовало одно: успешное продвижение наших войск оказало серьёзную поддержку левому соседу – Воронежскому фронту, отвлекая значительные силы противника с его участка. 60-я армия соседа смогла продвинуться вперёд. То, что враг стянул против нас значительные силы, во многом облегчило положение Воронежского фронта, когда гитлеровцы перешли там в наступление.

Получив новую задачу, мы приступили к перегруппировке войск, сосредоточивая основные силы на орловском направлении – направлении главного удара. Сюда была нацелена и только что прибывшая из резерва Ставки 70-я армия. Она была сформирована из пограничников, отличных солдат, прекрасно подготовленных для ведения боя в любой обстановке. Мы возлагали на эту армию большие надежды и направили её на самый ответственный участок – на правый фланг, в стык с войсками Брянского фронта. Но действия пограничников были неудачны. Объяснялось это неопытностью старших командиров, впервые оказавшихся в столь сложной боевой обстановке. Соединения вводились в бой с ходу, неорганизованно, по частям, без необходимого обеспечения артиллерией и боеприпасами к ней.

Возлагая ответственность за неудачные действия армии на её командование и штаб, не могу снять вины с себя и со своего штаба: поспешно вводя армию в бой, мы поставили ей задачу, не проверив подготовку войск, не ознакомившись с их командным составом. Это послужило для меня уроком на будущее.

Как только выдалась возможность, я поехал к пограничникам. Добраться до них стоило большого труда. Пришлось использовать три способа передвижения:

по дороге на машине, затем по просеке на санях, а километров пятнадцать мы с членом Военного совета фронта Телегиным прошли на лыжах.

Личное знакомство открыло глаза на многое. Мы убедились, что необходимо заменить командарма и усилить штаб армии более опытными офицерами. Приложили все усилия к тому, чтобы это было сделано поскорее: предстояли новые бои.

Между тем обстановка накалялась. Войска Брянского фронта, встретив сильное сопротивление противника, остановились на рубеже Новосиль, Архангельское, Рождественское и дальше продвинуться не смогли. По сообщению командующего фронтом Рейтера, враг настолько усилил свою орловскую группировку, что можно было ожидать контрудара каждую минуту. А штаб Воронежского фронта уже бил тревогу: противник перешёл в наступление, ведёт бои за Харьков, продвигается к Белгороду.

На нашем участке гитлеровцы сопротивлялись со всё возрастающим упорством, бои принимали затяжной характер. У нас сохранялась ещё надежда, что с вводом в бой 21-й армии нам удастся хотя бы немного потеснить противника. На большее рассчитывать было трудно. «Нет, все-таки наступать нам сейчас не время, только напрасно ослабляем свои силы...» – подумал я. В момент тяжёлых раздумий о перспективах наступления я получил приказание Ставки: срочно направить 21-ю армию в район Обояни в распоряжение командующего Воронежским фронтом. Оказывается, крупные неприятельские силы прорвались на харьковском и белгородском направлениях с угрозой продвижения на Курск.

Пришлось доложить в Ставку, что наше положение не улучшается, подход войск и тылов фронта затягивается, снабжение войск материальными средствами наладить не удаётся, а враг значительно усилил свою группировку против войск фронта. С уходом 21-й армии соотношение сил будет и вовсе не в нашу пользу.

Мой доклад возымел действие. Во второй половине марта Ставка приняла решение о нецелесообразности продолжать наступление на Орёл. Это решение было правильным. Все мы воспрянули духом.

Центральный фронт получил задачу перейти к обороне, организовав её на рубеже Городище, Малоархангельск, Тросна, Фатеж, Коренево. Мы дополнительно получили 48-ю армию П.Л. Романенко, 13-ю армию Н.П. Пухова, перешедшую к нам из Брянского фронта вместе с участком, который она занимала, и 60-ю армию И.Д. Черняховского из Воронежского фронта, тоже с занимаемым ею участком. К этому времени оба наших соседа отбили вражеские удары и теперь, как и мы, находились в обороне.

Замысел немецко-фашистского командования ударами с севера – со стороны Орла и с юга – со стороны Белгорода окружить и уничтожить советские войска в районе Курска провалился. Но врагу ценой больших усилий удалось удержать в своих руках два важных выступа – один восточнее и юго-восточнее Орла, а второй восточнее и северо-восточнее Харькова. Между этими выступами, которые упорно оборонял противник, образовалась огромная Курская дуга, выдвинувшаяся до 200 километров на запад. Оборона этой дуги и была возложена на войска Центрального и Воронежского фронтов.

Командование, штаб и политическое управление фронта переключились на решение новых задач. Надо было создать оборону, непреодолимую для врага. Значит, она должна быть глубоко эшелонированной и прежде всего противотанковой. Наученные горьким опытом минувших боев, мы знали, что, предпринимая наступление, враг будет широко применять танки, а поэтому в первую очередь нужно готовиться к борьбе с ними.

Противнику не раз удавалось сравнительно легко прорывать нашу оборону. В частности, именно потому мы потеряли Харьков и Белгород. На мой взгляд, объяснялось это тем, что у нас не уделялось должного внимания своевременному созданию необходимых резервов, при наступлении расходовались все силы до предела, фронт вытягивался в нитку, отрываясь от своих баз. Сказывалась и слабость нашей оперативной и стратегической разведки.

В результате противник имел возможность, отходя, создавать крупные группировки сил и наносить неожиданно контрудары, парировать которые нам было нечем. Отсутствие в глубине нашей обороны оперативных резервов позволяло врагу, прорвав фронт на узких участках, почти безнаказанно идти на окружение наших войск.

Для ознакомления с положением и нуждами фронта к нам из Москвы в апреле прибыли начальник тыла Красной Армии А.В. Хрулев, заместитель начальника Генерального штаба А.И. Антонов и Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии – начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко, назначенный к нам членом Военного совета.

Московские товарищи находились у нас довольно продолжительное время, вникая в вопросы, относящиеся к состоянию войск, тылов – фронтовых и армейских (многие из них ещё не были перевезены в районы расположения войск), интересовались проблемами оперативно-стратегического характера. Я поделился своими мыслями об организации обороны Курского выступа. Мне предложили изложить свои соображения в служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего, что я и сделал. В записке давалась краткая оценка обстановки, сложившейся на южном крыле советско-германского фронта в результате зимней кампании 1942/43 года, и высказывались некоторые предположения, касающиеся военных действий летом. Наиболее вероятным участком фронта, где противник попытается развернуть летом свое решающее наступление, будет Курская дуга. Здесь он постарается повторить то, что ему не удалось зимой, но уже большими силами. Этому способствует конфигурация фронта. То, что противник продолжает перебрасывать войска в районы Орла и Белгорода, выдает его намерение воспользоваться своим нависающим положением над нашими частями, расположенными на Курской дуге. В записке говорилось о настоятельной необходимости создания сильных резервов Верховного Главнокомандования, расположенных восточнее Курской дуги, – они помогут отразить любой удар вражеских сил на этом направлении.

Так как в предстоящем сражении будет участвовать несколько фронтов, я коснулся в записке некоторых вопросов руководства боевыми действиями.

Не беру на себя смелость утверждать, что эта служебная записка возымела своё действие. Возможно, сама общая обстановка на фронтах требовала особого внимания к Курской дуге. Но в мае – июне 1943 года в тылу Центрального и Воронежского фронтов был организован новый, Резервный фронт. Все-таки, видимо, наше предложение о создании надёжных резервов за Курским выступом было учтено.

ВИКТОР НЕКРАСОВ

ИЗ КНИГИ «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА»

К вечеру я совсем уже пьян. От воздуха, солнца, ходьбы, встреч, впечатлений, радости. И от коньяка. Хороший коньяк. Тот самый, чумаковский, шесть звёздочек.

Чумак наливает стакан за стаканом.

– Пей, инженер, пей! Отучился, небось, за два месяца. Манные кашки все там жевали, бульончики. Пей, не жалей... Заслужили!

Мы лежим в каком-то разрушенном доме, – не помню уже, как сюда попали, – я, Чумак, Лисагор, Валега, конечно. Лежим на соломе, Валега в углу курит свою трубочку, сердитый, насупившийся. Моим поведением он положительно недоволен. Что ж это такое в конце концов – шинель командирскую, перешитую, с золотыми пуговицами, в госпитале оставил, а взамен какую-то солдатскую, по колено, принёс. Куда ж это годится! И сапоги кирзовые, голенища широкие, подошвы резиновые.

– Я вам хромовые там достал, – мрачно заявил он при встрече, неодобрительно осмотрев меня с ног до головы. – В блиндаже... Подъём только низкий...

Я оправдывался, как мог, но прощения так, кажется, и не заслужил.

– Пей, пей, инженер, – подливает все Чумак, – не стесняйся...

Лисагор перехватывает кружку.

– Ты мне его не спаивай. Мы сегодня в тридцать девятую приглашены. Налегай, Юрка, на масло. Налегай.

И я налегаю.

Сквозь вывалившуюся стенку виден Мамаев, труба «Красного Октября», единственная так и не свалившаяся труба. Всё небо в ракетах. Красные, синие, жёлтые, зелёные... Целое море ракет. И стрельба. Целый день сегодня стреляют. Из пистолетов, автоматов, винтовок, из всего, что под руку попадёт. Тра-та-та-та, тра-та-та-та, тра-та-та-та...

Ну и день, бог ты мой, какой день! Откинувшись на солому, я смотрю в небо и ни о чём уже не в силах думать. Я переполнен, насыщен до предела. Считаю ракеты. На это я ещё способен. Красная, зелёная, опять зелёная, четыре зелёные подряд.

Чумак что-то говорит. Я не слушаю его.

– Отстань.

– Ну, что тебе стоит... Просят же тебя люди. Не будь свиньёй.

– Отстань, говорят тебе, чего пристал.

– Ну прочти... Ну, что тебе стоит. Хоть десять строчек...

– Каких десять строчек?

– Да вот. Речугу его. Интересно же... Ей-богу, интересно.

Он сует мне прямо в лицо грязный обрывок немецкой газеты.

– Что за мура?

– Да ты прочти.

Буквы прыгают перед глазами, непривычные, готические. Дегенеративная физиономия Гитлера – поджатые губы, тяжёлые веки, громадный идиотский козырек.

«Фелькишер Беобахтер». Речь фюрера в Мюнхене 9 ноября 1942 года.

Почти три месяца тому назад...

«Сталинград наш! В нескольких домах сидят ещё русские. Ну, и пусть сидят. Это их личное дело. А наше дело сделано. Город, носящий имя Сталина, в наших

руках. Величайшая русская артерия – Волга – парализована. И нет такой силы в мире, которая может нас сдвинуть с этого места.

Это говорю вам я – человек, ни разу вас не обманывавший, человек, на которого провидение возложило бремя и ответственность за эту величайшую в истории человечества войну. Я знаю, вы верите мне, и вы можете быть уверены, я повторяю со всей ответственностью перед богом и историей, – из Сталинграда мы никогда не уйдём. Никогда. Как бы ни хотели этого большевики...»

Чумак весь трясётся от смеха.

– Ай да Адольф! Ну и молодец! Ей-богу, молодец. Как по-писаному вышло.

Чумак переворачивается на живот и подпирает голову руками.

– А почему, инженер? Почему? Объясни мне вот.

– Что почему?

– Почему всё так вышло? А? Помнишь, как долбали нас в сентябре? И всё-таки не вышло. Почему? Почему не спихнули нас в Волгу?

У меня кружится голова, после госпиталя я все-таки слаб.

– Лисагор, объясни ему, почему. А я немножко, того, прогуляюсь.

Я встаю и, шатаюсь, выхожу в отверстие, бывшее, должно быть, когда-то дверью.

Какое высокое, прозрачное небо – чистое, чистое, ни облачка, ни самолёта. Только ракеты. И бледная, совсем растерявшаяся звёздочка среди них. И Волга – широкая, спокойная, гладкая, в одном только месте, против водокачки, не замёрзла. Говорят, она никогда здесь не замерзает.

Величайшая русская артерия... Парализована, говорит... Ну и дурак! Ну и дурак! В нескольких домах сидят ещё русские. Пусть сидят. Это их личное дело...

Вот они – эти несколько домов. Вот он – Мамаев, плоский, некрасивый. И точно прыщи, два прыща на макушке – баки... Ох, и измучили они нас. Даже сейчас противно смотреть. А за теми вот красными развалинами, – только стены как решето остались, – начинались позиции Родимцева – полоска в двести метров шириной. Подумать только – двести метров, каких-нибудь несчастных двести метров! Всю Белоруссию пройти, Украину, Донбасс, калмыцкие степи и не дойти двести метров... Хо-хо!

А Чумак спрашивает, почему. Не кто-нибудь, а именно Чумак. Это мне больше всего нравится. Может быть, ещё Ширяев, Фарбер спросят меня, почему? Или тот старичок-пулемётчик, который три дня пролежал у своего пулемёта, отрезанный от всех, и стрелял до тех пор, пока не кончились патроны? А потом с пулемётом на берег приполз. И даже пустые коробки из-под патронов приволок. «Зачем добро бросать – пригодится». Я не помню даже его фамилии. Помню только лицо его – бородатое, с глазами-щёлочками и пилоткой поперёк головы. Может, он тоже спросит меня, почему? Или тот пацан-сибирячок, который всё время смолку жевал. Если б жив остался, тоже, вероятно, спросил бы – почему? Лисагор рассказал мне, как он погиб. Я его всего несколько дней знал, его прислали незадолго до моего ранения. Весёлый, смышлённый такой, прибауточник. С двумя противотанковыми гранатами он подбежал к подбитому танку и обе в амбразуру бросил.

Эх, Чумак, Чумак, матросская твоя душа, ну и глупые же вопросы ты задаёшь, и ни черта, ни черта ты не понимаешь. Иди сюда. Иди, иди... Давай обнимемся. Мы оба с тобой выпили немножко. Это вовсе не сентиментальность, упаси бог. И Валегу давай. Давай, давай... Пей, оруженосец!.. Пей за победу! Видишь, что фашисты с городом сделали... Кирпич и больше ничего... А мы вот живы. А город... Новый выстроим. Правда, Валега? А немцам капут. Вот идут, видишь, рюкзаки свои тащат и одеяла. О Берлине вспоминают, о фрау своих. Ты хочешь в Берлин, Валега? Я хочу. Ужасно как хочу. И побываем мы там с тобой – увидишь. Обязательно по-

бываем. По дороге только в Киев забежим на минутку, на стариков моих посмотреть. Хорошие они у меня старики, ей-богу... Давай выпьем за них, – есть там ещё чего, Чумак?

И мы опять пьём. За стариков пьём, за Киев, за Берлин и ещё за что-то, не помню уж за что. А кругом всё стреляют и стреляют, и небо совсем уж фиолетовое, и визжат ракеты, и где-то совсем рядом наяривает кто-то на балалайке «Барыню».

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться.

– Чего там ещё?

– Начальник штаба вызывает.

– А ты кто такой?

– Связной штаба.

– Ну?

– Велено всех к восемнадцати ноль-ноль собрать. На КП в овраге...

– С ума спятил!.. Какого лешего. Сегодня выходной, праздник.

– Моё дело маленькое, товарищ лейтенант. Начальник штаба приказал, я и передал.

– Да ты толком объясни. А то – приказал, передал... На банкет, что ли, вызывают? По случаю победы?

Связной смеётся.

– Северную группировку, слышал, завтра будут доканчивать на «Баррикадах». Нашу и тридцать девятую бросают туда.

Вот те на!..

Чумак ищет в темноте бушлат, пояс. Шарит по земле. Лисагор отряхивает солону с шинели.

– Валега, собирай монатки и живо за Гаркушей. Во втором дворе отсюда, в подвале. Раз-два...

Валега срывается.

– Лопаты чтоб не забыл, смотри, – и повернувшись ко мне: – Ну, что ж, инженер, пошли НП копать. С места в карьер – мозоли наращивать.

– Лопат хватит?

– Хватит. Каждому по лопате. Мне, тебе, Гаркуше, Валеге. За ночь сделаем – факт. А может, и в доме где-нибудь пристроимся из окна... Пошли.

На улице слышен зычный чумаковский голос:

– В колонну по четыре... Стр-р-роевым. С места песню... Ша-а-агом марш!

А во взводе у него всего три человека.

Лисагор хлопает меня по плечу.

– Не вышло нам к Игорю твоему сходить. Всегда у нас с тобой так... Завтра придётся. Даст бог, живы останемся.

Где-то высоко-высоко в небе тарахтит «кукурузник» – ночной дозор. Над «Баррикадами» зажигаются «фонари». Наши «фонари», не немецкие.

Некому уже у немцев зажигать их. Да и незачем. Длинной зелёной вереницей плетутся они к Волге. Молчат. А сзади сержантик – молоденький, курносый, в зубах длинная изогнутая трубка с болтающейся кисточкой. Подмигивает нам на ходу.

– Экскурсантов веду... Волгу посмотреть хотят.

И весело, заразительно смеётся.

НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ ЦОКОВ

Фронтовик

ЛЮДМИЛА ГЕОРГИЕВНА ЗЕЛЕНИНА

Учитель истории гимназии №39

О ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧЕ ОБРАЗЦОВЕ И ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ САНЬКО

ЗНАМЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАД ОРЛОМ

*Знамя Победы 150 дивизии,
пятое по счету из девяти,
было водружено над Рейхстагом*

Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантарием

Летом 1943 года не было и семнадцати лет, когда наши войска вступили в Орёл, и наши воины Василий Иванович Образцов и Дмитрий Иванович Санько водрузили Знамя Освобождения над известным домом, у Сквера танкистов, где ныне горит Вечный огонь. Как только мне исполнилось семнадцать, я был призван в ряды Красной Армии и отправлен в запасной полк Воронежского фронта, где и прошёл курс молодого бойца. После этого дорогами войны я и шёл с боями на Запад и дошёл до логова немецко-фашистского зверя, до самого Берлина.

Войну я закончил в девятнадцать лет и целый год ждал демобилизации, поскольку демобилизовывали девятнадцатилетних. И вот я в Орле. Как участник Великой Отечественной войны был в Совете ветеранов Заводского района, где и познакомился с теми, кто когда-то водружали в Орле Знамя Освобождения, – с Василием Ивановичем Образцовым и Дмитрием Ивановичем Санько. Нужно сказать, что оба они так или иначе были связаны с Заводским районом Орла. Образцов работал на заводе «Дормаш» мастером шлифовального двора, составлял компоненты для плавки, а Санько проживал поблизости от автовокзала, за кинотеатром «Современник». На пятиэтажном доме «хрущёвки» мемориальная доска, означающая, что здесь в своё время жил воин, водружавший знамя над освобождённым Орлом.

Было такое правило – водружать знамя вдвоём: русский Егоров и грузин Кантария. Это в Берлине над Рейхстагом, а до того у нас тут в Орле – Образцов и Санько (русский и украинец из Новороссии.) Конечно, не только вдвоём они поднимали знамя на самом высоком доме над руинами города. Их сопровождал взвод автоматчиков. Знамя Победы над Берлином несли вверх по рейхстагу, по всем ступенькам и его этажам, где засели гитлеровцы и оказывали отчаянное сопротивление тоже, конечно, взвод, а может быть, батальон, а то и больше. Помогая им, с площади били из пушек по рейхстагу наши танкисты.

Совет ветеранов Заводского района проводил встречи Образцова и Санько, которые были уже почётными гражданами Орла, в трудовых коллективах города, на заводах и фабриках, в вузах и техникумах, в школах. И не только в День Освобождения Орла – 5 августа, но и в День Победы – 9 мая, в День Парада Победы – 24 июня 1945 года.

До сих пор стучит моё сердце в память об этих датах, о встречах ветеранов с народом, а в душе звучит музыка главной песни о прошедшей войне:

*- День Победы порохом пропах.
День Победы с сединою на висках.
Эта радость со слезами на глазах.
День Победы... День Победы...*

И вот День Победы – 70, Парад Победы – 70. И мы в школе № 39 Орла имени Шиллера с преподаванием немецкого языка. Вот что нам рассказывает учительница истории этой школы Людмила Георгиевна Зеленина.

– Наши ребята – юные патриоты. Это Александр Столяров и Ирина Клименко из старших классов, Данила Селютин и Эльвира Борисова из шестого класса. Они дружно проводят большую, можно сказать, творческую работу, например, по истории орловской пионерии, орловского комсомола. Комсомольцы имеют славные традиции, многие из них принимали активное участие в боевых действиях в Великой Отечественной войне, погибли, защищая Родину. Старшеклассники переписываются со своими сверстниками – интернационалистами из Испании, Италии, выступают перед школьниками младших классов, перед родителями.

Яркое впечатление произвела постановка пьесы Б. Васильева «А зори здесь тихие», которую ребята поставили сначала у себя в школе, а потом в Орловском государственном университете, на историческом факультете.

В школе существует военно-исторический музей Почётных граждан г. Орла. Есть в нём экспозиция, посвящённая Василию Ивановичу Образцову и Дмитрию Ивановичу Санько. В музее имеются их фотографии – ветеранов и освободителей Орла. Показано, как они в сорок третьем году водружают знамя над городом, лежащем в руинах. Тут же находятся записи биографий Образцова и Санько, этапы их боевого и трудового пути, как шли они всегда и во всём вперёд дорогами войны и мира.

Материалы военно – исторического музея помогают нам проводить внеклассную работу, уроки в классах на более высоком патриотическом уровне. По окончании школы многие ребята уйдут служить в армию. Мы знаем, что они нашу школу-гимназию №39 имени Шиллера не подведут. Будут служить честно и добросовестно.

Те, что приходят в школьный исторический музей, поневоле задерживают взгляд на общем фото, где ребята были сняты с ветеранами войны, освободителями города Василием Ивановичем Образцовым и Дмитрием Ивановичем Санько, когда они были живы. Они приходили к нам в школу, встречались с ребятами. Мы помним их до сих пор.

*День Победы порохом пропах,
День Победы с сединою на висках.
Эта радость со слезами на глазах.
День Победы...День Победы...*

АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

КОРОТЕЕВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Руководитель Департамента сельского хозяйства Орловской области

С ЗАБОТОЙ О ЛЮДЯХ

Беседовал Л.М.Золотарёв

Помнится, в прежние времена был дефицит продуктов питания, особенно мяса. В Туле я слышал такой анекдот: длинная, зелёная, пахнет колбасой. Что это? Ответ простой: это туляки или орловцы едут из Москвы, закупив мясной продукции, особенно колбасы. Любительской и докторской. В редкую стёжку что-либо получше, твёрдого копченья. Колбасы, произведённой тут у нас в Верховье или Змиёвке. Увезённой в Москву и привезённой обратно. Правда, кур продавали в Орле, на Ленинской. Прямо на улице. Стоят человек пятьдесят перед тобой. Это, значит, сколько часов предстоит тебе стоячего положения? Так и жили. В обществе всеобщего благоденствия.

Теперь об этом и речи нет. Заходишь в любой магазин – глаза разбегаются. Колбасы сколько хочешь, сортов двадцать, а то и все пятьдесят. Да купить не всегда можешь. Цены кусаются. Это с мясом, а с молочной продукцией? У нас тут поблизости так называемый рынок выходного дня. Работает в субботу и воскресенье. Про мясо и колбасу уже было сказано, а что с молочной продукцией? Молоко стало какое-то порошковое. А масло какое-то пальмовое, масло пальмами какими-то разбавляют. И цены растут непомерно. С утра пришёл – цены одни, а после обеда уже другие. В два – три раза больше. Было так. Теперь в час по столовой ложке: растут: по рублю, по два, но каждый божий день, тоже с утра до вечера.

И тут вдруг дрогнули, задержались, а то и вовсе стали медленно снижаться. Чудо какое-то, метаморфоза. Кто же это, думаю, так о людях заботится? Отчего происходит колебание цен? Пойду, думаю, к главному в области по таким делам. Как, бывало, «ходоки» к Ленину, – к Коротееву Владимиру Ильичу. Пусть он мне всё объяснит. Закончил ведь Тимирязевскую сельхозакадемию. Задам ему кое-какие вопросы.

Вопрос. Прежде всего меня интересует мясо, мясная продукция. Отчего происходит колебание цен? Особенно их рост.

Коротеев В.И. Это рынок. Он диктует, формирует ценообразование. Например, сезонное колебание цен. Это естественно. Осенью цена на продукцию одна, зимой – другая. Допустим, вырастили морковь, свёклу, картошку – произвели трудовые затраты, электроэнергию. Зимой продукцию надо хранить, сколько на это надо ещё средств? Вот продукция и удорожается.

Почему, говорите, цены растут непомерно? Растут. Но государство не имеет права в это вторгаться. На рынке в основном работают фермеры, продаётся мясо, молоко, масло из личных подсобных хозяйств. А цены они накручивают, это из жадности. Вот об этом говорил на днях премьер-министр Дмитрий Анатольевич Медведев.

В самом деле, не можем мы на рынке цены калькулировать, можем только рекомендовать, чтобы производители продавали дешевле, чтобы не было необоснованных цен. Чтобы продукцию производители продавали ближе к её себестоимости.

Вопрос. И ещё, отчего на рынке разные цены, от разной себестоимости?

Коротеев В.И. Конечно, есть крупные коллективные хозяйства и есть мелкий и средний бизнес – фермеры, личные хозяйства. И у всех разная рентабельность. Например, производство молока на 55-60 процентов зависит от кормов, мяса – процентов на 50. А корма зависят от их качества – они бывают первого и второго класса. В экономике так: дёрнул в одном месте за ниточку – по всей цепочке чувствуется. В прежние времена молока, бывало, надаивали по 2600 литров, теперь – 4400. А меньше надаивать нельзя, невыгодно, менять надо профиль всего производства.

Вопрос. Есть ли у нас в области лучшие районы по молоку, лучшие хозяйства?

Коротеев В.И. Конечно, есть. Лучших хозяйств в области по производству молочной продукции около ста. Специализированных хозяйств – два. Это агрофирма «Мценская» во Мценском районе и ЗАО «Славяновская» Верховского района... Порошковое молоко продают? Это не наша компетенция. Пусть этим занимаются органы.

Вопрос. А как обстоит дело с мясом? А именно, с производством говядины, с крупным рогатым скотом?

Коротеев В.И. В области животноводства у нас имеются хозяйства молочного, мясо-молочного и мясного направления. Например, в Шаблыкинском районе, в деревне Косуличи создана база по откорму быков. Сейчас их 21 тысяча голов, средний вес 480 – 500 килограммов. Тут мы производим высококачественное, так называемое «мраморное» мясо. Порода быков славится своими высокими качествами, это «Абердин – Ангус». Планируем довести поголовье в Косуличах до 50 тысяч.

Вопрос. Как мы выйдем по производству молока и мяса в сравнении с соседними областями? Например, Белгородской, Курской, Брянской областями? Видел я как-то по телевизору молочные фермы в Белгородской области – новое, передовое слово в животноводстве страны.

Коротеев В.И. Этим вопросом надо заниматься специально. Сравнить по многим показателям, вникать в глубину...

Вопрос. А как обстоит дело с кадрами? Ведь кадры решают всё. Каковы взаимоотношения отрасли с Орловским государственным аграрным университетом?

Коротеев В.И. Здесь два вопроса. На оба и попробуем ответить. В сельскохозяйственных кадрах область, скажем так, не испытывает нужды. Специалисты у нас работают везде: и на селе, и в городе, где в основном происходит переработка производимого на селе. И даже тут у нас, в нашем учреждении, тоже работают специалисты сельского хозяйства. Об Орловском аграрном университете можно сказать следующее. Он был создан в 1975 году, а в 1980 году состоялся первый выпуск. Это агрономы, зоотехники, ветеринары, инженеры-механики, экономисты. За прошедшие годы в аграрном вузе научились готовить кадры. Прежде кадры для области готовили в Москве, Воронеже и в основном в Курске.

Вопрос. Как выглядит наш аграрный вуз в сравнении с Курским? Помнится, я работал в «Орловском комсомольце, моя журналистская практика состояла в том, чтобы писать о селе, поднимать сельские проблемы. Так вот, что было? Мы уже публиковали материалы о приёме учащихся орловских школ в Курскую Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. Это всё Хрущёв. Намечено было Тимирязевку из Москвы перевести в Курск. Построили уже целый город для этого, объявили приём, а академики в Курск не поехали. Стары, мол, мы для таких экспериментов. Так всё и зашло в тупик. И ещё как выглядит Орловская аграрная академия в сравнении с Курской?

Коротеев В.И. Совсем неплохо. Мы довольны кадрами, которых готовит наш вуз во главе с ректором Николаем Васильевичем Парахиным. Я давно знаю его, со времён прежних руководителей области.

Вопрос. Какие новые формы приёма абитуриентов в сельхозвузе существуют, кроме традиционного дня открытых дверей?

Коротеев В.И. Множество. Обычно у всех всё сводится к тому, чтобы у молодых людей свести воедино теорию с практикой. Поступившие занимаются в лабораториях хорошо, с теорией всё в порядке, а вот руками свою будущую профессию ещё не попробовали, землю-то родную не помяли в ладони. Как вести в хозяйстве, допустим, современную экономику, чтобы «экономика была экономной»? На практику в сельхозвузе обращают особое внимание. Студенты ещё до защиты диплома вникают в дела на фермах, в полях, на комбайнах. Обращают особое внимание на рентабельность, прибыль, чтобы производилось больше продукции, чтобы она была более высокого качества. Это залог успеха. Больше производите продукции, дешевле станет на рынке молоко, масло, творог, мёд. Лучше станут жить люди. Вот что стоит за усилиями работников сельского хозяйства Орловщины, и это, в конце концов, забота о людях, об их достатке, материальном благополучии.

Мы знаем, что к нам на орловские рынки выходного дня привозят продукцию из соседних областей. Она может быть дешевле, кому-то нравится больше. Однако главное: своей продукции у нас должно быть достаточно. И тогда, в конце концов, сработает механизм и ценообразования, и повышения качества продукции. Наше молоко будет не хуже других, наш картофель будет лучшим.

Вопрос. А яблоки? Что же мы продаём на рынке польские, голландские яблоки? А свои? В Глазуновском районе, помню, было три садоводческих совхоза...

Коротеев В.И. И в Ливенском районе было, и во Мценском, и в Колпнянском. Да перестали следить за ними, они и потеряли промышленное значение.

Вопрос. И куда смотрела Орловская плодово-ягодная станция? Наука. Это же специализированное садоводческое учреждение.

Коротеев В.И. А куда и все. Упущено время, прохлопали мы сады свои знаменитые.

Вопрос. Помните рассказ Бунина «Антоновские яблоки»?

Коротеев В.И. Ну, а как же. Слава дедов наших и наших отцов. Принята программа, будем сады восстанавливать. Было в области 5000 гектаров земли под садами, больше станет. Будем посылать отсюда антоновку людям в Сибирь и на Север... Можно вам вопрос задать?

Ответ. Ну, а как же.

Коротеев В.И. А почему вы спросили про яблоки? Ведь не по теме вроде. Договаривались, будем обсуждать вопрос о молоке и мясе.

Ответ. С детства яблоки люблю. Антоновские. Такие, как у Ивана Алексеевича Бунина.

Вышел я из помещения, из Департамента сельского хозяйства, а снег в лицо. Пронзительный ветер, косой снег. Ничего, ничего, вот уже за середину апреля. Скоро будет тепло, будет зелено вокруг. Где-то на юго-востоке области уже сеют хлеба. Коровы выходят на травку. Бычки набирают вес. Экономисты считают доходы. И всё это во имя людей, для приумножения богатства России. А мы, писатели и журналисты, тоже работаем для процветания Родины.

ЛЯШУК РОМАН НИКОЛАЕВИЧ
Заведующий кафедрой ОГАУ, доктор сельскохозяйственных наук

РЕЗЕРВЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ В ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Необходимость увеличения доли продовольствия отечественного производства в общем балансе потребления (или как сейчас принято говорить – импортозамещения) в последнее время обсуждается предметно и на самом высоком уровне.

Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев озвучил следующую стратегическую задачу: «Нам предстоит сократить зависимость внутреннего продовольственного рынка России от импортных поставок мяса, молока и молочной продукции». Поскольку решение этой проблемы является краеугольным камнем продовольственной безопасности страны, оно, безусловно, будет найдено.

Актуальность вопроса в масштабах Российской Федерации настолько высока, что мы сочли важным рассмотреть потенциал импортозамещения животноводческой продукции в Орловской области и пути его реализации.

Очевидно, что данный вопрос имеет несколько измерений.

Важными условиями реализации поставленной задачи являются оперативность и прогнозируемость мер господдержки производителей, поскольку без системной господдержки, ситуация, вероятнее всего, будет развиваться по негативному сценарию.

Так, по прогнозам Счётной палаты, отраженным в отчёте «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов», больше всего проблем на отечественном продовольственном рынке ожидается с молочной продукцией. Минэкономразвития также прогнозирует, что производство молока в России в 2015 году останется на уровне 2014 года, при падении импорта на 10% до 8,5 млн. тонн. Ограничение предложения, при этом, неизбежно приведёт к росту цен и снижению потребления молочной продукции. По сообщению министра сельского хозяйства РФ Н. Фёдорова (ныне Ткачев), за последние пять лет поголовье крупного рогатого скота в стране снизилось почти на 1,5 млн. голов. Также снизился объём производства молока в сельхозорганизациях – на 1,4%, в хозяйствах населения – более чем на 12%. Доля импорта в пересчёте на цельное молоко достигла 60%.

В отношении производства мясной продукции, Минэкономразвития констатирует, что в РФ в 2015 году прироста производства говядины не произойдёт, а в следующем году объёмы производства подрастут всего на 0,4% при сокращении ввоза на 11,8%. Ограничение предложения, при этом, неизбежно приведёт к росту цен и снижению потребления мясной продукции. Несколько более устойчивой является ситуация с производством свинины.

С другой стороны, действующая Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы, сегодня существенно корректируется. На 2015-2020 планируется освоить на 636 миллиардов больше, чем предполагала основная Программа. На развитие животноводства и мясной отрасли, в том числе, Правительством РФ предполагаются наибольшие ассигнования, уже начиная с 2015 года.

Нужно отметить, что ограничение импорта скота позволит нам избежать многих сопутствующих этому процессу проблем. Не секрет, что мясное сырьё зарубежного происхождения часто ввозится в Россию с недостаточными качественными и санитарно-гигиеническими характеристиками. Практически невозможен контроль над использованием при производстве говядины кормов из генетически модифицированных организмов и запрещённых в России добавок, а также ветери-

нарный контроль над распространёнными за рубежом заболеваниями животных с длительными периодами латентности.

Для создания крупной отрасли специализированного мясного скотоводства как поставщика высококачественной говядины в перспективе до 2020 года в объёмах не менее 1700 – 2000 тыс. тонн (в такой же пропорции к говядине из молочных стад, как в Европе) Россия располагает всеми необходимыми предпосылками:

– Наличие 77 млн. га естественных кормовых угодий и около 22-25 млн га неиспользуемой пашни.

– Апробированная практически во всех регионах страны малозатратная интенсивно-пастбищная технология мясного скотоводства.

– Ресурсы маточного поголовья в мясных (16-20 тыс. тёлочек в год) и молочных (не менее 150-200 тыс. тёлочек в год) стадах для формирования новых мясных ферм племенного и особенно товарного назначения.

Рациональность выбора приоритетного развития специализированного мясного скотоводства обусловлена рядом известных причин.

Основным источником производства говядины в России в последние десятилетия являются выбракованные коровы и откормочный контингент из молочных стад, на долю которых приходится почти 98% этого вида мяса.

Согласно Концепции развития животноводства России до 2020 года, дальнейшее развитие молочного скотоводства будет происходить при стабилизации поголовья коров на уровне 9,2-10,0 млн. голов и увеличения объёмов производства молока путем повышения удоев.

Это означает, что откормочный контингент из молочных стад в перспективе не увеличится, а ресурсы интенсификации его использования не могут обеспечить значительного увеличения производства говядины в ближайшие 5-10 лет.

Анализ мирового опыта показывает, что удовлетворение платежеспособного спроса на говядину в полном объёме невозможно без ускоренного развития специализированного мясного скотоводства. В странах с развитым животноводством молочное скотоводство намного раньше, чем в России, перешло на интенсивный путь развития и поэтому одновременно с сокращением поголовья молочных коров увеличивало число мясных коров в пропорции за 1 молочную – 1,1-1,2 мясных коровы.

В результате в общем поголовье крупного рогатого скота на специализированный мясной скот приходится в странах ЕС – 40-50%, в Австралии – 85%, США и Канаде – 70-75%.

В России в период с 1991 по 2014 год существенное сокращение поголовья молочных коров не сопровождалось объективно необходимым для сохранения откормочного контингента увеличением численности мясного скота. Повышенный интерес к мясному скотоводству за три последних года увеличил численность мясного скота на 19,7%, в том числе коров на 19%. Эти темпы целесообразно не только сохранить, но придать им устойчивый характер для достижения стратегической цели.

В целом для решения задачи форсированного импортозамещения животноводческой продукции необходимо определить приоритетные регионы, имеющие потенциал её реализации и ввести защищенные статьи бюджета, финансирование по которым определить минимум до 2025 года. Необходимо отметить, что предполагаемый объём бюджетного финансирования отрасли уже в ближайшие годы значительно превысит возможный объём финансирования в рамках, взятых на себя Россией обязательств в ВТО.

Не менее актуальным, в контексте импортозамещения животноводческой продукции, на наш взгляд, является вопрос воссоздания производственной базы отрасли.

Общеизвестные конъюнктурные обстоятельства двух прошедших десятилетий привели к значительной утрате производственно-ресурсной базы животноводства.

Для её восстановления целесообразно выделить и обеспечить финансирование территориальных групп предприятий по типу региональных кластеров, располагающих наибольшим потенциалом увеличения производства животноводческой продукции.

Ключевыми показателями эффективности при этом должны стать высокая конкурентоспособность предприятий и организаций, хороший уровень развития производственной, транспортной и энергетической инфраструктуры, наличие свободных производственных площадей, развитая система специального профессионального образования и, наконец, общая инновационная направленность развития.

Результаты многолетних исследований показывают, что животноводческий подкомплекс Орловской области полностью соответствует всем перечисленным параметрам. В числе регионально-инфраструктурных и инновационных конкурентных преимуществ можно выделить выгодное географическое расположение (Орловская область является одним из крупных транспортных узлов Центра России, что способствует развитию экономической интеграции).

Несмотря на свои относительно небольшие размеры, Орловская область по площади сельскохозяйственных угодий, приходящихся на одного жителя, занимает одно из ведущих мест в группе регионов Европейской части России. Это обстоятельство одновременно с благоприятными погодно-климатическими условиями предопределяет общую аграрно-промышленную направленность развития. В области в настоящее время имеется 430 тысяч гектаров свободных площадей, которые могут быть использованы для расширения производства молока. Урожайность зерновых в текущем году превысила 2,5 млн. тонн, что также положительно характеризует кормовые ресурсы области.

Нельзя не упомянуть значительный кадровый потенциал. На территории области функционирует аграрный университет и целая сеть средних специальных учебных заведений, осуществляющих подготовку высококвалифицированных специалистов.

Отдельно необходимо остановиться на состоянии племенной базы животноводства.

Ни для кого не секрет, что в последние годы в условиях возросшего импорта племенной продукции была ослаблена собственная племенная база животноводства, во многих хозяйствах селекционная работа сегодня не ведётся вообще или ведётся с нарушениями.

В то же время среди специалистов не прекращается полемика о целесообразности закупки импортного поголовья. Рыночная система покупки и продажи племенного материала, как правило, формируется стихийно с многочисленными посредниками. Обращение к импорту, как к основному источнику пополнения племенных ресурсов постепенно размывает собственный потенциал, ставит отечественное производство в прямую зависимость от деятельности зарубежных селекционеров.

С другой стороны, даже приобретение качественного племенного скота без преобразования сложившихся технологий производства не приносит ожидаемого результата, а одновременный с импортом скота ввод новых современных комплексов «под ключ» весьма высокочатратный и длительный процесс.

Перечисленные аргументы, а также поставленные руководством страны задачи по полномасштабному импортозамещению заставляют отечественных производителей мяса и молока переориентироваться на воссоздание собственной племенной базы.

В Орловской области сотрудниками ОрёлГАУ, начиная с 1982 года, проводится плановая целенаправленная работа по совершенствованию местных молочных

стад. В племенных хозяйствах накоплен значительный селекционный материал – созданы высокопродуктивные коровы чёрно-пёстрой породы желательного типа с удоем за 1-ю лактацию 4500 кг молока жирностью 3,8% и по 3-й лактации и старше – 6000 кг молока и жирностью 3,8%, что существенно (на 8,2-17,4%) выше, чем продуктивность чистопородных коров-сверстниц.

В настоящее время в базовых племенных хозяйствах насчитывается более 10 тыс. животных создаваемого типа, в т. ч. более 4000 коров, отвечающих целевому стандарту по продуктивности. Все это позволяет сегодня вести речь о создании нового «орловского» заводского регионального типа чёрно-пёстрого скота.

В целом, как следует из всего изложенного, Орловская область обладает чрезвычайно высоким потенциалом роста производства животноводческой продукции и, при соответствующих мерах и гарантиях господдержки, способна занять достойное место на рынке импортозамещения продукции животноводства.

НАТАЛЬЯ ЗАРУБИНА
Журналист

КАРТОФЕЛЬ - «ВТОРОЙ ХЛЕБ» ОРЛОВЩИНЫ

Ещё в начале первого десятилетия 2000-х годов на полях области и приусадебных участках наших граждан картофель занимал около 45,0 тыс. гектаров. К 2014 году посевные площади картофеля в регионе сократились до 31 тыс. гектаров.

По инициативе областных властей в 2014 году в области была проведена так называемая актуализация кадастровой стоимости земель. Специалисты считают, что полноценная, сравнительная оценка плодородия почв не была выполнена. В результате кадастровая стоимость земли в области возросла в несколько раз вне зависимости от её качества. Как следствие – в несколько раз увеличилась арендная плата, земельный налог.

Возмущение сельхозпроизводителей по этому поводу растёт с каждым днём. В полной мере последствия такой актуализации в 2015 году почувствуют на себе и садоводы-огородники, которым придётся платить за свои «шесть соток» такие налоги, что картофель и овощи, купленные на рынке, обойдутся им гораздо дешевле, чем выращенные на собственных участках.

На сегодняшний день картофель в Орловской области выращивается преимущественно в личных подсобных хозяйствах граждан. В 2014 году площадь под картофелем в ЛПХ составила почти 28 тысяч гектаров, в сельскохозяйственных организациях картофель возделывался на площади 2,4 тыс. гектаров, в крестьянских (фермерских) хозяйствах картофель занимал 1,0 тыс. гектаров.

В 2014 году область не выполнила план Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2013-2020 годы по производству картофеля. Никто из руководства области не обратил на это никакого внимания. Подорожание «второго хлеба» списали на всеобщее подорожание продуктов питания в связи с введёнными против России санкциями, а также на сезонное повышение цен. Да и вряд ли далеко не бедные областные чиновники, предпочитающие фуа-гра, задумывались о том, чем преимущественно питается местная «челядь».

Между тем в сфере картофелеводства АПК назрел ряд системных проблем. В регионе полностью отсутствует первичное семеноводство картофеля. В регионе делали ставку на импортные семена из Германии, Голландии, Франции. Однако эти семена запрограммированы на трёхлетний цикл использования, после чего они теряют урожайность. Сейчас действуют временные ограничения на ввоз семенного картофеля с территории стран Евросоюза, а то, что ввозится, должно проходить предпогрузочный контроль по итогам лабораторных исследований.

В этом году Россельхознадзор отбирал в Германии образцы семенного картофеля. Эксперты Орловского референтного центра Россельхознадзора в клубнях картофеля из Германии выявили паршу серебристую и фомоз. Вредоносность парши отражается на семенных качествах картофеля, предрасположены к развитию вторичной инфекции, при высадке слабые клубни дают изреженные всходы, либо всходов не бывает вообще. Что касается поражения сухой гнилью, то она вызывает при хранении серьёзные потери урожая.

Так мы расплачиваемся за загубленное семеноводство, регион должен принимать меры для возрождения стратегически важной отрасли.

Для огородников семенной картофель – это по-прежнему обычные «бабушкины» старые сорта, отобранные на посадку картофелины размером с голубиное яйцо. В лучшем случае соседи обмениваются картофелем между собой. Однако фитосанитарное состояние почв в личных подсобных хозяйствах, где практикуется многолетнее возделывание картофеля, оставляет желать лучшего. Не секрет, что многие районы области находятся в карантинной зоне по золотистой картофельной нематоде. Для людей такой картофель безопасен, однако его урожай падает на 50-70 процентов.

Руководство областного сельского хозяйства должно бы информировать граждан о том, как правильно подобрать, а главное, где приобрести нематодоустойчивые сорта картофеля. Надо срочно думать, как выполнять Госпрограмму по картофелю, по всем другим овощным культурам в рамках импортозамещения, как привлекать к картофелю личные подсобные хозяйства, какую помощь им оказывать, чтобы исправить положение вещей, решить проблему. Эйфория о трёх миллионах тонн собранного зерна слишком затянулась. Вся надежда на нового министра сельского хозяйства, человека опытного, талантливого, умеющего ставить задачи и достигать поставленных целей.

Конечно, хлеб – всему голова, но картофель является «вторым хлебом» для нас, основным продуктом питания, без которого не обходятся ни будни, ни праздники. Именно картошка спасала нас в лихую годину, она выручала, когда не хватало хлеба. В Ленинграде люди убирали тротуары, раскапывали землю и сажали картошку.

Картофель, как и хлеб, продукт стратегический.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Поля закручивались по сторонам бегущего косогороми автобуса. Хозяйство, откуда я возвращался, экономически несильное, и хозяйство, куда я ехал сейчас, было стабильно крепкое, известное за пределами области. А ведь земли соседние,

можно сказать, одинаковые. Да будь от них и одинаковая отдача, вероятнее всего, не пришлось бы мне упоминать в этом очерке о моём недавнем собеседнике руководителе первого из хозяйств, человеку, как мне показалось, излишне волевым, видящем единственный свой козырь в расширении санкций, утверждении своих директорских прав.

Чем же берет руководитель другого хозяйства? Вот тут одним словом и не ответишь. Председателя ливенского ордена «Знак Почета» колхоза имени Карла Маркса Василия Андреевича Клюковского знал я и прежде как человека, тонко понимающего хозяйственный механизм, создающего этот механизм самолично, активного во всех отношениях, связанного с землей сетью наитончайших нитей, умеющего находить контакты и с начальством самых различных рангов, и с простыми тружениками, способного в нужный момент решительно встать за интересы колхоза. И по сей день шагает он в ногу со временем в роли председателя вот уже за тридцать лет...

В Барково автобус скрипнул тормозами. В кустах живо откликнулась птаха, а на порожках правления колхоза имени Карла Маркса появился невысокий, по-мальчишески вёрткий, удивительно молодой при всей белизне головы мужчина — Клюковской! Вот так же, помнится, стояли мы на порожках этого, тогда совсем нового здания, и Василий Андреевич был ещё тёмной волосою, как говорят, «смоляной», и мы планировали, как лучше разбить парк вокруг, какие породы деревьев и кустарников высадить, как целесообразнее разместить хозяйственный двор, оформить памятник погибшим в войну односельчанам. А сейчас правление утопало в зелени, к памятнику воинам вели аллею «регулярного» парка, сквозь еловые лапы огнём пылали слова: «Слава вам, жившие, смерть победившие! Вечную память поёт вам народ».

А дальше виднелись добротные стены Дома культуры, магазина, гостиницы, бани. Ещё дальше, в глубину двора, протянулся целый хозяйственный городок: склады, ремонтные мастерские, техника под навесом, тёплые гаражи. Над площадью вознесенный на пьедестал высился памятник колхозным механизаторам-трактор «ДТ-54»...

И вся эта зелень, и ухоженность машинного двора, сама вымеренность линий, в которые вытягивалась производственная зона, лишь оттеняли седину председателя, его молодую подвижность. Он живо переходил от одной группы людей к другой. Спрашивал, требовал, отвечал. То совет подаст, то точное слово вернёт, то расчёт хозяина проявит. И думалось мне, что белизна головы и полный, как говорится «иконостас» на груди (ордена Ленина. Октябрьской революции. Трудового Красного Знамени) – не результат лёгкой жизни, что в колхозе есть ещё семь кавалеров ордена Ленина: доярки, механизаторы, специалисты сельского хозяйства. У Клюковского и его товарищей имеется талант, желание и умение кормить людей.

В конце Барково, его широкой тракторной улицы, за Сосной-рекой, виделся город: Ливны поднимали свои этажи. Крепко, в едином жгуте сплеталось здесь всё видимое – строения на центральной усадьбе и невидимое пока, что было в конторских книгах и расчётах экономистов, вся прошлая и настоящая жизнь.

...В пятидесятом году блестящий молодой офицер Василий Клюковской вернулся домой из армии и был рекомендован на должность председателя колхоза в родное Барково. Целую неделю его мать Фекла Андреевна не пускала сына на должность, причитала в голос, что «младшенький её тут, где все кумовья да сватья, собьётся с круга, а то в тюрьму попадёт». Да и он ходил сам не свой. Неожиданно вспомнил, как в военном училище его, боявшегося выйти в круг на простенький вальс, подготовила к конкурсу бальных танцев преподавательница, да так, что он выиграл приз и получил за это бостоновый отрез. «Значит, – подумал он, – не боги

горшки обжигают». Это укрепило в нем силы, сестра Прасковья сумела успокоить мать, и он при поддержке товарищей согласился на новую для себя роль.

– Ну что ты, маленькая, – говорил он ласково матери, – от людей всему научусь. И потом должен же кто-то быть и председателем, строить новую жизнь. И прежде всего повел борьбу с самим собой, со своей нерешительностью. И по сей день продолжает её, но уже на ином горизонте – с инерцией мышления, самоуспокоенностью за то, чтобы не только не отстать, но быть в чем-то впереди многих. Правда, теперь и хозяйство, и люди, да и сама жизнь стали гораздо сложнее, да ведь и он лично уже далеко не тот, кем был раньше. Жизнь явилась для него академией, а механизаторы, доярки, специалисты – своего рода профессорами. Все, что получал он от них, с лихвой возвращал им же.

Так во взаимном обогащении, в работе и шли годы. Все его помыслы и дела пронизывала искренняя любовь к людям, родному Барково, к политым кровью и потом полям. Он здесь свой. От рожденья крестьянин. От отца-матери, от веков, от многих поколений барковцев. Здесь его земля, его земляки. И работать плохо он не смеет. Люди осудят его за это. И то будет суд не только лично над ним, но и над всей его долгой хлеборобской фамилией. Вот в чем, пожалуй, один из главнейших истоков его ответственности перед делом, которому он служит. Потому и доверяют ему односельчане. На взаимном доверии, на уважении, трудовой оценке зиждется и развивается хозяйственный коллектив, которым руководит Клюковской.

Попад в председательский кабинет, я понял особый смысл сувениров, выставленных на стендах: они от тружеников Белоруссии, из брестского колхоза «Пограничник», с которым барковский колхоз связывает многолетняя дружба, из солнечной Болгарии, где на знаменитой Шипке в составе Орловского полка за свободу братьев-славян сражались когда-то и ливенцы. Клюковской готов утверждать, что среди них были, конечно, и жители села Барково. И вообще, как я заметил, Василий Андреевич весьма неравнодушен к давней и близкой истории своего края. С удовольствием, например, он связывает название села Барково с именем того самого академика, который ещё до Пушкина дерзнул спустить российскую словесность с Парнаса до всеобщего понимания и потребления. С присущей ему живостью председатель показывает знаменитый «подвальчик под магазином», чьим сводам не одна сотня лет. Ещё в древности, когда здешняя земля была окраиной Московского княжества, в этом подвальчике, выложенном из природного камня, сберегали якобы себя от кочевых племен, набегавших с Дикого поля, дозорные воины-русичи. Барково служило ключиком, который запирали на границе тот самый замок, каким в оные времена являлась Ливенская крепость.

Особенно Клюковского волнуют события Великой Отечественной войны, когда два года в Барково, перед Ливнами, держалась передовая и своды подвальчика однажды выдюжили движущийся танк. Древние камни достойно оберегали штаб дивизии из 13-й армии генерала Пухова, стоявшей здесь насмерть.

Председатель показывает мне «Книгу вечной памяти», которую нельзя читать равнодушно: «Всеми своими помыслами, всей своей жизнью будем достойны светлой памяти бессмертных героев!» Здесь имена всех, кто погиб, сражаясь на барковской земле, фамилии павших в боях за Родину односельчан: лейтенанта Георгия Степановича Гагарина, рядового Павла Сидоровича Беляева, сержанта Семёна Поликарповича Клюковского... Есть здесь и старший сержант Семён Павлович Лукьянов – бывший председатель колхоза, сражённый в жарком сорок втором в бою на родимой земле. Это ему перед войной всесоюзный староста М.И. Калинин вручал орден «Знак Почёта» за высокие показатели, достигнутые в производстве сельскохозяйственной продукции...

Вот какая ближняя и дальняя история стучится в сердца односельчан Клюковской. Память о родной земле, её мужестве и героизме поддерживают своими делами труженики колхоза и их председатель В.А. Клюковской. Сам Василий Андреевич из бывших фронтовиков, награжден орденами и двумя медалями «За отвагу». На родной барковской земле семнадцатилетний юноша принял своё первое боевое крещение. И ушёл в сражения, в полковую разведку...

Перед наступлением наших войск надо было во что бы то ни стало взять «языка». Одна группа разведчиков не вернулась с задания, другая привела «дурака»: пленного, который ничего не знал о расположении и боевой силе гитлеровцев. И тогда линию фронта поручили перейти группе бывалых разведчиков, с ними послали его – «цыганёнка», семнадцатилетнего парнишку, знавшего здесь каждый кустик, каждую ложбинку.

Память его хранит и по сей день взрывы мин и снарядов, когда всё вокруг встало на дыбы. Обеспечивая прикрытие разведке, наш пулеметчик стрелял с интервалом то очередями, то одиночными, словно выплясывал «барыню». «Эй, Иван, давай ещё!» – кричат весело гитлеровцы, а «цыганенок» на другом краю траншеи уже подталкивает в окопы фашистского оберлейтенанта.

На войне мужают быстро. Сутки здесь стоят многого. Ни за что не изгладится из памяти день, когда из части, отведённой на пополнение в деревню Ключики, его отпустили узнать, остались ли живы родные, и он на коне комбата, с хорошими документами одолел все посты охранения по пути к своему Барково. И увидел разбомбленные Ливны, опустошённое родное село, вывалившуюся из родной хаты стенку и землю, изрытую снарядами, иссечённую осколками, политую солдатской кровью. Через месяцы, в рядах морской пехоты где-то под Балаклавой, уже будучи опытным разведчиком, ступая по крымским каменистым осыпям, он всё видел эту родную землю, предназначенье которой – родить хлеб, кормить людей, а не принимать в себя гибнущих хлеборобов. На фронте Клюковской и дал себе клятву, что, если останется жив, придет домой и сделает всё, чтобы вернуть земле её изначальный смысл. Трижды мать получала на него похоронки, и трижды он воскресал, чтобы жить и осуществить свою мечту.

Эту ответственность перед барковскими полями, которые защищал лично, перед павшими старается привить председатель-фронтовик своим односельчанам, особенно молодежи. И не удивительно, что ветераны 148-й дивизии, сражавшиеся за Барково в жарком сорок втором году, отмечают теперь здесь, на территории колхоза имени Карла Маркса, День Победы. Клюковской своё право быть ветераном понимает как право и необходимость отдавать всего себя расцвету этой разорённой когда-то земли.

Тёмная председательская «Волга» несёт нас большаками в сторону Курска, потом на Воронеж. И всюду, насколько хватает глаз, поля, на которых работают тракторы, культивируют почву, подкармливают посевы. О каждом механизаторе Клюковской готов рассказывать долго-долго, зная всё о своих подчинённых, их хлеборобской династии до третьего-четвёртого колена. Зоркий хозяйский глаз при этом замечает и «балалайку» – огрех вдали, и след от проехавшей краем поля в лес машины, вероятно, из Ливен.

– Вот паршивцы! – сокрушается председатель. – Не могут дороги поискать на поляну, надо прямо по зеленым...

Озимые выглядят хорошо: раскустились, волнуется на ветру. Яровые тоже чёткие, ровные. Это радует душу председателя, и он готов показывать пшеничные, ячменные, кукурузные, свекольные участки хоть целый день. Ему нравится, как земля с каждым годом становится все ухоженнее, обжитее. Вот в конце «производственной зоны» белеет многочисленными строениями животноводческий

комплекс. Вот новый пруд за селом Барково, в который запущены мальки карпа, толстолобика, карася и который, в помощь реке Сосне, протекающей по кроме колхоза, будет создавать селу свой микроклимат, возможности для полива полей и огородов. Да и просто в летний зной колхозникам приятно выйти за сад и, окунувшись в прохладу, сбросить с себя дневную усталость.

– А это вот Средний Верх, – останавливает Клюковской «Волгу» в зелёной «балке», за которой бушуют кормовые культуры. – А то железная дорога Орёл – Мармыжи...

– К рельсам тянет, к перемене мест?

– Да ну что ты, маленький, – оживляется председатель. – Здесь же была передовая, врагов держали во-он там за линией. А по этой балке, через этот мостик под полотном возили в траншее еду и боепитание. А это вот наша палочка-выручалочка: фронтовой родничок, мировая водица! Особо после боя. Представляешь, а?

Уже потом в председательском кабинете, увидев огромный в полстены стенд «Планировка центральной усадьбы села Барково», глядя на все ещё в улыбке лицо Клюковского, я вдруг отчётливо понял, что эти схематичные линии, кружочки, квадратики живут в душе Василия Андреевича жилыми домами, фермами, культурно-бытовыми постройками, а все поля, перелески, балки и родники имеют своё лицо, свой характер, свою историю.

Нельзя было не обратить внимания на знамена, которые хранились в красном углу председательского кабинета. Районные и областные, за лучшую подготовку семенного фонда и успехи в социалистическом соревновании по животноводству. Одно из них переходящее.

На особом месте лежит книга Почета, в которую занесены имена тех, кто долгие годы помогал и до сих пор помогает хозяйству: скотник Илья Алексеевич Дедов, доярка Евдокия Николаевна Колосова и другие труженики.

– Это наша гвардия, золотой фонд, – гордится людьми Клюковской. – Хороший пример для молодежи! Кстати, у нас установлено звание «Почётный колхозник». Кроме морального, и материальный стимул: по выходе на заслуженный отдых прибавляем пятнадцать рублей к пенсии.

А в это время на полях работали заслуженный механизатор РСФСР Иван Алексеевич Горностаев, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Николай Яковлевич Калашников, на Беломестненской ферме трудился обладатель всевозможных областных и районных призов и премий животновод Иван Яковлевич Иванников, – все те, кого Клюковской называет своей опорой, костяком коллектива.

Колхоз имени Карла Маркса – хозяйство многоотраслевое, универсальное. В поле зрения председателя находится и земледелие, и животноводство. На протяжении вот уже нескольких лет здесь выращивают стабильные урожаи зерновых – до 35 центнеров на гектаре, на 100 гектаров сельхозугодий получают по 420 центнеров молока, по 130 центнеров мяса. Не исключением был и минувший, хотя и нелёгкий сельскохозяйственный год, когда в колхозную кассу, однако, как и прежде, поступили десятки тысяч рублей чистой прибыли. Клюковской понимает, что эти результаты, конечно же, не предел. Поэтому в голове его осмысливаются новые планы, новые мероприятия по наращиванию производства сельхозпродукции...

Глубокая ночь смаривает, наконец, Клюковского, заставляет идти домой. И хотя дом его глазастый, в зелени, под красочку вместе со всеми тут на большаке – от правления лишь через дорогу, за день Клюковскому не всегда удастся заглянуть сюда хотя бы раз. Уже смежаются веки, и ему кажется, что сыплется со всевозможных бумаг сухая цифирь – урожаи, надои, корма, стоимость и себе-

стоимость центнеров хлеба, молока, мяса, цена недавно поступившей техники. И перед взглядом проходят лица тех, кому выполнять напряжённые планы. Это селекционер Татьяна Колосова, шофёр Виктор Бородин – сын бригадира тракторной бригады Алексея Ивановича. В прошлом году Виктор возвратился из армии, и ему дали новенький самосвал. Парень работает хорошо, оправдывает доверие...

Уже засыпая, Василий Андреевич явственно видит эпизод из собственной жизни, как он в составе областной делегации ходит по крепости-герою Бресту, а потом мэр города посещает Барково, и Клюковской возит высокого гостя по полям, и руки, между прочим, так и просятся крутануть баранку к тому дорогому его памяти «фронтовому родничку», что под мостом на железной дороге Орёл – Мармыжи...

Чуть свет Клюковской уже на ногах. Глядя на него, живого, подвижного, я подумал: а не в том ли ещё один из секретов его неуывдаемой энергии, что он близок к молодёжи, сердцем воспринимает заботы и надежды молодых тружеников, связывает с ними будущее хозяйства. Поняв это уже не удивляешься тому, что несмотря на пригородное положение, здесь не знают проблемы с кадрами. Закончив свою Беломестненскую среднюю школу, многие остаются работать в родном колхозе.

– Привлекаем ли городских? – смотрит вдаль Клюковской. – Да пока что сами справляемся. У нас так: отслужил в армии получиай лучшую машину, трактор. Выделяем средства для обзаведения, начисляем процент к заработанному...

Чем больше общаемся с Клюковским, тем яснее проступает в нём одна из его характерных черт: простота в общении с людьми. Клюковской не откажется отобедавать в столовой с механизатором, встать в субботнюю баню рядом с пенсионером почётным колхозником. Это потому, что сам он весь на виду, ему нечего таить от людей, он здесь свой не только происхождением, но к помыслами. Старается делать всё гласно, с широким обсуждением вопросов, которые жизнь выдвигает перед колхозом.

Стремление как можно лучше решать хозяйственные задачи вызывает у Клюковского необходимость широко опираться на общественность, на специалистов. Это для него та питательная среда, откуда черпает он новые идеи, внедряемые затем в колхозную практику с помощью той же общественности, тех же специалистов. Клюковской хорошо понимает, что без «комсостава» не было бы у него такой смычки с людьми. И потому так ценит председатель специальные знания, практический опыт, умение работать с каждым тружеником секретаря партийной организации Иванникова Владимира Ильича, экономиста Нины Михайловны Кожуховой, главного бухгалтера Николая Семёновича Болотских, главного ветврача Михаила Андреевича Сулова, механика по трудоёмким процессам в животноводстве Ивана Ильича Горбунова, агронома Александра Сергеевича Никитина.

И вот, посоветовавшись с ними и рядовыми работниками ферм и полей, взглянув на хозяйство как бы со стороны города, которому необходимы продукты питания, Клюковской и его товарищи проанализировали состояние всех отраслей и выявили новые возможности, тающиеся в недрах хозяйства и требующие реализации. Конечно, для этого необходима дополнительная энергия, большая организаторская работа, многое придётся и пересмотреть, однако игра стоит свеч. И колхоз имени Карла Маркса выступил вместе с другими передовыми хозяйствами Орловской области с известной инициативой удвоить к концу 11-й пятилетки производство молочной продукции, доведя её выход на 100 гектаров сельхозугодий до 1000 центнеров, мяса – до 150 центнеров, зерновых – до 40

центнеров на гектаре. И вот уже приняты первые меры: весной колхоз ежедневно продавал государству молока в полтора раза больше в сравнении с уровнем минувшего года.

Горячо встретили в хозяйстве принятую Продовольственную программу.

– Угадала наши желания, — говорит Клюковской. — Принимаемые меры дают нам под крылья больше воздуха, хорошие условия для выполнения государственных задач.

Хозяйство составило свою Продовольственную программу, в которой, по этапам и отраслям, планируется материальное и моральное обеспечение выполнения выдвинутых жизнью задач. В полтора-два года решено построить животноводческий комплекс в слободе Беломестненской мощностью такой же, как и на центральной усадьбе. Областные и районные организации позаботились о помощи колхозу. Ведутся работы по привязке помещений к местности, закреплены подрядчики — строительные организации, выделены необходимые лимиты.

Клюковской нисколько не сомневается, что комплекс этот будет сдан в срок, стройка отнесена к числу важнейших. Его волнует другое: как возможно скорее освоить объект, включить в работу на полную мощность. Вместе со своим «комсоставом» председатель продумывает в деталях узкие места, которые могут возникнуть в будущем, и уже сейчас старается всё предусмотреть.

Один из главных — вопрос о кадрах. Доярки и животноводы в Беломестной на первое время находятся. Клюковской прозондировал почву среди некоторых слободчан, которые живут здесь, а работают через речку, в городе. Они согласны вернуться в колхоз. Надо сказать, к Клюковскому люди идут охотно, знают, что с ним ладить можно: не обидит труженика ни резким словом, ни материально. Однако председатель хорошо понимает, что это лишь частичное решение: ни приезжими, ни земляками из города проблемы, как следует, не решить. Кадровую политику надо ставить на солидную основу. И его взгляды обращаются опять-таки на молодёжь, прежде всего, на выпускников Беломестненской средней школы, которые ежегодно приходят на все участки хозяйственного производства.

Это в расчёте на будущие молодые семьи на центральной усадьбе возникла новая улица, возводятся ближайшие двадцать двухквартирных домов с центральным отоплением, канализацией с биоочисткой. Здесь же заканчивается строительство детского сада. Не жалея средств, с выдумкой и любовью барковцы превращают центральную усадьбу в зелёную зону со всеми бытовыми услугами: баней, ателье, отличной столовой.

Вопрос о стаде. Сейчас в хозяйстве на 100 гектаров сельхозугодий приходится 16 голов крупного рогатого скота, к концу пятилетки планируется довести до тридцати. Ливенцев поддерживают тесные производственные связи с животноводами из-под г. Талдома Московской области, где недавно закуплено 300 телочек знаменитой чёрно-пёстрой породы. Для Беломестненского комплекса, для улучшения всего стада намечено приобрести ещё 500 голов крупного рогатого скота. Но и в самом колхозе имени Карла Маркса ведётся племенная работа зоотехнической службой во главе с Надеждой Николаевной Горностаевой.

Вопрос о кормах. Кормопроизводством в хозяйстве занимается бригадир полеводческой бригады Анатолий Алексеевич Иванилов. Это он следит за зелёным конвейером, за витаминной добавкой, за тем, чтобы кормов было в достатке и они были хорошо сбалансированы. Из года в год хозяйство заготавливает в необходимом количестве грубые и сочные корма. В хозяйстве ничего не упускают из виду: выкашивают неудобья и пустоши, закладывают в силосные траншеи ботву сахарной свеклы, для сдобривания широко применяют барду и жом. Согласно колхозной Продовольственной программе, совершенствуется система кормопро-

изводства, пересматривается структура посевных площадей в сторону увеличения посевов многолетних трав, кукурузы на силос.

Главную задачу хозяйства помогают решать и все другие ресурсы, которыми здесь располагают, в частности, достаточная энерговооруженность, современная техника, передовая технология. И хотя в колхозе имени Карла Маркса справляются со своими делами сами, не рассчитывая на рабочие руки из города, тем не менее Клюковской поддерживает добрососедские отношения с ливенскими предприятиями, с их рабочими, инженерами и техниками. Казалось бы, невыгодное пригородное положение колхоза Василий Андреевич умеет обратить в несомненную для него пользу.

– Глядишь, дельное что-либо ухватишь, производственники народ башковитый, знающий, – всем хорошо известен его прицел на будущее.

И ещё отметил я одну такую особенность в характере барковского председателя: его любовь к новому. Увидит он что-либо передовое, может, даже и спорное, загорится, привезёт в хозяйство, непременно опробует. Сколько пересудов вызвал, например, двухъярусный свинарник, проект которого Клюковской добыл где-то в командировке. Не все одобряли затею, нашлись такие, кто не прочь был поиронизировать:

– Ну что, Василий Андрееч, скоро будешь переселять свиней в двухэтажные квартиры со всеми коммунальными удобствами?

Смех смехом, но факт остается фактом: какой год двухъярусный свинарник служит колхозу, успев доказать свою рентабельность, безусловную выгоду. Отъёмшам здесь тепло, что способствует лучшей сохранности молодняка. Затраченные средства быстро окупаются: свиное поголовье за это время увеличилось вдвое. А у Клюковского вместе с механиком но трудоемким процессам Иваном Ильичом Горбуновым уже новая задумка: ввести в строй фиксаторный маточник, в связи с чем тоже вдвое увеличится число мест для свиноматок и. что самое главное, всё механизмуется: применена новая технология раздачи кормов, за пультом управления работает всего один оператор. А дальше на очереди – внедрение автоматизации в коровниках. Было время, когда в хозяйстве ещё не были готовы к внедрению «елочки» и «карусели», теперь же встает вопрос о замене простейших электродоильных аппаратов более совершенной техникой.

Талант Клюковского кормить людей опирается на глубоко гуманную основу. Ему не надо выполнения плана любой ценой. В разбеге дней он иногда задумывается над тем, какие последствия может иметь та или иная хозяйственная деятельность, что несёт она природе, человеческой жизни. Показателен в этом смысле его диалог с агрономом колхоза Александром Сергеевичем Никитиным на Среднем Верхе, у «фронтowego родника».

– Василь Андрееч, не слышали, – спросил агроном, – нашли управу и на ва-роатоз, теперь пчелка выживет. И что бы вы думали этому служит? Отвар из почек сосны. А чего только не перепробовали, как когда-то на сорняках...

– Идём на яды, – вздохнул Клюковской. – А что делать?

– Старики коноплю, бывало, табачной пылью спасали. В садах, сами знаете, помогает от гусениц...

– Да вот что, агроном! – оживился вдруг Клюковской, – Проверил бы табачную пыль и вообще этот метод на культурных растениях. С учёными бы посоветовался, в книжках подчитал. Ты дай нам эффект! А мы сил на это не пожалеем, табак, целые плантации разведём. Думай, думай, агроном! А я тебе помогу.

На широту, масштабность мышления барковского председателя, несомненно, влияет и то, что уже долгие годы он является членом Российского Совета колхозов.

У Клюковского очень развито (это я отмечал в председательском корпусе у руководителей лишь очень высокой квалификации) чувство красоты, стремление вершить дело творчески, не только добротнo, целесообразно, с заботой о рациональной его пользе, но и чтобы можно было восхититься им и невольно качнуть головой, сказав: «Ведь есть же на свете люди!» Уходит в прошлое узкое понимание слова «художник». Чувство красоты всегда жило в настоящем крестьянине и нет-нет да и заявляло о себе. Вспоминаю первую нашу встречу с Клюковским, когда я шёл пешком по большаку мимо барковского правления, держа путь в Плешково, к Егору Егоровичу Красову, умельцу-крестьянину, у которого, говорили, «золото в пальцах», способное разговорить даже глину. Всякое сравнение хромает, но я хочу примерить умение Клюковского вершить главное дело своей жизни – колхоз, за свои тридцать с лишним лет председательства он довёл его до мастерства, как Красов при выделке «художественной вещицы» – кувшина, придавая ему тот колер, ту стройность, ту самую линию, которую настоящий художник ищет всю свою жизнь.

Клюковскому нужен для Барково не просто клуб, но Дом культуры, куда бы после трудового дня обязательно тянулись бы люди. И потому председатель не хватается за первопопавшийся типовой проект, а вместе с архитектором сам работает над его совершенствованием. Также было и с памятником Неизвестному солдату: Василий Андреевич пересмотрел десятки вариантов, пока в Воронеже, в мастерской одного из скульпторов, не увидел уже готовую работу, изображавшую воина с прижавшимся к его колену мальчишкой. Большой гуманистический смысл был заложен в композиции, и он выпросил фигуру у скульптора, чтобы привезти и поставить в Барково...

Помнит себя Клюковской мальчишкой, как прибежал домой с изодранными коленями, с царапинами после драки. Мать, не успевая латать прорехи, ругалась на сына:

– На ж тебе, на ж тебе! – махала она полотенцем так, для острастки. – Ах ты, бес! Ах ты, цыганёнок!

– Всё равно первый, всё равно мой верх. – Уворачивался он от лёгких ударов.

– Не в том дело, что первый, – отец сидел в углу и ел щи. В недавно созданном колхозе он был бригадиром и сейчас возвратился с самого трудного для себя дела – ликбеза, где учил грамоте односельчан. – А в том, сынок, в чём первый. Вот во-прос.

Лишь с годами Клюковской постиг смысл того своего разговора с отцом. От ликбеза и послевоенной разрухи Барково упорно шло к нынешнему многоотраслевому хозяйству со сложной техникой и технологией. У тружеников производства и специалистов ныне современный уровень знаний, масштабность мышления, всестороннее восприятие жизни.

Закончен трудовой день. Клюковской переходит большак и по пути к дому видит в конце его, за Сосной-рекой, в золотых огнях город. И вспоминает, что было время, когда на праздники мимо валила на Ливны толпа из соседнего села Вахново во главе с Крестом-раскудесником игры на гармонии «ливенке», как распахивались окна в Барково навстречу пискунье, как со своими инструментами вливались в общий поток и барковцы, двигались в Ливны, чтобы там, на Ямской и Черкасской, сразиться друг с другом в удалстве и уменье. В первые годы его председательской жизни вздрогнет, бывало, грудь его от вскрика чудом уцелевшей с войны «ливенки» и звякнут на его груди орден Славы и другие боевые ордена и медали... «Как быстро, – думает Василий, Андреевич, – идёт жизнь». И. полный воспоминаний, долго смотрит на Ливны, на линии высоковольтной, шагающей по полям хлебным. которым отдано столько лет жизни. И где-то в

глубине его сердца возникает любимый, всем известный напев: «Шумит, шумит пшеница золотая...»

Когда Клюковской со своими товарищами въезжает в Ливны, торопится в город по различным вопросам, многие из горожан знают их, останавливают, заговаривают с председателем:

– Ну как дела, кормильцы? Что думаете о Продовольственной программе?

– Не думаем, а давно выполняем, – отвечает им в тон Клюковской.

В городском парке над обрывом, откуда хорошо видны уголья дозорного села Ливен Барково, взгляд прохожего задерживает стела, на которой начертаны слова декрета: «Право честной собственности на землю отменяется навсегда. По её отчуждению вся земля поступает в общенародный земельный фонд». Смотрю на галерею знатных ливенцев, на портрет рано ушедшего ректора Московского университета Рэма Викторовича Хохлова – сверстника Клюковского, и мне кажется, что не только узы землячества вяжут в одну связку этих, может быть, совсем не похожих ни по профессии, ни по характеру людей: академика и колхозного председателя, а нечто большее: то, что они – современники, что их молодость пала на годы войны и они выдержали испытание огнём, а после этого – испытание трудом, что такое испытание на прочность и выковало из них самое главное – личность, без чего невозможен нынешний человек, никакое его серьёзное дело.

В садах зацветает вишня, сходят на нет черемуховые холода, и Василий Андреевич замечает по-крестьянски мудро, как, вероятно, это делали не одну сотню лет его деда и прадеды: «Что ж, пора сеять гречу». Кормить людей вот чему посвятил свою жизнь этот человек, бывший солдат, ныне хлебороб. Вести людей в тайны Вселенной, открывать им глаза с помощью нелинейной оптики, вот чему отдал себя без остатка другой, с мировым именем физик. Но какова сила духа у обоих, как много сделано ими для всех нас, и мы, живущие, не можем без них обоих. На виду этих открытых ветрам полей, у обрыва, ещё резче ощущаешь место Клюковского в нашем общем строю, близкое и плешковскому глинописцу-крестьянину и московскому физику. Суть своего председателя верно схватил прораб Мелкопян Ованес Суренович словами: «Любимое его дело – строить».

Крестьянин всегда созидатель, вечный строитель. И когда я вспоминаю о встреченном ранее руководителе, который успех своего хозяйства связывает прежде всего с односторонним расширением своих прав, а через это и утверждением себя как директора в руководимом совхозе, мне больше хочется думать о барковском крестьянине, о председателе Клюковском, который за свои тридцать с лишним лет руководства колхозом сумел построить, опираясь на деяние масс не столько комплекс хозяйственных и общественно-бытовых зданий, поднять надои и урожайность, повысить благосостояние семей, сколько опять-таки вместе с людьми создать целую систему хозяйственных, эмоционально-психологических, высоко человеческих взаимоотношений.

Творческая общечеловеческая суть Клюковского замешана на любви к земле, которая выявила в нём умение пользоваться рублём, опираясь на знание, опыт и поддержку тружеников, специалистов. Он полон ответственности за жизнь на земле, понимает борьбу за хлеб как исполнение воинской присяги по поддержанию мира, знает, что высший из всех смыслов бытия – растить зерно, чтобы кормить людей.

Вот на какую высоту способны поднять человека родная земля, его соотечественники, его великая страна. Быть человеком на своем месте – это немалое счастье, много лет проработать в родном селе, среди земляков, на той должности, которая пришлась тебе впору, и сам ты впору пришёлся хозяйству.

Я вдруг подумал: а что было бы с Клюковским, если бы за первые же успехи в хозяйстве его сорвали бы с места и начали двигать по должностям – в районные

или областные организации, учреждения, тресты? Разве трудно в таком случае за- теряться где-нибудь на переходе?

Бывший председатель колхоза или директор совхоза, хорошо заявив себя в практической работе с землёй, оторвавшись по чьему-то желанию от неё, нередко, попав наверх, тонут и конторских недрах среди цифр и бумаг.

Этого с Клюковским, к счастью, не произошло. Барковский председатель, обойдя все барьеры и рифы, так и остался на своем капитанском мостике в родном колхозе, среди своих земляков, верой и правдой служа им и родимой земле свыше трёх десятилетий. Не частый в наше время, но исключительно полезный для общего дела факт.

НЕРЕТИНА ИННА ГЕННАДЬЕВНА
Глава Должанского района

ПЕРВЫМИ СЕЕМ, ПЕРВЫМИ ЖНЁМ

Должанский район расположен на юго-востоке Орловщины. Поэтому весной мы тут первыми сеем, первыми и убираем выращенный урожай. Хорошие урожаи зерновых создают предпосылки для стабилизации сельскохозяйственного производства.

Растениеводство одно из ведущих в районе. Вот картина в цифрах. Сельскохозяйственные предприятия в минувшем году собрали 167185 тонн зерна, урожайность составила 43,9 центнеров, сахарной свеклы собрали 23807 тонн при урожайности 520 центнеров, подсолнечника – 16864 тонны при урожайности 22,8 центнера, рапса – 12113 тонн, урожайность его – 24,6 центнера с гектара.

Прошлой осенью было посеяно 23,2 тыс. гектаров озимых, на площади 40 тыс. гектаров, вспахана вся зябь, засыпано требуемое количество семян яровых, ведётся подготовка семян к посевной.

На базе растениеводства успешно развивается животноводство. поголовье крупного рогатого скота в прошлом году составило 5590 голов, в том числе 1980 коров, 4750 свиней, 43 тыс. птицы.

Животноводство даёт ежедневные продукты питания и «живую копейку» в оборот хозяйства. Это социально значимая отрасль, обеспечивающая круглогодичную занятость населения. В районе интенсивно работает СПК «Заря мира», успешно занимающееся животноводством. Производство молока по всем категориям хозяйств составило 6675 тонн, надой на фуражную корову – 3356 килограммов.

Весомая роль в решении социальных проблем села. В обеспечении занятости и поддержании доходов сельского населения подсобные хозяйства – основной и единственный источник доходов семей на селе. В 2014 году сертификат на получение гранта на развитие семейной животноводческой фермы был вручён главе КФХ П.В. Смирнову. Закуплено поголовье крупного рогатого скота, введено в действие животноводческое помещение на 70 голов дойного стада. Второй грант для развития отрасли растениеводства в 2014 году получил начинающий фермер, глава КФХ В.Л. Стеблецов.

Образование

Одним из приоритетных направлений работы администрации района является развитие системы образования. Для реализации программы его модернизации на ремонт школ из районного бюджета выделено 2769,2 тыс.руб.

В прошлом году изготовлена проектно-сметная документация и получено положительное заключение для капитального ремонта Алексеевской и Никольской школ (181585 рублей), также изготовлено и получено положительное заключение на газовое оборудование Алексеевской, Тимской и Вышнедолжанской школ.

В 2014 году была подготовлена сметная документация и произведён капитальный ремонт спортивного зала Козьма-Демьяновской школы на общую сумму 892,0 тыс. руб. Софинансирование местного бюджета составило 60 тыс. руб., закуплено спортивное оборудование на сумму 100,0 тыс. руб.

Отремонтированы охранно-пожарная сигнализация в Вышне-Ольшанской и Евлановской школах на сумму 119 780 руб.

Для ремонта школьных столовых привлекались спонсорские средства. На начало учебного года это составило 33,5 тыс. рублей.

Особую благодарность хочется выразить руководителю сельхозпредприятия «Заря мира» В.М. Пахомову за неоценимую помощь школам. Назову наиболее значимую: капитальный ремонт спортивного зала Урыновской школы и покупку мебели для столовой Быстринской школы.

Для оборудования образовательных организаций районная администрация выделила средства на сумму 1 387 200 руб.

Мы поддерживаем инициативную, способную и талантливую молодёжь в виде стипендий. Назначаем именные стипендии в размере 500 рублей тринадцати наиболее отличившимся. Один из обучающихся получает Губернаторскую стипендию в размере 1000 руб.

В районе проводится большая воспитательная работа. Приоритетными являются военно-патриотическое, нравственное и духовное воспитание. Наши дети участвуют в областных конкурсах: занимают призовые места. Проведено множество районных мероприятий. Самые значимые из них: соревнования по волейболу на приз Героя России А. Скворцова, конкурс юных вокалистов и чтецов, конкурс на лучшее знание государственной символики России, конкурс среди юношей 10-11 классов «Державы Российской орлы», литературно-творческий конкурс «Я люблю тебя, Россия», парад юнармейцев в День Победы, бал выпускников, конкурсы «Школа безопасности», «Безопасное колесо». Большинство этих мероприятий стали традиционными. Стало хорошей традицией проводить для детей новогоднюю ёлку Главы района, спортивно-туристический молодёжный слёт, участвовать в межрегиональном педагогическом конкурсе «Алый парус», занимать призовые места.

Наши дети приняли участие в десяти областных мероприятиях, в пяти из них заняли призовые места. В международном конкурсе изобразительного искусства воспитанники Дома детского творчества также удостоены призовых мест.

Культура

Деятельность учреждений культуры направлена на сохранение и развитие музейного, архивного и библиотечного дела, на народное творчество, предоставление дополнительного образования.

В год культуры одним из приоритетных направлений отдела культуры и архивного дела являлась поддержка и развитие инициатив, учреждений и работников культуры. Прошли мероприятия, которые значительно обогатили культурную жизнь района. Важнейшим из направлений реализации Года культуры в районе являлось создание нормативных и кадровых условий для сохранения и развития

творческого потенциала сферы культуры. Положительным итогом стало увеличение заработной платы работников культуры. В рамках выполнения майских Указов Президента выделена субсидия из областного бюджета на повышение средней заработной платы работников муниципальных учреждений культуры.

Межпоселенческому культурно-досуговому центру из федерального бюджета предоставлен грант на приобретение специального оборудования, выделены межбюджетные трансферты на проведение мероприятий по подключению общедоступных библиотек к сети Интернет. Из местного бюджета выделено 91 тыс. рублей. На текущие ремонты израсходовано 180,5 тыс. рублей, изготовлена проектно-сметная документация на капитальный ремонт клубных учреждений района, на проведение культурно-массовых мероприятий, в которых участвуют 723 человека. Культурная жизнь района была посвящена 71-й годовщине освобождения Должанского района и Орловщины от немецко-фашистских захватчиков, празднованию 69-й годовщины Великой Победы, 86-летию образования Должанского района, Году культуры в России. Проводятся народные праздники, имеющие глубокие духовные корни, воспитывающие любовь и уважение к своим традициям, культуре своего народа, это Масленица, Пасха, Рождество, Крещение, Троица, Иван Купала, Яблочный, Медовый и Ореховый спасы, «Жаворонки» и «Осенние ярмарки».

У нас работает центральная районная библиотека, районная детская библиотека, 20 сельских библиотечных филиалов. Сеть сельских библиотек обслуживает 74 населённых пункта. В дар от областной библиотеки им. Бунина поступило в фонд районной ЦБС 123 экземпляра книг, от областной детской библиотеки им. Пришвина – 15 экземпляров, на подписку периодических изданий было выделено 103 110,42 рублей. Охват библиотечным обслуживанием населения составил 70 %. Количество пользователей – 8 658, число посещений – 62 620, книговыдача составила 148 989 экземпляра.

В 2015 году 15 должанцев улучшили жилищные условия, получив социальную выплату, предоставленную из федерального бюджета, согласно Указу Президента РФ «Об обеспечении жильём ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» и Постановления Правительства Орловской области «Об утверждении порядка предоставления мер социальной поддержки по обеспечению жильём инвалидов и ветеранов боевых действий, членов семей погибших (умерших) инвалидов и участников Великой Отечественной войны».

Всего же за 2010-2015 гг. в Должанском районе улучшили жилищные условия 58 граждан этой категории

Всё, о чём я рассказала, – это результат напряженной и плодотворной работы каждого должанского труженика в 2014 году, это результат деятельности всех органов муниципальной власти. Качественных результатов невозможно добиться мгновенно, поэтому изо дня в день на благо района трудятся люди, которым не безразлично, где будут жить и учиться наши дети, как будут выглядеть дворы, улицы и парки.

Проделана огромная работа. Спортивные, праздничные мероприятия, проведены благоустройство, работа по профилактике и искоренению правонарушений – всё это труд, каждодневный и кропотливый.

Конечно, многого удалось добиться, но немало полезных дел ждёт нас впереди. 2015 год обещает быть не менее напряжённым. Главное в нашей работе – делать жизнь каждого жителя района достойной. В данный период приходится выделять приоритеты, уделяя большее внимание пожилым людям и молодёжи. Пожилые люди заслуживают лучшей доли, молодёжи надо помогать. Они – наше будущее.

«КАК СОЛДАТА ГОЛОВОЙ НА ЗАПАД...»

К Дню Победы-70 ожили многие боевые случаи и легенды нашего Колпнянского района. Чего только не приходилось слышать здесь ранее да и сейчас. Помнится, в совхозе «Ярищенский» приезжали писатели из Орла во главе с писателем-фронтовиком Владимиром Андреевичем Мильчаковым. До того он собрал материал в Ярище о молодых партизанах-разведчиках, об одной из них, казнённых фашистами. Книга называлась «Птенцы орлов». И вот Владимир Андреевич серьёзно заболел и приехал к нам сюда со своими товарищами попрощаться. И заканчивал он свои выступления перед народом такими словами:

– Как солдата головой на Запад

Хороните спутники меня...

У нас в работе историй о прошедшей войне немало. Вот что рассказала о наших колпнянцах, об их жизни в войну и после войны, корреспондент нашей районной газеты Марина Карлова. Мне показалось всё это интересным, и я решил включить ее статью в свой рассказ о войне в номер журнала Леонарда Михайловича Золотарева. Пусть прочитают об этом не только колпнянцы, но и все другие по всей Орловщине.

НЕ ВПРАВЕ ЗАБЫВАТЬ

Николаю Антоновичу Карлову из деревни Остров восемьдесят с лишним лет. Он не был на фронте, но Великая Отечественная война коснулась его отроческих лет своим огненным крылом. Во время оккупации района немецко-фашистскими захватчиками подростку пришлось пережить все тяготы и лишения военных лет, смерть близких людей, воочию столкнуться с расправами гитлеровцев над военнопленными и гражданскими людьми. Сейчас, спустя семь десятилетий, ему очень захотелось поделиться своими воспоминаниями с читателями районной газеты и рассказать о двоюродном брате, лётчике – истребителе трижды кавалере ордена Красного Знамени Виталии Илларионовиче Корнилове. Однако обо всем по порядку.

В оккупации

По воспоминаниям Карлова немцы пришли в Остров в октябре 1941 года со стороны деревни Паниковец и первым делом стали шарить в местных сарайчиках в поисках съестного. Особым спросом у них пользовались куры. Но «гостили» враги недолго. Буквально на следующий день они двинулись дальше. Через два месяца положение сил на фронтах изменилось. Наши войска отбросили гитлеровцев, и линия фронта пролегла через островские земли. Рубежом расстановки сил на некоторое время стала река Фошня: противники расположились по обоим её берегам. Фрицы ходили по деревне и восклицали: «Май-июнь – рус капут! Май-июнь – рус капут!». Но не тут-то было: за месяц боев они продвинулись всего лишь на 6 км. Остановили их у Вязовика. Там фронт простоял до февраля 1943 года.

– Всех мало-мальски подросших ребятшек оккупанты гоняли делать заграждения, – рассказывает Николай Антонович Карлов. – Помню, как однажды увидел едущих на обозах наших военнопленных. Они везли снаряды. Подождав пока нем-

цы отойдут подальше, я спросил: «Ребята, зачем и куда вы их везёте?». На что получил ответ: «Сейчас узнаешь. Посмотри на восток!» Я оглянулся: вдалеке виднелось зарево горящих деревень. А на следующий день начался бой: наши наступали. Мы прятались от обстрела в соседском погребе. Когда все стихло, решили пробраться к дому. Смотрим, рядом с ним стоят трое в белых одеждах... Мы замерли. Потом один снял кашпошон, а у него на шапке – звёздочка красная... То-то было радости! Бойцы расспросили нас, есть ли в деревне немцы? Мы показали на крайний дом, где на крыше находилась укреплённая пулемётная точка противника. Вскоре солдаты обошли её с другой стороны и уничтожили. После освобождения района вся деревня отправилась собирать погибших. Страшное дело! Стояли морозы, и убитые замёрзли кто как. Мы их потихоньку откапывали из снега и вывозили на санках в братскую могилу. Всего было 72 человека. Позднее, видимо, ещё нашли, поскольку на постаменте выбито около 140 фамилий. Возможно, там похоронили расстрелянных в лагере. Он был обтянут колючей проволокой и располагался в колхозной конюшне. Людей там стреляли каждый день: и военных, и гражданских. Много народу побили... Потом на том месте были построены коровники. Гитлеровцы своих убитых не оставляли, хоронили в деревне Тычинки. Однако были в немецкой армии и неплохие люди, понимавшие суть войны. Поскольку в нашем доме стояли лошади, меня приставили ухаживать за ними. А за углом, прямо на улице, располагалась полевая кухня, на которой служил австриец Парш. Он кормил заезжавших обозников, а остатки еды тайком старался отдать нам с мамой. Кроме меня, у неё было ещё двое ребятишек, мои брат и сестра.

История семьи

На комоду у ветерана аккуратно расставлены портреты родителей. Чуть ниже – фотография старшей сестры Натальи, которая перед войной окончила Московский химико-технологический институт. Весь их курс ушел воевать: девушки медсестрами, а ребята – солдатами. Ей посчастливилось выжить, но в суровое послевоенное время она умерла от туберкулеза легких.

Отец Карлова, Антон Саввич, 1893 года рождения, – бывалый солдат, офицер, воевал еще в русско-турецкую, окончил в Тифлисе школу прапорщиков. В империалистическую его часть разгромили под Краковом, и он вместе с другими пешком добрался до России. В Орле был взят инструктором в училище пулемётных курсов. После всеобщей демобилизации стал трудиться с женой Дарьей Александровной в школе села Святицкого (Сосновка) Ливенского района, потом в Фошнянской.

– Мама преподавала иностранные языки, – говорит Николай Антонович, – отлично владела немецким и французским. Немцы об этом знали и старались не беседовать при ней. На фронт отца не взяли, поскольку по возрасту он уже не мог служить. Во время оккупации района он был в Ливнах у родственников матери. Мы все родились там, но зафиксированы здесь, на его родине.

Ещё один из дорогих для Карлова снимков – это фотография двоюродного брата, лётчика – истребителя трижды кавалера ордена Красного Знамени Виталия Илларионовича Корнилова. Они выросли вместе, хотя тот был значительно старше. Младшего брата Виталия, Владимира, немцы забрали работать в Германию, но на Брянщине он осмелился заступиться за какую-то женщину, и его расстреляли.

Сокол Балтики

Виталий Корнилов родился в 1918 году. После фошнянской семилетки уехал на заработки в Москву, где устроился бетонщиком на строительстве Метрополитена, приписав к возрасту два года. В свободное время посещал занятия местного аэроклуба. В октябре 1939 года его призвали в армию и направили в Ейское воен-

но-морское авиационное училище, которое он окончил в августе 41-го. Затем поступил на службу в состав 13-й авиаэскадрильи на аэродром фронтовой авиации близ деревни Купля, построенный в конце 30-х годов прошлого века, когда резко обострилась международная обстановка. Боевые действия против гитлеровской Германии эскадрилья начала под командованием капитана А.Я. Лучихина. Взлёт самолётов производился прямо со стоянок. Укрытий не было. Рассредоточенные по окраине аэродрома машины маскировались сетями. Противовоздушную оборону обеспечивали четыре батареи зенитной артиллерии и пулемёты. В воскресенье 22 июня в 3 часа 25 минут оперативный по части получил сигнал: «Общая тревога по флоту!» Адмирал Николай Кузнецов смог своим приказом от того же числа привести все флоты в состояние боевой готовности. В результате в этот день ВМФ не потерял ни одного корабля и самолёта морской авиации, а ответил противнику организованным огнём, что оказалось для немцев крайне неприятным. На сбор личного состава эскадрильи потребовалось всего 28 минут. Пронеслась страшная весть: «Война!» Днём и ночью на аэродроме дежурили звенья истребителей, некоторые вылетали по 8–10 раз в день. Локаторов тогда ещё не было, радиосвязь только осваивалась, и наблюдение за воздушными целями осуществлялось визуально. Команда на взлёт передавалась по цепочке. Наведение истребителей на цель производилось по стрелам, выложенным на земле в расположении постов или КП частей и соединений. Рядом со стрелой указывалась высота полёта врага. Время, затраченное на запуск мотора и взлёт, давало противнику возможность уйти от преследования.

Не зря после войны известный летчик, трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин говорил, что тот «кто в 1941–1942 годах не воевал, тот настоящей войны не видел». И всё-таки, несмотря ни на что, наши истребители одерживали победы! Помимо боевых вылетов они осуществляли прикрытие охраняемых объектов, в частности моста через реку Нарва, по которому непрерывным потоком отходили части 8-й Армии из Прибалтики. Все попытки немцев разбить мост сводились на нет. Бок о бок с товарищами сражался и наш земляк. Вместе со всеми он переживал потери и поражения, учился в каждой схватке с врагом науке выживать. Между тем напряжение в боевой работе день ото дня нарастало. Наряду с боями на Лужском рубеже ожесточённые сражения шли в районе Таллина и над Финским заливом. В начале августа, прорвав оборону 8-й Армии, немцы вышли на побережье Финского залива, сконцентрировав для наступления на Ленинград огромные силы: 400 самолетов 1-го Воздушного флота Германии. Блестевшие на солнце «юнкерсы» и «мессершмитты» в разы превосходили наши истребители устаревшей конструкции. Занятые позиции лётчикам удавалось удерживать ценой огромных усилий. С подходом немцев к гарнизону Купля помещения штаба, казармы, столовую, клуб, ангар и дома начсостава сожгли, бензохранилища взорвали, а электростанцию демонтировали и вывезли в Ленинград. Из Купли эскадрилья перебазировалась в Низино, где пробыла до 7 сентября 1941 года, а затем перелетела на аэродром в Новую Ладогу.

За период с июня по сентябрь 1941 года 13-я авиаэскадрилья совершила 3440 боевых вылетов, более половины из них пришлось на патрулирование линии фронта. В воздушных боях ею было сбито 19 бомбардировщиков, 10 истребителей, 3 корректировщика противника, 2 аэростата заграждения, другие объекты и живая сила противника. Убитых и раненых в эскадрилье было около 18 человек. Потери в материальной части компенсировались за счёт других лётных частей и из авиамастерских: поступлений новой техники не было. В середине сентября 1941 года в неравном бою рядом с Новолadoжским каналом самолёт Корнилова был сбит, но самому лётчику чудом удалось спастись, отделавшись лёгкими травмами голо-

вы. Он попал на линию фронта, и наши солдаты успели подобрать его до прихода немцев. Несколько лет назад на месте падения были обнаружены обломки его И-15бис. Они хранятся в музее города Новая Ладога. Товарищи уважали Виталия за смелость и решительность, умение находить выход из любой ситуации с минимальным риском для жизни.

Позднее Корнилов сражался в 12 эскадрилье, которая зимой 1942 года после получения И-16 перебазировались на аэродром в Новую Ладогу. 4 апреля в составе шести И-16 она участвовала в отражении налёта на Ленинград. А в двадцатых числах того же месяца был получен приказ командующего военно-воздушными силами: И-16 сдать, самим отправиться в Богослово для изучения и тренировки на МиГ-3. В конце июня личный состав впервые вылетел на боевое задание на новых самолетах. 14 января 1943 года двенадцатая эскадрилья перебазировалась на аэродром Левашово, для участия в прорыве блокады Ленинграда, а лейтенант Корнилов был назначен командиром звена 1 авиаэскадрильи 11 истребительного авиаполка.

Сквозь призму времени

Точное количество боевых побед Корнилова неизвестно. Николай Антонович Карлов говорит, что их было семь индивидуальных и пять групповых. Хотя в статье газеты «Сокол Балтики» №11 за воскресенье 11 апреля 1943 года, посвящённой летчику, указывается восемь личных. Ее нам предоставил пасынок Корнилова Феликс Балицкий, который живёт и работает в Москве. Из статьи стало понятно, что весной 43-го наш земляк был ранен. Произошло это во время патрулирования трассы через Ладожское озеро, по которой непрерывным потоком шли грузы для Ленинграда и флота. Вот как об этом писал корреспондент военной поры Э. Буер: «Внизу, под плоскостями, по тихой глади озера проходили караваны барж, катера. Всё было спокойно: и озеро, и небо. Вот Корнилов прошёлся низко над караваном. Он видел на судах застывших у орудий и пулеметов бойцов, в любой момент готовых открыть огонь по внезапно появившемуся врагу. Он был не один. И люди, шедшие с караваном, не чувствовали себя одинокими, видя над собой красно – звёздный ястребок.

Подойдя ближе к берегу, Корнилов заметил, что два «мессершмитта» со стороны солнца идут по направлению к трассе. Приняв быстрое решение, пошёл в атаку. Молниеносно приближался вражеский самолёт. Вот он проскочил под плоскостями истребителя и взмыл вверх. Корнилов с разворота зашел немцу в хвост, но немец увернулся от его огня. В это время второй «мессер» догнал советский истребитель, и пули застучали по фюзеляжу ястребка. Змейка огня взметнулась над мотором. Прибавив газ, Корнилов старался скольжением сбить пламя, но оно подбиралось все ближе и ближе к кабине. Ещё одна очередь ударила по самолёту. Обожгло ногу. Корнилов не видел, а чувствовал, как кровь хлынула из сапога. Не обращая внимания на ранения, он старался сбить пламя, спасти машину. Но самолёт перестал слушаться. Раненая нога не держалась на педали. В последний раз, переходя на скольжение, Корнилов заметил быстро приближающуюся землю. Поняв, что машину не спасти, он выбросился с парашютом».

Уже находясь в Центральном военно-морском госпитале Москвы, лётчик узнал от друзей – однополчан радостную весть о награждении третьим орденом Красного Знамени. Там же он познакомился со своей будущей женой Анной Балицкой, которая работала секретарем парторганизации и была старше его на 13 лет. Феликс у неё был самым младшим ребенком. Ему едва исполнилось пять лет. Кроме него, у матери было еще два сына. Старший Рэм погиб на фронте, а среднего забрали в армию уже после Победы. Их отец Ян Балицкий до нападения гитлеров-

ской Германии работал директором школы. Когда началась война, ушёл вместе с народным ополчением и не вернулся. Пролежав полгода в госпитале с осложнениями после удаления трёх пальцев стопы, Корнилов мечтал вернуться в строй, но медицинская комиссия запретила ему летать. Поэтому в дальнейшем, до конца войны, он служил оперативным дежурным в штабе Краснознамённого Балтийского флота.

После войны Виталий Корнилов продолжил службу в морской авиации. Добившись разрешения летать, стал военным лётчиком 3 класса. В 50-м году его наградили медалью «За боевые заслуги». Чтобы получить среднее образование он окончил вечернюю школу. С 1961 года – майор запаса. Долгое время работал мастером в ЖКХ. Умер наш земляк на 72 году жизни. Похоронен на Кузьминском кладбище.

– Батя был замечательным человеком, – говорит о Корнилове приёмный сын Феликс Балицкий. – Он мне заменил родного отца. Его все любили и уважали до самой смерти. Кроме трёх орденов Красного знамени, награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями. Кстати, его отец Илларион Алексеевич Корнилов героически воевал в Первую мировую, участник Брусиловского прорыва, был награждён 4-мя Георгиевскими (солдатскими) крестами! К сожалению, в семье они не сохранились, потому что, опасаясь репрессий, дед продал их на базаре в Ливнах. Ведь он был председателем колхоза, человек очень скромный и порядочный. Хорошо, что рядом не оказалось корыстных доносчиков, как нередко бывало в те годы. Николай Антонович Карлов помнит, как брат приезжал летом в деревню и рассказывал о своём боевом пути. Иногда его самолёт можно было увидеть над родными окошками. Он покачивал крыльями выбегавшим из домов односельчанам, и делал ещё круг над деревней.

Самого Карлова призвали в армию в августе 1945 года. Вначале направили в Воронежскую область, а оттуда планировали – на Дальний Восток, даже успели выдать новенькую синюю форму.

Однако вскоре пришло другое распоряжение, и молодое пополнение двинулось эшелоном на запад в город Нойхаммер. После второй мировой город вошёл в состав Польши и получил название Свентошув. За шесть лет службы Карлову пришлось освоить три военных профессии: автоматчика, пулемётчика и танкиста. А сержанты 1925 года рождения находились в армии ещё больше – девять лет. Сложная обстановка в стране и мире обязывала тогда ко многому. Северной группой войск, в которых служил Николай Антонович, командовал маршал Константин Рокоссовский. Поскольку с поставкой продовольствия были проблемы, он организовывал местную добычу рыбы. Ею в основном и кормили солдат. После службы Карлов окончил Курский электромеханический техникум по производству радиоаппаратуры. Попытав счастья в других городах, вернулся на малую родину. Работал в поселковом узле связи, Ярищенской МТС, а затем устроился мастером производственного обучения в политехническое училище города Курска. Профессии преподавателя он отдал больше десяти лет.

Сейчас ветеран на заслуженном отдыхе, но события Великой Отечественной постоянно тревожат его сердце. По долгу памяти и уважения к защитникам Родины он стал инициатором этого материала. Его мечта наконец-то осуществилась: ещё одно имя достойного сына России снова заиграло яркими красками, ещё одна страница истории района всколыхнула души колпнянцев. Мы не вправе забывать тех, кто отдал свои жизни ради мирного будущего.

Марина Карлова

РАДИ МИРНОГО НЕБА

22 июня 1941 года... Для людей, переживших Великую Отечественную войну, эта дата стала особенной. События того времени предстают перед нами, как полотно картины, на котором отразились масштаб трагедии и сила духа нашего народа, сумевшего победить вероломного врага. Великий подвиг освобождения творился ежеминутно – и в тылу, и на фронте – и вершили его самые обыкновенные люди. Они и сейчас живут рядом с нами. Рассказы участников войны снова и снова напоминают нам о минувшем, заставляя задуматься о будущем.

– На войне много разных чудес было, – начинает разговор о фронтовом пути ветеран Великой Отечественной войны Василий Байбаков. – Об одном из них я вам расскажу...

На мгновение он умолкает, перебирая неспешно морщинистыми руками старые фотографии. К сожалению, военных снимков у него не сохранилось. Да и были ли они? Ведь перед нами сидит настоящий разведчик 6-го артиллерийского полка 13-й Армии! Рядом с ним – жена Валентина Семёновна, посвятившая всю свою жизнь учительской профессии. Они родились и выросли на одной улице родного посёлка с разницей в возрасте в три года. После получения аттестата о среднем образовании, Василий уехал учиться в Украину на сварщика. Потом устроился работать на Макеевский металлургический завод имени Кирова, который являлся крупнейшим металлургическим предприятием Советского Союза. К 1941 году оно производило для страны около 10% чугуна и стали. Там и застала Байбакова весть о войне. Вскоре начались бесконечные бомбёжки. Всех мужчин, подходивших по возрасту, стали забирать на фронт. В городе была полная неразбериха. Люди метались в поисках продуктов, спешили эвакуироваться. Ходили слухи, что немцы совсем близко и захватили Киев. Заводское оборудование в спешном порядке вместе с рабочими погрузили на поезд и отправили на восток. В пути эшелон не раз попадал под обстрел немецкой авиации. Снаряды рвали в клочья вагоны и железнодорожное полотно, которое через некоторое время все же восстанавливалось и поезд продолжал двигаться дальше. Возле Харькова после одного из таких налётов осталось много убитых и раненых.

Ехали почти впроголодь. Из-за очередной бомбёжки, потеряв самообладание и кое – как выменяв за пальто у местного населения несколько початков варёной кукурузы, Василий принимает решение уйти домой. С горем пополам он добрался до Курска. Ночью сел на «кукушку» и приехал в Колпну. Буквально через день ему пришла повестка из военкомата. Но юноше не было восемнадцати лет, поэтому его и ещё несколько ребят послали гнать колхозных коров в сторону Ливен, до Ельца. Там скот перешел в руки военных, а молодых погонщиков отправили восвояси.

В родные края Байбаков вернулся только через четыре месяца, под старый Новый год. В районе уже всю хозяйничали немцы. В первый раз он их увидел на дороге между Щиграми и деревней Моховое. Они шли с обозами и орудиями.

– В нашем доме разместились почтовая служба, – вспоминает Василий Сергеевич, – а мы всей семьей переместились в барачную комнатку. Немцы вели себя тихо, сортировали письма и посылки, отправляли их в Германию. Я, когда возвращался из Ельца, сильно простыл, так они давали мне лекарства. А один из немцев даже подарил поношенные шерстяные носки. Часто со стороны Ливен были слышны разрывы снарядов. Говорили, что город почти весь разбомбили. Зимой 42 года «постояльцы» стали ходить уже с опаской. Один из них однажды сказал мне, что скоро войне «капут», что в Сталинграде много народу побилло. А через год пришли наши.

Меня забрали на фронт в ночь на 4 февраля. Около двух месяцев я учился на топографа, постигал азы военного дела. Потом был зачислен в 13-ю Армию, которой командовал генерал – лейтенант Пухов. Перед наступлением на Орловско-Курском направлении попал в разведгруппу, да так и остался в ней до конца войны. Прибывая на передовую, я должен был с фотографической точностью воспроизводить панораму местности через стереотрубу: засекал все огневые точки противника, наносил высоты, овраги, расположение растительности и другие важные стратегические объекты. Готовый план немедленно доставлялся в штаб.

Первый мой бой произошел под Поньрями. Потом я не раз ходил в рукопашную, на другие боевые задания, дважды брал «языка». Под Ирпенью, в лесах, мы вместе с капитаном Галанзовским, заместителем командира полка, захватили две немецких гаубицы и перебили 18 солдат! На наше счастье вскоре подоспело подкрепление. Многие немцы тогда сдались в плен, но по закону военного времени их судьба была предрешена.

– Нужно сказать, что человек в рукопашном бою – это зверь... – здесь голос старого солдата дрогнул, на глазах появились слезы. – Там зевать некогда! Если не ты – то тебя... Всё кругом в крови! Боже мой! Помню раз как-то ударил немца прикладом по голове, так она и отскочила... Смотрю, – и приклад разломился на две части... После такого долго не можешь прийти в себя. Страшно это пережить! Страшно... А потом привыкаешь. Война...

Чудо – человек, живущий на земле! Каждый поступок его, худой или добрый, эхом отзывается в судьбах других людей, незаметно или явно меняет ход исторических событий, служит примером или порицанием. Что руководит им? Собственная воля? Может быть сила проведения? Остаётся только теряться в догадках, хотя и есть над чем поразмыслить...

– Довелось повоевать мне и в Румынии, и Польше, и Венгрии, и Югославии, – продолжает рассказ Василий Сергеевич. – Окончил войну я в треугольнике между Австрией, Германией и Чехией. Наград у меня, правда, немного: две медали «За отвагу», медаль «За освобождение Белграда», орден Отечественной войны II степени, остальные – юбилейные.

Во время боевых походов приходилось мне встречаться с американцами. Ох, они и вояки! Их артиллерия и самолёты бьют до тех пор, пока камня на камне не остаётся от населённого пункта! Но как только кем-то выбрасывается белый флаг, они тотчас же прекращают огонь. Именно таким образом был уничтожен город Дрезден.

Не всем нравилось то, что мы решили гнать фашиста до самого его логова. В Венгрии, например. Неподалеку от Балатона враги нажали так, что мы стремительно отступили, оставив в госпитале раненых солдат, так мадьяры... заживо сожгли их. Хотя сами венцы очень дружелюбный и обходительный народ. Командир полка подполковник Ревкевич доложил тогда об этом факте Пухову, прибывшему на передний край. В считанные часы это местечко было разбито в пух и прах, а вражеские войска отошли назад.

Серьёзных ранений у меня не было. На касательные ранения у нас никто внимания не обращал. За них могли просто засмеять! В Австрии мне срезало сзади почти полшеи. И ничего, зажило! Один раз, возле города Короб, с дружкой Павлом Тупичкиным из Челябинска по глупости мы попали в засаду.

Произошло это случайно. Остановившись возле небольшой речки, я стал изучать в бинокль особенности местности. Тут, откуда ни возьмись, на полуострове около противоположного берега появились два селезня. Такие аппетитные! Я подстрелил одного из них, отправив Пашку за добычей. Он оставил мне автомат и поплыл. А когда вернулся, внезапно со стороны паромы раздались автоматные

очереди. Я от неожиданности выпустил по стоявшей там будке почти все патроны из карабина, а Тупичкину, когда мы отходили, полбедра сзади располосовало. Хорошо, что ребята наши сразу подскочили, помогли отбиться, перевязали его.

Кстати, из нашей группы ни один человек не погиб! Даже когда Дунай переплывали, а он в ширину почти 800 м! А на реке Припять немецкая авиация была так, что нас в воздух от земли почти на метр подбрасывало! И хоть бы хны! Осколки от снарядов как будто мимо нас летели. Переключку сделали: все живы... Колька Дорофеев с Маклаковым и говорит мне: «Нас, наверное, молитва спасает. Значит – Бог есть!»

Нашёл я молитву эту под Малоархангельском в брошенном доме, когда начал резать ткань на лоскуты для чистки сапог. Чудная такая! На старославянском языке написанная, от все бед и напастей. Говорилось там, что будут летать стрелы огненные и птицы – сжигающие и тому подобное. Защита она была в одном из добротных кресел, обитых бархатным сукном. Внизу стояла подпись: город Зайсан, улица 905, номер дома уже не помню и имя – Ангелина Табакина или Табакова. Молитву мы все по очереди прочитали, некоторые даже переписали. Но начальнику разведки, старшему лейтенанту Линберману, это не понравилось. Стал он вырывать у солдат из рук листочки. Так ему в скором времени руку оторвало! Вот как бывает! – тут задумавшись о чем-то своем, ветеран замолкает.

После войны он два года ещё служил в Румынии, а когда вернулся, просто глаз не смог оторвать от соседской Валюшки. Выросла она в хорошую пригожую девушку. Уже и образование педагогическое успела получить! Одно только огорчало парня: посватался к ней учитель из села Тимирязево. Но Василий, как мы знаем, не из робкого десятка. Тут же переговорил с родной красавицы и сказал, что тоже сватов зашлёт. Мать Валентины вначале никак не соглашалась на нового жениха. Однако невеста не спешила с выбором. Ей хотелось присмотреться и к одному, и к другому. Тогда Василий вызвал её на прогулку и начал настойчиво убеждать, чтобы она прогнала соперника.

– Откажи ему! Откажи! – то и дело говорил он мне, – вспоминает Валентина Семеновна, а сама улыбается. – Я тебе буду мужем! Вскоре и золовка пришла, поторопила. Сказала, что работники загса со дня на день должны в отпуск уйти. Не затягивайте, мол, с росписью. Так мы и сошлись с ним. И до сих пор живём. Он то агролесомелиоратором работал, потом в райпотребсоюзе заведующим промышленной базой, затем, почти 30 лет, в электросетях прорабом. Оттуда и ушёл на пенсию. Двое детей у нас, внуки. Сейчас только недуги стали одолевать.

– Война – это страшная штука, – как бы очнувшись от глубоких воспоминаний, подытоживает нашу беседу Василий Сергеевич, – пусть она больше никогда не повторится! Я часто думаю о моих боевых товарищах. Многое пришлось нам пережить, ради мирного неба над головой... Живите и никогда не забывайте об этом!

P.S. К сожалению, ветерана Великой Отечественной войны Василия Сергеевича Байбакова уже нет в живых... Светлая ему память!

Марина Карлова

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

Очерки

АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН
Журналист

АЛЕКСЕЕВКА. ПОГИБШАЯ ДИВИЗИЯ

Мы, граждане России, за последние два с лишним десятилетия, как-то привыкли к постоянной негативной информации, потоком льющейся к нам с экранов телевизоров и мониторов компьютеров. В немалой степени это касается и отношений России с прибалтийскими республиками.

Прибалтийские русофобы и их противники

Время от времени в очередном прибалтийском городе переносят памятник павшим советским солдатам куда-либо на окраину, или просто местные вандалы (при молчаливом покровительстве этих же властей) оскверняют его. Особенно антиросийская риторика зазвучала в связи с событиями на Украине. Конечно, в странах Балтии есть русофобы и националисты. Но в Литве существует Организация участников Второй мировой войны, сражавшихся на стороне антигитлеровской коалиции. Председателем этой Организации является Юлюс-Ленгинас Декснис. В составе 156-ого стрелкового полка 16-ой Литовской стрелковой дивизии разведчик Декснис освобождал Латвию, а затем и свою родную Литву.

Несмотря на солидный возраст, именно он и два его товарища – Ричардас Чербаускас и Адольфас Болотинас побывали в начале августа 2008 года на Орловщине, участвовали в мероприятиях, посвящённых 65-ой годовщине освобождения Орла и области от немецко-фашистских захватчиков. Кроме собственно Орла, литовцы посетили село Алексеевку Покровского района, у которого в февральские дни 1943 года начинала свой боевой путь 16-ая Литовская дивизия.

Администрациям Северного района города Орла и Покровского района, музею боевой славы Алексеевской основной общеобразовательной школы литовские гости во время этого визита подарили только что вышедшую тогда в Вильнюсе книгу «Шестнадцатая Литовская».

Этот сборник содержит документальный очерк о боевом пути 16-ой стрелковой Литовской, ордена Красного Знамени, Клайпедской дивизии, воспоминания 24 ветеранов дивизии (в том числе Юлюса Дексниса и Ричардаса Чербаускаса). Все материалы даны на двух языках (литовском и русском) и проиллюстрированы большим количеством фотографий, приведена карта боевого пути дивизии, на которой подробно отражены населённые пункты Покровского, Свердловского, Глазуновского, Кромского и Сосковского районов Орловской области, то есть тех мест, где проходила 16-я Литовская.

У мемуаристов появилась возможность сказать обо всём откровенно, особенно о неудачном начале боевого пути дивизии.

Авторы сборника «Шестнадцатая Литовская» были столь внимательны при его подготовке, что изучили и последнюю литературу по событиям войны на территории нашей области.

Для орловчан (и для покровчан, в частности) книга, несомненно, стала ещё одним документальным источником по событиям 1943 года, когда происходило освобождение Орловской земли от фашистских оккупантов. В год 70-летия Великой Победы есть смысл рассказать о сражениях дивизии на Орловской земле, особенно о трагических первых боях зимы – весны 1943 года, когда 16 Литовская приняла кровавое боевое крещение на территории Покровского района. Я процитирую из названной книги отрывок.

«В боях под Алексеевкой (22 февраля – 22 марта 1943 года)»

До начала освобождения Литовская дивизия приняла участие в четырёх крупных кампаниях советских войск:

– в зимнем наступлении Красной армии 1942–1943 годов (на Орловском направлении);

– в Курской битве и последующем наступлении на Орловщине летом 1943 года;

– в осенне-зимнем наступлении 1943 года в Белоруссии в районах Невеля, Езе-рище и Городка;

– на начальной стадии Белорусской операции летом 1944 года в районе Полоцка.

27 декабря 1942 года командование дивизии получило приказ – дивизии совершить марш по маршруту Тула – Щекино – Плавск – деревня Сукманово Чернского района Тульской области. В последнем пункте она должна была войти в состав оперативной группы генерал-лейтенанта Новосельского Ю. В.

На третьи сутки дивизия прибыла в Сукманово, чтобы включиться в боевые действия Брянского фронта.

Штабные планы использования дивизии изменились, её передали в 48-ю армию второго формирования Брянского фронта, и в феврале 1943 года армия перешла в наступление в направлении г. Малоархангельска.

Теперь полки дивизии шли к фронту походным порядком через Чернь, Русский Брод и Дросково. Путь был очень трудным. Не прекращались метели, и на занесённых снегом дорогах застревали дивизионные тылы, тяжёлая артиллерия. Погодные условия оказались очень сложными. Февраль и март 1943 года выдались экстремально холодными. Местность была равнинной, открытой, при морозах за тридцать градусов дули сильные ветры, то и дело начинались метели.

На позиции дошла вовремя только артиллерия на конной тяге. Снаряды, мины, пулемёты и боеприпасы солдаты несли на плечах. Не выдержав тяжести перехода, скоропостижно скончался начальник штаба дивизии полковник Киршинас. Он похоронен в Русском Броде.

К 17 февраля 1943 года, измотанная рядом крайне тяжёлых зимних переходов, дивизия прибыла в район села Дросково Орловской области и по приказу командующего армией в ночь с 18 на 19 февраля сосредоточилась на участке Экономичное, Егорьевка, Вольный Труд, Никитовка, в районе села Алексеевка Покровского района Орловской области.

Прибывший на фронт командующий 48-й армией генерал лейтенант П.Л. Романенко отдал 17 февраля 1943 года следующий приказ: в течение двух дней сконцентрировать основные силы в селе Алексеевка Орловской области, в районе населённых пунктов Троицкое, Протасово, Золотой Рог. Силами 156-го полка вместе с действовавшими здесь ранее 6-й гвардейской и 143-й стрелковой дивизиями занять железнодорожную станцию Змиёвка и подготовиться к наступлению в направлении Орла.

19 февраля наступление не началось. Бойцы трое суток провели на исходных позициях для атаки, ожидая сигнала. Но его не было, так как артиллерия не смогла подойти вовремя.

Первый боевой приказ командира дивизии гласил:

«Боевой приказ № 1 20. 02. 43. 19. 25.

16-я Литовская стрелковая дивизия, штаб командира дивизии, Алексеевка.

Противник стремится восстановить прорванную линию фронта в направлении города Орла.

16-й Литовской стрелковой дивизии начать наступление на фронте 6-й гвардейской и 143-й стрелковых дивизий, сломить сопротивление, взять район Змиёвки и развернуть наступление в направлении города Орла».

Рубежи под Алексеевкой, где была послана наступать 16-я Литовская армия, обороняли немецкие войска, позиции которых состояли из глубоких укрепленных траншей, оборудованных противотанковым узлами; они имели сильное артиллерийское прикрытие и не были ограничены в расходе снарядов. Личный состав размещался в отапливаемых землянках. Авиационная поддержка была очень сильной. Предполье на подступах и первой линии траншей было оборудовано тремя рядами проволочных заграждений. Использовался и мороз – перед траншеей был устроен вал из снега, облитого водой и превращавшегося в ледяную корку. В бойницах, оставленных в валу, были установлены пулемёты. В отдельных пунктах в землю были закопаны танки, пушечно-пулемётные башни которых служили в качестве дотов.

До 16-й дивизии этот участок штурмовали и, не продвинувшись, понесли большие потери, 143-я (II формирования) и 6-я гвардейская стрелковые дивизии.

С 22 февраля по 22 марта 1943 года в составе 48-й армии 16-я Литовская активно участвовала в сражениях на орловской земле у села Алексеевка. Это первое сражение дивизии с немецко-фашистскими войсками проходило в очень сложных условиях холодной, снежной и ветреной зимы. В огромных сугробах на не поддающихся расчистке дорогах вязли машины, артиллерия и повозки с боеприпасами на конной тяге.

Дивизия заняла свой боевой участок в ночь на 21 февраля 1943 года. 167-й стрелковый полк утром этого дня выслал разведку. Дивизия сразу же попала под сильный пулемётный и миномётный обстрел противника и через два часа отошла. Всё это время немецкие войска постоянно вели систематический артиллерийский и миномётный обстрел позиции 48-й армии, нанося авиационные удары.

После предварительных разведок боем и неоднократных изменений боевых участков, в 9 часов 30 минут 24 февраля 1943 года дивизия впервые вступила в бой совместно со 143-й стрелковой и 6-й гвардейской стрелковыми дивизиями. После непродолжительной артиллерийской подготовки, она перешла в наступление в районе села Алексеевка. В её задачу входило прорвать оборону противника, выйти на рубеж р. Неручь, а в дальнейшем наступать в направлении станции Змиёвка. Артиллерийская поддержка была очень слабой, у командования не было других сил, кроме батарей лёгких орудий 224-го артиллерийского полка, так как застрявшая из-за бездорожья тяжёлая артиллерия смогла встать на боевые позиции только через неделю, 28 февраля. Полк не мог двинуться на позиции со станции Красная Заря – не было горючего. Атаки в этих условиях успеха не имели. Исходный рубеж атаки был обороняющимися немецкими войсками пристрелян, и они держали его под постоянным миномётным огнём. 23 февраля по атакующим, вышедшим на поле перед немецкими траншеями, немецкая авиация нанесла сильный удар.

Пушки полковых батарей были небольшими, их удавалось с помощью пехотинцев перетаскивать по снегу. Созданные ещё в начале века, они были безотказными

в бою, скорострельными, с довольно мощным снарядом. В целом в этих условиях это было грозное оружие. Но часто артиллеристам не хватало опыта. Когда артиллерию подтянули, то при поддержке артиллеристов рота 249-го полка смогла ворваться в деревню Никитовка.

После короткой артиллерийской подготовки 24 февраля 1942 года 167-й полк начал при поддержке семи танков атаку поселка Нагорное.

Этот поселок был тщательно подготовлен противником для обороны: перед ним были установлены минные поля, заграждения из колючей проволоки, построены доты. Несколько танков, закопанных в землю, были превращены в огневые точки.

Наступавшие цепи были сразу же встречены сильным пулемётным и миномётным огнём и залегли на открытом снежном поле. Без белых маскхалатов, в отчётливо заметных шинелях они были чётко видны противнику. К этому времени дивизия получила средства усиления – танки, «катюши», артиллерию, но подкрепление уже не оказало воздействия. Штаб армии продолжал требовать решительных наступательных действий, бросить в атаку всех до единого солдат тыловых служб – кашеваров, возниц, парикмахеров, оставив только медицинский персонал. Но положение не менялось. Наступление заглохло. Проявляя смекалку и находчивость, лишённые возможности замаскироваться и укрыться, солдаты прятались от наблюдения противника за стенками из блоков, которые они нарезали из плотно слежавшегося снега, что в некоторой степени защищало от пуль и осколков. Танки прорвались и подошли вплотную к окраинам посёлка, но технике пришлось отойти из-за того, что отстала пехота.

Атаки по этому полю дивизия повторяла несколько суток, даже в ночное время, но успеха они не принесли.

В ночь на 28 февраля 1943 года задание дивизии было изменено: ей было приказано сменить на позициях обескровленную в боях 6-ю гвардейскую дивизию и, наступая в направлении деревень Никитовка – Панская, выйти к реке Неручь. На этом участке с 6 марта 16-я дивизия почти две недели вела наступательные действия, но безуспешно.

Только за период с 20 по 26 февраля 1943 года дивизия потеряла в ходе боев 505 человек убитыми, 2035 ранеными, 527 пропавшими без вести и 88 человек по другим причинам. Потери, таким образом, составили 3155 человек за одну неделю боев.

Всего же за время этих боев погибли более 2 тысяч воинов дивизии. В стрелковых и пулемётных подразделениях полков из строя вышло более 75 % воинов.

В эти дни в дивизию приезжало руководство республики – А. Снечук, М. Гедвилас, А. Гузявичюс. Увидев собственными глазами размеры людских потерь при полной неудаче боевых действий, Снечук «был потрясён». Как вспоминал бывший офицер дивизии, вслух он только сказал, что «трудно сейчас судить, в чём тут причины неудач. Но бойцы здесь ни при чём! Они выполняли приказ и мужественно дрались с врагом».

Ряды подразделений в стрелковых полках настолько поредели, что их пришлось пополнять за счет штабов и тыловых подразделений, в том числе и особого отдела дивизии.

В ночь на 28 февраля обескровленную дивизию сменили с той же задачей подразделения упоминавшейся 6-й гвардейской дивизии, успевшей получить значительное пополнение. Начиная с 6 марта, в течение двух недель предпринимались новые атаки на позиции противника под Никитовкой. Не будучи обеспеченными артиллерией, авиацией и танками, они по-прежнему не привели к продвижению на местности.

16 марта 1943 года 16-я дивизия по приказу перешла к обороне западнее и юго-западнее Алексеевки. 20 марта она передала занимаемые позиции подошедшим частям 399-й дивизии и отошла в тыл.

Дивизия с честью выполнила свою задачу. Вместе с другими соединениями армии, также понесшими большие потери, своими активными наступательными действиями Литовская дивизия сковала крупные силы противника, что не позволило немецкому командованию снять ни одной части с этого участка фронта в помощь войскам Манштейна, который в марте 1943 года вел контрнаступление под Харьковом.

После первых тяжёлых боев дивизии 308 её бойцов и командиров получили боевые награды. Близ места боев в Алексеевке находится воинское кладбище солдат и офицеров Литовской дивизии, в честь их подвига здесь воздвигнут величественный памятник.

22 марта 1943 года 16-я дивизия была отведена во второй эшелон 48-й армии, которым командовал генерал-полковник К. К. Рокоссовский. Дивизия оставалась во втором эшелоне вплоть до начала подготовки к Курской битве, находясь на отдыхе, переформировании и получая пополнение. Она располагалась в деревнях Тростниковка, Федоровка, Кубань, Архаровские Выселки, Бобылевка, Залипаевка, Нижнее Архарово по берегам речки Синковец. Сосредоточившись здесь, в 12 километрах восточнее и юго-восточнее Алексеевки, дивизия с апреля проводила оборудование промежуточного оборонительного рубежа, выполняя задачу быть в готовности к контрудару в случае прорыва противника на стыке 48-й и 13-й армий, а также контратак в северо-западном и западном направлениях.

В апреле 1943 года дивизия занимала позиции в обороне западнее и юго-западнее Алексеевки; командный пункт находился в деревне Барково.

Во время Орловско-Курской битвы

А теперь отрывок, рассказывающий об участии 16 Литовской дивизии в летних боях 1943 года: «В начале июня дивизия получила приказ занять передовую линию северной части Курской дуги, на участке 48-ой армии, сменив полки 399-ой стрелковой дивизии, укрепиться к югу от деревни Крестьяновка, в посёлках Экономичное, Панская до деревни Красная Слободка... Перед столь важным сражением командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский проинспектировал готовность дивизии к боевым действиям. Беспокойство руководства дивизии вызывала доминирующая перед 156-ым стрелковым полком в западной части деревни Егорьевка высота 235,0, на которой укрепился противник. Было принято решение силами второй роты этого полка и отрядом полковой разведки провести разведку боем и занять высоту. Воины, при поддержке артиллерийского и миномётного огня, почти без потерь, заняли оборудованные на высоте вражеские окопы. Но удержать занятые позиции не удалось, так как немногочисленными силами не смогли отразить контратаку немцев. В этом бою литовцы сражались смело и мужественно. 84 бойца были награждены орденами и медалями, а командиру отряда полковой разведки В. Бернотенасу, первому в дивизии, было присвоено звание Героя Советского Союза. 5 июля началось мощное наступление немецкой армии на полосу обороны дивизии. Рано утром начался артиллерийский и миномётный обстрел, а самолёты противника бомбили позиции. Затем немцы бросили в наступление две пехотные дивизии, новые танки «Тигр», «Пантера», самоходные орудия «Фердинанд». Основной удар был направлен на участок 167-ого полка, на стык 167-ого и 156-ого полков, а также на стык 167-ого полка и 8-ой дивизии соседней 13-ой армии. К разгару дня противнику удалось занять первые окопы левого крыла 167-ого полка, но вскоре наши воины вернулись на свои позиции. Во время следующей ата-

ки противник попытался прорвать оборону воинов этого полка на правом крыле. Полковые батальоны и роты упорно и ожесточённо отбивали нарастающие волны немецких атак. Метким огнём воины отсекали пехоту от танков, подрывали гранатами и поджигали «коктейлями Молотова». 224-ый артиллерийский полк, под командованием майора А. Пятрониса, прямой наводкой подбил несколько прорвавшихся на позиции танков и вынудил других повернуть назад. 249-ый стрелковый полк занял оборону на южном фланге дивизии, не дав противнику возможности обойти наших воинов с фланга. Роты второго эшелона 156-ого и 167-ого полков контратаками выбивали противника, прорвавшегося на передовые линии дивизии. В этом сражении, уничтожая грозные немецкие танки, проявили мастерство артиллеристы под командованием полковника Й. Жибуркуса. Основной удар врага пришёлся на позиции 167-ого полка под командованием В. Мотеки. В этом бою он проявил талант командира и мастерство оперативного руководства в сложных, быстро меняющихся условиях боя. На следующий день немецкие автоматчики и танки возобновили атаку, однако вновь не смогли одолеть нашу оборону. После двухдневных атак, в конце концов, немцы прекратили наступление и сами перешли к обороне...

С 23 июля до 12 августа 16-ая Литовская стрелковая дивизия участвовала в стратегическом наступлении всех частей Центрального фронта. После четырёх дней сражений, взломав немецкую оборону, форсировав реку Неручь и отразив у села Борисоглебское несколько ожесточённых контратак, вышли к деревне Никольское, к вражеским оборонительным укреплениям, которые защищали переправы через Оку. Четверо суток шли яростные бои за деревню Никольское. Несколько раз роты солдат прорывались на восточную окраину деревни, ввязывались в уличные бои, но под давлением врага были вынуждены отступать. Особенно упорно немцы сопротивлялись на берегу реки Малая Рыбница. Под давлением танков и самоходных орудий вражеская пехота несколько раз в день контратаковала наши позиции. В перерывах между атаками самолёты противника на бреющем полёте бомбили и обстреливали позиции дивизии. Преодолев упорное сопротивление, полки дивизии заняли деревню Никольское... Потери были большие... Но 1 августа дивизия смогла возобновить наступление и в течение десяти дней форсировала реки Ока и Крома, прорвала оборону противника в районе деревень Верхняя Боевка, Троицкое и Хмелевая, закрепившись на линии Ивановка – Сосково. Дивизия успешно справилась с поставленной перед ней задачей, завершила боевые действия на Курской дуге. Воины за двадцать дней с боями прошли 120 километров. Остались не только освобождённые сёла и деревни, но и братские могилы погибших и умерших от ран литовских воинов. Последние воинские захоронения на Орловской земле появились на окраине деревни Мыцкое...».

Вот так, уважаемый читатель, воевала на Орловской земле 16 Литовская дивизия. Она внесла свой вклад в общее дело разгрома фашизма, и очень жаль, что некоторые недавновидные литовские политики пытаются забыть об этом. Но мы-то – помним!

ПОЛНЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

137-ю стрелковую дивизию, до лета 1944 года не участвовавшую в сражениях за крупные города, ветераны в шутку называли «Околоорловская», «Мимогомельская», но чаще – «Болотная», поскольку её боевой путь пролегал в основном по бездорожью и болотам. В этой дивизии и воевал тот, о ком я хочу рассказать, – Георгий Никитович Селезнёв.

НАЧАЛО БОЕВОГО ПУТИ

У нашего земляка – удивительная военная биография. Призванный на фронт в марте 1942 года (ему не исполнилось тогда ещё и 18 лет), он оказался сразу же в составе 137-й стрелковой дивизии, которая вела боевые действия на территории его родного Покровского района. В составе 409-го стрелкового полка этой дивизии вначале – рядовой, а потом – сержант Селезнёв прошёл с боями от Орловщины до Восточной Пруссии. Несколько раз раненый, он всегда возвращался в родную часть и продолжал с нею двигаться по направлению к фашистскому логову.

Трижды за короткое время – с августа 1944 по апрель 1945 года – за мужество и героизм Селезнёва награждали орденом Славы – всех трёх степеней. А все свои подвиги совершил Георгий на земле, которая в настоящее время входит в состав Польши и в которую сам он лёг навечно ранней весной 1945-го.

Родился полный кавалер ордена Славы 23 мая 1924 года в селе Ворово (тогда – Малоархангельского уезда, а сейчас – Покровского района Орловской области.) в многодетной крестьянской семье Никиты Андреевича и Агафьи Дмитриевны Селезнёвых. Когда началась Великая Отечественная война, Георгию Селезнёву только- только исполнилось 17 лет. В ноябре 1941 года гитлеровцы оккупировали село Ворово, но в отличие от большинства населённых пунктов Покровского и Дросковского районов период фашистской оккупации здесь длился недолго: уже через месяц в ходе наступления войск Юго-Западного фронта оно было освобождено вместе с двумя десятками деревень восточной части нашего края.

А весной 1942 года возмужавших душой и телом молодых ребят призвали в Красную армию. В той части села Ворово, где жил Георгий Селезнёв, таких оказалось около десятка.

Учёба покровчан военному делу была недолгой, поскольку 137-й стрелковой дивизии требовалось большое пополнение. 409-й стрелковый полк, к примеру, в который и был зачислен новобранец Селезнёв, насчитывал после неудачной Болховской наступательной операции лишь 57 штыков.

Зимой 1943 года 137-я стрелковая, войдя в состав 48-й армии, приняла участие в зимнем наступлении на Орёл, тоже не до конца удачном, но в ходе которого были освобождены многие населённые пункты Орловской области.

Довелось рядовому Селезнёву увидеть радость своих земляков 15 февраля 1943 года, когда село Покровское, райцентр, находившийся от его родного села Ворово в каких-нибудь 20 километрах, куда он шёл целый год, был избавлен, наконец-то, от гитлеровской оккупации бойцами 137-й дивизии.

За освобождение города Бобруйска 29 июня 1944 года 137-я стрелковая дивизия была удостоена почётного наименования «Бобруйская» и получила, таким образом, свою долю воинской славы, а рядовой Селезнёв, прошагавший с дивизией уже не одну тысячу километров в течение двух лет и двух месяцев, мог с гордостью сказать, что в этом имени воинской части есть и его немалая заслуга.

«СУМЕЛ УДЕРЖАТЬ ПЛАЦДАРМ...»

Ну а затем наступило время и для самого Георгия Селезнёва. Вообще-то, казалось странным, что за два с лишним года участия в войне он не был награждён хотя бы одним орденом, – только медалями.

Слава к Селезнёву пришла в Польше. Правда, если следовать до конца исторической правде, тогда часть её нынешней территории находилась ещё в составе Восточной Пруссии.

12 августа 1944 года группа разведчиков 409-го стрелкового полка, в числе которых находился и рядовой Селезнёв, получила задание выявить огневые точки против-

ника у населённого пункта Вымены Русь (в 23 километрах восточнее современного польского города Чижев), когда только-только наши войска пересекали границу. Выполнив задание, группа возвращалась обратно, но была обнаружена противником. В ожесточённой схватке разведчики уничтожили восемь гитлеровцев, а одного взяли в плен. Георгий, прикрывая группу, внёс наибольший вклад в её успех, и 27 августа 1944 года он был удостоен ордена Славы III степени.

К началу 1945 года Селезнёв уже был сержантом, командиром отделения, которое всегда успешно выполняло самые сложные задания командования.

25 января, в бою у населённого пункта Геттендорф (18 километров севернее современного польского города Моронг). Селезнёв первым достиг траншеи противника, откуда велся пулемётный огонь, мешавший наступлению 409-го стрелкового полка, и гранатами уничтожил пулемёт с расчётом. 10 февраля 1945 года старшего сержанта наградили орденом Славы II степени.

19 февраля на подступах к восточно-прусскому городу Браунсбергу (ныне город Бранево, Польша). 137-я стрелковая дивизия выдержала несколько мощных контратак фашистов. Командир отделения Селезнёв, организуя оборону, был ранен (это было уже его пятое ранение), но из боя не ушёл, лично уничтожив десять гитлеровцев.

27 февраля 1945 года, едва подлечившись, Георгий Никитович вместе со своим отделением форсирует реку Ногат (это один из рукавов Вислы) в 11 километрах юго-западнее города Эльбинга (современный польский город Эльблонг) в тот момент, когда на реке начался ледоход.

В момент переправы, когда в результате ожесточённого обстрела противника был убит командир взвода, Селезнёв принял командование на себя, и его взвод первым преодолел реку, ворвавшись в населённый пункт Хорстербуш. Заняв круговую оборону в каменных домах, бойцы Селезнёва до подхода основных сил сумели отбить несколько гитлеровских атак. В ходе боя многие бойцы взвода героически пали, но старший сержант огнём из пулемёта и гранатами сумел удержать занятую позицию, в результате чего обеспечил всей 137-й стрелковой дивизии плацдарм для дальнейшего наступления (до километра в глубину и до полутора по фронту).

19 апреля 1945 года за этот подвиг Селезнёв был удостоен ордена Славы I степени. Однако сам Георгий о том, что он теперь полный кавалер высшего солдатского ордена, уже не узнал. Помощник командира взвода, старший сержант Селезнёв был убит 9 марта во время боя за местечко Фюрстенау, в трёх километрах от восточно-прусского города Тигенхоф.

УВЕКОВЕЧЕННЫЙ В ПОЛЬШЕ И РОССИИ

Когда я начал уточнять все сведения, имеющие отношение к нашему земляку, то решил, прежде всего, попытаться использовать то, что ещё несколько лет назад было нам недоступно – данные из Центрального архива Министерства обороны, размещённые ныне на сайте «ОБД-Мемориал. ру».

Однако, к моему глубокому удивлению, я вначале не нашёл имени Георгия Селезнёва в списках погибших бойцов и командиров 137-й стрелковой дивизии. И лишь спустя несколько дней поисков в Интернете и размышлений понял, в чём тут дело.

В «Именном списке № 18 безвозвратных потерь личного состава (рядового и сержантского) 137-й стрелковой Бобруйской дивизии за период с 10 по 20 марта 1945 года» помощник командира взвода, беспартийный, 1924 года рождения, Селезнёв значился как Григорий Никитович, а не Георгий.

Все погибшие 9 и 10 марта 1945 года были захоронены в деревне Фюрстенау, на северо-западной её окраине.

Зная, что место захоронения Георгия Никитовича находится ныне на территории Польши, я очень хотел выяснить, как же теперь называется деревня Фюрстенау, где точно она расположена и цело ли там захоронение советских воинов. Мне помог поляк Войтек Бещински, который на мой вопрос ответил, что город Тигенхоф Восточной Пруссии – это небольшой современный город Новы-Двур-Гданьски (между Гданьском и Эльблонгом), а деревня Фюрстенау находится в трёх километрах от него и называется теперь Кмецин (Поморское воеводство, совсем недалеко от Балтийского моря).

Согласно «Каталогу захоронений советских воинов на территории Польши», в деревне Кмецин (бывшее Фюрстенау) в четырёх братских могилах покоится 532 военнослужащих. Но на плитах оказались выбиты только 318 фамилий, и среди них, к сожалению, очень долго не значился Георгий (Григорий) Селезнёв. Однако полтора года назад власти Поморского воеводства реконструировали Кмецинское мемориальное захоронение и прислали мне письмо: теперь имя Георгия Селезнёва увековечено в Польше.

Фамилия нашего земляка выбита и на другой плите – на мемориале в его родном селе Берёзовке (бывшем Ворово) Покровского района.

Что ж, Георгий Никитович, хорошо, что поляки помянули тебя добрыми словами. И пусть при жизни тебя даже не сфотографировали, но мы, твои земляки, будем помнить тебя всегда!

ЛЕОНАРД ЗЛОТАРЁВ

СЕМНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ВОЙНЫ

Картины из моего детства

*Пушки к бою едут задом,
Это сказано не зря.*

А. Твардовский.

«Василий Тёркин» (часть вторая).

Вспоминая своё военное детство, видишь целые картины из того сурового прошлого. Стоят они во мне, как сериалы какие-то, всполохи, они то сияют в душе, обжигая, а то зияют глубокими, непреходящими ранами. А ведь всего-то семнадцать месяцев войны не мимо тебя; попал я в самое пекло в Малоархангельске, от шести лет и далее эти семнадцать месяцев как врубались в меня навсегда.

Немцы вошли к нам в городок 3 октября 1941 года, а освободили нас 23 февраля 1943 года. И вот какие картины вместились в это не такое уж длинное лихолетье, однако, кажется, вечное время, которое потрясло душу. Постараемся выбрать самое впечатляющее, сказать как покороче, точнее, чтобы нынешние дети прочитали про наше и не ужаснулись, не надо, а просто увидели, поняли что-то, через что мы, дети войны той, прошли.

Кажется, совсем недавно мы проводили на войну старшего дедушкиного сына Гавриила Герасимовича Нижевсова, материного старшего брата, дядю моего род-

ного, крёстного отца моего. Едва вернулся он с белофинской войны, а за окнами по нашей улице уже движутся машину с крестами. Стёганой соломой накрытые, соломенные что ли, моторы? Невероятно, ужас какой-то. Чужие солдаты. По-двое. По плечам у них какие-то длинные ружья. Заглядывают солдаты за шкафы, под кровать: – Зольдатен? Партизаны?

Мать с дедушкой стоят белые, как полотно. Немцы мимо нас, вваливаются в комнатушку, она ещё хранит запах дедушкиного сына от его едва затянувшихся ран, которые он принёс с белофинской. Помнится, я ныряю к нему под одеяло, прижимаюсь горяченьким тельцем, мама моя несёт нам в постель по куску «рублёвого», ситного хлеба, политого конопляным маслом и слегка присыпанного крупной солицей.

– Можно я буду называть тебя папой? – говорю я. – Ох, и надоело же мне быть без папы...

– Никс зольдатен, яволь? – возвращает меня сюда голос немца.

– Какие солдаты, нет их, на фронте они, – отворачивается от них моя мать.

Время идёт, и мы привыкаем к ним, к их речи, непонятным словам, к тому, что напротив наши детясли заняла ихняя комендатура. Что в нашей Образцовой школе через дорогу, мать сказала, в неё вместился ихний «бардак». По улице мимо нас гонят колонну наших военнопленных – раненых, измождённых, голодных. Мать выворачивает мне в подол рубашки кастрюлю варёной картошки. «Сынок, – закричали в колонне, – сынок!»

Я сунулся туда к ним, часовой полоснул очередь из автомата в землю рядом со мной. И я бросился обратно к себе в калитку.

Вскоре в дом к нам вломились двое с автоматами и погнали нас в городе на угол сквера, где уже была сделана виселица и на ней мотались три пеньковых петли. Откуда – то сверху по улице Советской (она теперь называлась немцами «Гитлерштрассе») вели к виселице кого-то. Их было трое: ребята по краям, в середине они тащили под руки девушку с перебитыми ногами. Толпа вздрогнула и покачнулась, я вжался в материны коленки.

Палач всунул её голову в петлю и выбил ногой табуретку. Толпа ахнула и зарыдала.

Доска с надписью «Партизаны» упала с груди девушки... Больше я не помнил ничего...

Нас заткнули в маленькую комнатушку, а в зальчике через стенку сделали комнату для проезжих офицеров. И тут стал жить офицер с витыми погонами. И при нём был денщик по имени Ганс. Он приходил к нам на кухню и объяснял с помощью рук:

– Я богатый человек, в Германии у меня много земли. Если б не было войны, этот офицер мне мыл бы ноги.

Встречая своего офицера, Ганс должен был вытягиваться у двери. Он и вытягивался в струнку перед ним каждый раз, а однажды по-мальчишески перекинулся и высунул ему в спину язык. А офицер увидел это в трюмо. Разворачивается и по морде, по морде денщику. И тут же убрал его от себя. И Ганс теперь работал на кухне. Жил где-то на Советской улице, состоял при кухне.

И надо было вскоре мне заболеть. Очень тяжело. Испанкой. Это, говорили, была вроде бы разновидность тифа. Жар африканский, температура выше сорока. Ну всё, мне конец. А Ганс не забыл дорожку к нам сюда. Приходил иногда по старой памяти. Говорил моей маме:

– Матка, мне жёплая вода. (Это значит, дай мне тёплой воды).

Загляну за дверь, видит, я лежу сам не свой.

- Чего-то он? – делает он знак моей маме. – Киндер твой?
- Да помирает, – закипели слёзы у мамы, – вот-вот помрёт киндер.
- Не гут, – говорит Ганс. – Некарашо помирать. Я приведу сюда... карошего немецкого доктора.

Тут же привёл офицера.

- Гауптман (капитан), – сказал он. – Это есть кароший немецкий доктор.

Офицер сделал мне наружный осмотр, потом внутренний. Приказал раскрыть рот пошире, заглянул поглубже, пощупал лоб. Говорит:

- Мутер, бери ледяная вода, окунай в простыню и закутывай в неё киндера. Всё делай так, пожалста.

Мама моя так и обомлела. Офицер отдал честь и ушёл. Ганс и говорит:

- Делай, делай, матка. Кароший немецкий доктор.

Закрутила мама меня в простыню. В ледяную.

К утру температура стала спадать. То ли кризис прошёл, то ли ледяная простыня жар сняла с меня. Только дело пошло на поправку. Без всяких лекарств доктор согнал с меня эту испанку. Вот живу до сих пор. Спасибо немецкому доктору.

* * *

А то, помню, идёт моя мать с бельём в тазу, ходила полоскать его в копани, что напротив, в Никулинском саду. А тут немецкий солдат взял у нас большую лестницу возле сарая и тащит куда-то. Наверное, флаг свой вешать на своей комендатуре. Мать моя и говорит ему:

- А ну положи лестницу, где взял.

А он тащит.

- Положь, говорю, на место! – заводится мать моя.

Не кладёт он лестницу. Мать моя подняла валёк над его головой да как гаркнет:

- Пришли, черти! Кто вас звал сюда?

Немец бросил лестницу, выхватил пистолет да на неё. Мать обомлела, и я вместе с ней. Оккупанты, ятить твою мать!

* * *

А то ещё такой случай. Первый друг у меня был Володя Ефремов. Я на улице Маркса жил, а он – на улице Ленинской. Огороды сходились, там мы с ним и познакомились. Перед самой войной.

Вот мы встретились в соседнем Христоповском саду. А весна была, Первое Мая. Немцы тоже Первое Мая отмечали. С базара громыхает ихний громкоговоритель. Музыка играет, слова летят оттуда всякие, агитационные. А мы с Володей лежим на травке, да и слушаем, не слушаем. Аж противно. Вот Володя и говорит:

- Видал? Из себя выходят.

- Выходят, – говорю, – из себя. Чего вытворяют.

- Наши всё равно скоро придут, – вздохнул Володя.

- Конечно, придут, – говорю я. – Придут, конечно.

Дело в том, что сам я до того не додумался. Вовка был старше меня ровно на два года и два дня. Он родился в самый день начала войны – 22 июня 1933 года, а я – 24 июня 1935 года. Кто же знал, что наши не только освободят наш Малоархангельск как большой какой, важный город – 23 февраля, в День Красной Армии, но ещё и 24 июня 1945 года, в День моего рождения, в Москве состоится после Парад Победы. Будут бросать к ногам знамени поверженного врага.

Вот какое дело было у нас с Володей в Христоповском саду 1 Мая 1942 года, и вон куда мы, пацаны, заглядывали тогда.

* * *

Уже 43-й год. Февраль – месяц. Мы с дедушкой зашли зачем – то в аптеку. Аптека была рядом с нашим домом. А дальше, тоже рядом, был ещё один дом, где жил

заведующий аптекой Глеб Антоныч. Зашли мы с дедушкой в аптеку. Взял дедушка чего-то там, собрались мы уходить, подходит к нам пожилой немец, немецкий солдат. Отвёл нас в сторонку и оглядчиво этак шепчет:

– Гитлер капут... Гитлер капут... Сталинград...

И пошёл к двери. А мы с дедушкой Герасимом Макаровичем стоим, как вкопанные. Вышли мы во двор, а двор был у нас общий, на все три дома. Дедушка и говорит мне:

– Видал, внучок? То все они пели... ви айнс Лили Марлен... а то Гитлер капут...

На другой день пришёл к нам домой другой немецкий долговязый солдат и говорит дедушке по-русски:

– Собирайтесь! Бери инструмент. Приказано привезти тебя в театр, стёкла вставлять.

У дедушки был алмаз, купил он его в молодости, ещё в Первую мировую войну. Ну и стёкла кой-когда вставлял людям. А я ему инструмент носил, брал он меня иногда с собой из-за этого.

И правда, был тогда в Малоархангельске свой театр, театрик. Да ещё с вертящейся сценой. Это напротив нынешнего кинотеатра «Колос». Всё же бывший уездный город, всё в нём было и есть: и кинотеатр, где я перед самой войной, помню, видел кино и про Чкалова, и про Чапаева.

Дедушка размечает линейкой стекло и режет его алмазом, а я на сцену пялюсь. А по сцене расхаживают тётки и мужики. Говорят по-немецки, а сами в гражданском. Мы до того немцев только в военном видели.

– Ломают комедию, – говорит мне дедушка. – Говорят, приехала агитбригада.

– И у наших, – спрашиваю, – есть агитбригада?

– Ну а как же, – говорит мой дедушка Герасим Макарыч. – Без этого дела нельзя.

– А что они разыгрывают? – спрашиваю.

– Да писатели пишут, – отвечает мне дедушка, – а они на сцене толдычат.

– Гитлер капут, дедушка, – выпалил я. – Скоро наши придут.

Но прежде чем прийти нашим, мы сами испытали трагедию. Заживо едва не сгорели. И вот как всё это было, как раз накануне 23 февраля 1943 года – Дня Красной Армии.

* * *

Надо сказать ещё об одном интересном случае. Чуем, скоро немцы будут давать дёру. На кухне у нас под полом был зарыт сундук с кое – какими пожитками. Решили мы извлечь их, проветрить вещички. Не дай бог немцы ещё и сожгут нас. Слух идёт, отступая, немцы жгут все деревни подряд.

Только мама достала сундук из подполья, а из сундука кожаные перчатки брата своего Гавриила Герасимовича, как они тут как тут: два солдата дверь настезь. Во какие верзила рыжие. Фины. Увидел самый рыжий эти перчатки и хватя себе их за пазуху.

– Да ты что! – заголосила мать. – Да вот мальчик растёт, память ему от отца!

Увидел он на стене фотографии в раме, а на видном месте Гавриил Герасимович в военной форме, политрук роты, на рукаве знак отличия. Эх, как полоснёт этот верзила глазами, тычет пальцами в фото. Другой фин дернул его за рукав. Так и ушли они, улыбнулись наши кожаные перчатки.

– Мародёры, – бросила вслед им мать моя Мария Герасимовна. – У немцев нет такого, рядом комендатура ихняя, у немцев железный порядок.

Нужно сказать, мы жили в самом центре. Всех повидали тут и чехов, и австрийцев, и даже власовцев. Те жители, что жили в самом центре на нашей же улице, но в конце её немцев, может, раз в месяц видели. А сюда к нам даже финов черти принесли. Австрияки были народ помягче, добрее, что ли.

– Мы не немцы, – говорили они. – Мы – австрийцы. Хотя тоже говорим по – немецки.

* * *

Отступая в сторону Глазуновки, немецкие солдаты предупредили нас с вечера наши дома будет жечь «зондеркоманда» – факельщики. Уже разнесли по улице и бросили перед каждым домом по охапке соломы. До того почти месяц, чтоб не угнали, прятались в большом аптечном подвале нас четыре семьи: Христоповы, Жердевы, Лаушкины и мы. Побоявшись, что в окно нам эти факельщики могут швырнуть гранату, мы все перебрались в наш маленький погребок, возле большого сарая, набившись в погребок, как селёдки.

Дедушка наш выбрался из погребочка, сходил огородами к дому Христоповых, отбросил от их дома солому, это чтобы христоповский дом не сгорел. Патрульные пригрозили ему автоматом, и он живо вернулся к нам в погреб

Посреди двора лежали у нас кое-какие вещи, какие успели мы вытащить из дома. Двор со всех сторон окружали три дома (наш, аптека и дом Глеба Антоныча) и добротные, бревенчатые сараи. Мы сидели в погребе, набитом битком, не шевелясь, боясь высунуть нос. Там ходили немцы с факелами и автоматами, мы слышали их возбуждённые голоса.

И началось. Мы поняли это по дыму, который потёк к нам сюда в щель через порог. И тут же в ту щель потекла вода, это тёк сюда таявший снег. Дома горели, вода заливала наш погребок. Огурцы из бочки поднялись ввысь и стали плавать, толкаться нам в горло. Взрослые подняли нас, детей, над собой. Так и стояли, дрожа, по грудь в талой воде. Дымом стало забивать лёгкие, стало нечем дышать.

– Это на погреб наш упал сарай, – сказал дедушка. – Всё равно помирать, – махнул он рукой и стал выбираться наверх по порожкам.

– А-а-а! – закричал он через какое-то время там наверху.

Мы выскочили на помощь. Пламя сомкнулось над нами, неба как будто не существовало. Полушубок на дедушке горел вовсю со спины. Мы стали спасать дедушку, катать его по мокрому снегу. Стало темнеть, мы, наконец, огляделись: пламя постепенно погасло, вокруг ничего. Пусто, черным-черно. А ведь были дома, сараи.

– Вить, – сказала тётя Лида Лаушкина, – поди сбегай садами, глянь, цел хоть наш дом-то.

Витька Лаушкин побежал через горсад позади сгоревших сараев. Вскоре он вёл сюда каких-то людей. Это была наша разведка, пятнадцать человек. Мы стояли перед ними, немые, чёрные от копоти. Но живые!

– Что ж стоим – то? – всплеснула руками мать моя Мария Герасимовна. – Наши пришли ведь! Надо их чем-нибудь угостить.

И побежала в горсад, куда дедушка перед тем вывел из сарая и бросил нашу корову Маню.

– Нас в городе три команды, – рассказывали разведчики. – На Репьёвке, на улице Либкнехта и тут.

Мать доила корову в ржавую консервную банку. Корова вздрагивала, глядя на нас.

– Стожок сена на лугу видели, как шли сюда, – говорили наши разведчики. – Сходите на Беленькое, будет хоть чем кормить корову в первое время.

Мы пили молоко, передавая консервную банку из рук в руки, друг другу, как братину.

– И слава Богу, что живы вы, – говорили они.

Плакала корова

*Шёл сорок третий. Немцы, отступая,
Жгли городок. И к нам беда вот-вот.
Дед вывел коровёнку из сарая
И бросил за садами: пусть живёт.*

*Замкнулось небо. Пламя озверело.
Рванулись в погреб все снега зимы.
В саду корова – Манечка редела,
Ей было страшно, как горели мы.*

*А утром двор был пуст, чужой, пригашен.
Не верилось пустынной тишине.
И вдруг – разведка. « Наши! Наши!! Наши!!!»
Хлеб – соль! Хлеб – соль! Всё сгинуло в огне.*

*И мать доила Маню спозаранку:
«Ну, милая, родная, выручай».
Она ласкала Манечку-белянку,
Тянула вымя, мяла сгоряча.*

*И Манечка дыхнула в наши лица.
Переступила, глянула в глаза,
И на её белёсую ресницу
Вдруг выкатилась крупная слеза.*

*Созрела, подержалась и упала.
На чёрный снег, на обожжённый снег.
Она, корова, что-то понимала,
Она, корова, от войны устала,
Она, корова, плакала за всех.*

*...Идут года. Непраздно и сурово.
Смотрю живуцим, как себе в глаза,
Но вспомнится, как плакала корова,
На самого накрутится слеза.*

Дом Лаушкиных остался. Прямо напротив взорванной немцами церкви. Мы жили в нём, и у нас стояли наши офицеры. Как раз было такое время, когда по приказу Верховного командиров стали называть офицерами, а красноармейцев – солдатами. Как и когда-то давно. Ввели погоны, отложные воротнички перешили на стоячие. Мать и сестра моя, кузина, Лида дочь Гавриила Герасимовича, помогали офицерам, подшивали им белые подворотнички.

– Чегой-то вы наводитеесь? – улыбалась мать моя офицерам.

– Хозяин приедет, – бросил один из них мимоходом.

Все знали, хозяин – это Командующий нашим Центральным фронтом Рокоссовский.

Я был шустрый такой, всё на ус мотал себе. Вскоре мы с пацанами пробрались через оцепление из автоматчиков и стояли во дворе школы перед генералами, которых распекал за что – то самый высокий, самый красивый, самый главный из всех генералов, это и был Рокоссовский. Я стоял перед ним, глядя вверх, и увидел,

что под мышкой кителя у него треснуло от натуги. Надо же, не каждый на фронте солдат, даже генерал может видеть Командующего фронтом, тем более Рокоссовского. А я видел, и запомнил его на всю жизнь.

* * *

Шло лето сорок третьего. Перед самым сражением в битве на Орловско-Курской дуге стали эвакуировать жителей Малоархангельска, куда нам наметили, – в Луковец. Туда мы и отправились. Увозили нас на военной машине. А комод дедушкин не взяли. Громоздкий, оказался, некуда ставить. Но дедушка ведь сам его делал. Да ещё мы спасали этот комод дубовый, вытащив, перед тем, как гореть нам, на середину двора.

Приделал дедушка колёсики к комоду, и мы покатали его в Луковец. За двадцать километров от города. Самое трудное было – это вкатить его на Мамошинский бугор. Аж глаза у нас с дедушкой от натуги на лоб вылезали. Руки дрожали, тело тряслось. Тем более катить приходилось по обочине: навстречу шли на фронт тяжёлые грузовые машины.

И всё-таки мы катили комод, куда надо, не бросили. И он теперь стоит в Малоархангельске в доме у нас, которой мы сами построили из блиндажей. Стоит как миленький, как памятник дедушке, как символ нашей победы, самой войне.

* * *

В Луковце мы жили по эту сторону реки Сосны. И тут на берегу стояла танко-ремонтная часть полковника Угрюмова. Здесь чинили танки, подбитые перед Малоархангельском где-то у Поньрей. Небо чертили летящие и падающие самолёты. За горизонтом всё горело и грохотало, дрожала земля. Это шло страшное, просто жуткое сражение на Орловско-Курской дуге. Центральный фронт – главный фронт, Рокоссовский недаром тут со своими армиями пришёл сюда, в Серединную Русь, из – под Сталинграда.

Я вертелся, около танков. Облазил их изнутри: окровавленные, нашёл шуруп вроде, а это промасленный палец. В основном «Т – тридцать четвёрки», танкетки, огромные «КВ» (Климент Ворошилов), даже «ИСы» («Иосиф Сталин»). Утром я убежал из дому к танкистам-ремонтникам, как на праздник, в белой рубашке, а вечером возвращался в чёрной.

Вечером, помню, на берегу Сосны, у костёрка, солдаты брали в руки газету «Правда» и читали поэму Твардовского «Василий Тёркин». Один пожилой дядечка-украинец сажал меня себе на колени, учил читать меня. Сначала буквам, потом складывать из букв слова. Собаки тащили мимо нас на низких тележках раненых прямо с поля боя, в небе с падающих самолётов спускались живые и мёртвые парашютисты. Отремонтированные танки уходили обратно в бой.

– Мы победим, – водил пальцем я по замусоленным газетным страницам.

Мы по-бе-дим!

Читать учили меня в сорок третьем танкисты, а писать я и сам научился. И вернулся сюда, в Луковец, после института учителем русского, литературы, истории. И сам стал учить детей... Но это потом, а пока...

* * *

Приехал в Луковец к нам с фронта один из двух офицеров, которым мама с моей сестрой подшивали подворотнички, – майор Лисунов Александр Емельянович. Отпустили на денёк перед решающим боем.

– Маруся, город мы не сдадим! – сказал майор Лисунов.

И погиб где-то за Протасово, под станцией Малоархангельск. И дедушке нашему пошли одна за другой похоронки о всех трёх его сыновьях. Сначала под Брест-Литовском, на самой границе, пал смертью храбрых ещё в сорок первом, на главном – московском направлении младший сын дедушки, мой дядя Максим, по-

том – под Бобруйском – папа мой крёстный, дядя Гаврюша, Гавриил Герасимович, которого тут мы тогда, в Малоархангельске, провожали на войну, и уже под самой Москвой, где-то возле Можайска погиб и третий дедушкин сын – дядя Вася. Я не знаю, как выдержал всё это мой дедушка.

9 Мая 1945 года – вот уж поистине был для нашей семьи праздник со слезами на глазах. Парад Победы пришёлся на мой день рождения – 24 июня, мне тогда было уже десять лет. И вот, видите, уже 70 лет нашей Великой Победе. И Бессмертный полк начался в Томске, где теперь у дочери живёт моя сестра Лида, а потом портреты фронтовиков понесли в Ленинграде – Санкт-Петербурге.

Я сниму портрет своего дедушки, что висит у нас в Малоархангельске в доме на главном месте и понесу его с гвардейской ленточкой над собой. В наш Парк Победы, Парк Героев. К Вечному Огню.

Смотрите все, это мой дедушка, воспитавший трёх сыновей, отдавших жизнь за свободу Родины, за освобождение как нас, так и всего человечества. Когда я прохожу в Малоархангельске мимо дома Христоповых, мимо места, где сгорел когда-то наш дом, я всегда думаю о том времени. А во дворе старой школы, где я закончил свои десять классов, я вижу на белом коне Маршала нашей Победы Рокоссовского, принимавшего вместе с Маршалом Жуковым Парад Победы тогда, в сорок пятом. И я иду на Параде Победы – 70 вместе со всеми, с Бессмертным полком по Красной площади. От поколения к поколению. И это, мне кажется, будет в памяти вечно. Спасибо деду за Победу. Спасибо вам, вечно живые, наш Бессмертный полк навсегда.

30 апреля 2015 г., г. Малоархангельск.

ТАЛАНТ РОКОССОВСКОГО

Рокоссовский с детства в сердце моём. Я увидел его летом 43-го в Малоархангельске, накануне великой битвы на Орловско-Курской дуге. Он стоял среди своих генералов – высокий, статный, красивый. Сказочный богатырь. Освободитель нашего городка. Таким он запомнился мне на всю жизнь. И теперь, к 70-летию Победы на Орловско-Курской дуге, где роль Рокоссовского была решающей, он остаётся героем для меня, стал героем для всех. Сейчас, когда мы знаем многое о войне, он предстаёт для всех нас талантливым полководцем, одним из главных творцов великой Победы. И мне от имени детей войны хочется сказать свое слово о Константине Константиновиче Рокоссовском.

* * *

Отгремела война, Родина салютовала Победе 9 мая 1945 года. А мы и наши потомки ещё долго будем разбираться в ней, помнить, не забывать никогда.

5 июля 2013 года по Центральному телевидению была показана телепередача «Восход Победы», посвящённая битве на Орловско-Курской дуге. Основным ударом Центрального фронта под командованием Рокоссовского признан удар от Поньрей – Ольховатки, вспомогательным – от Малоархангельска. Попробуем разобраться, проникнуть в тактику и стратегию Рокоссовского, в его противостояние вермахту в этой битве. Из чего сложилась наша победа жарким летом 1943 года на Орловско-Курской дуге? В чем мифы и в чём правда об этом, третьем по значению сражении в Великой Отечественной войне? В чём, на мой взгляд, выразился талант Рокоссовского?

Битва на Орловско-Курской дуге – переломное, грандиозное сражение, какого не знала история. По протяженности с севера на юг – сотни огненных верст,

по людской массе – миллионы с обеих сторон. Центральным назван фронт между Курском и Орлом под командованием Рокоссовского. Но основное внимание ныне уделяется южному флангу – Воронежскому фронту, Прохоровке, через которую враг прошёл, оставив у себя за спиной 36 километров. Поднимаются на щит танки, бронетехника, хотя танков и на Центральном фронте было задействовано предостаточно. Правда, на южном фланге бились лоб в лоб танковые армады. А тут, на Центральном фронте, была сосредоточена ещё и артиллерия РГК – Резерв Главного Командования, активно использовался человеческий фактор, о котором ныне предпочитают говорить сдержанно. И вообще редко что услышишь о Центральном фронте. Однако подвиг есть подвиг. Поле Куликово есть поле Куликово, Бородино есть Бородино. Так чем же Куликово поле, Бородино держатся в душе каждого русского? Конечно, героизмом наших полков и глубоким общечеловеческим смыслом, гением наших полководцев. Дмитрий Донской, Кутузов, а тут, на Центральном фронте, Рокоссовский с его безусловным полководческим даром.

Битва на Орловско-Курской дуге – это уже история. Пять фронтов участвовали в сражении. Рокоссовский начал войну полковником, возвратившись из мест не столь отдалённых. И тут, на Центральном фронте, после Москвы, Сталинграда он был уже генералом армии, на одно воинское звание ниже заместителя Главнокомандующего и начальника Генштаба. И здесь, на Центральном фронте, снова проявился военный талант Рокоссовского.

Попробуем определить роль Центрального фронта в этом сражении, роль Рокоссовского как полководца. Война – это игра умов, игрой она и остаётся. Вермахт разыграл свою карту под Прохоровкой. Расчёт был таков: придать Прохоровке значение, притянуть сюда к своим танкам нашу бронетехнику, оттянув её от Центрального фронта, от Ольховатки изобразить удар на Курск. Наши, естественно, клюнут на это и, в свою очередь, сосредоточат силы именно в этом месте. А что же Курск? Посмотрим на карту: зачем нужен был вермахту Курск? С юга и с севера к нему якобы тянутся клещи врага (удар от Прохоровки и удар от Поньрей – Ольховатки). А что было на самом деле?

Когда после Сталинграда немцы покидали наш городок под натиском войск Рокоссовского, они говорили, что уходят, но скоро вернутся, чтобы устроить нашим здесь «котёл» страшнее того, в какой они сами попали в Сталинграде. Противник решил овладеть инициативой и ликвидировать курский выступ, на котором наши войска выдвинулись далеко на запад. В этой операции Гитлер делал ставку на новейшую технику и сосредоточил здесь огромные силы. Задача заключалась в том, чтобы взять в кольцо наши войска. Вот какой «котёл» у них получился бы нашему курскому выступу, изогнувшемуся далеко на запад до Рыльска. Это, если обрезать его по центру, по Курску. А если бы им пройти ещё дальше за Прохоровку, за которой они уже были, пройдя 36 километров, то в их «котёл» могли бы попасть часть Центрального, Воронежский фронт и запасной Степной фронт вместе со всеми линиями нашей обороны. Но надеяться на успех вермахт мог только в одном случае: если бы в качестве основного удара на Центральном фронте был бы удар не в направлении на Курск, по 70-й армии генерала-лейтенанта И. В. Галанина, а в глубину 13-й армии генерала-лейтенанта Н. П. Пухова, то есть на Малоархангельск и далее, после него, с выходом на стратегический простор. Немцы так и сделали: ударили по армии генерала Галанина, а от Галанина, осуществляя свой замысел, пошли главными силами на Поньри, а с Поньрей – на генерала Пухова, на Малоархангельск.

Война была войной не только умов, но ещё и дорог. Малоархангельск – старинный, уездный город, вокруг него восемь дорог. Пройди через него до Колпны, а от Колпны на Щигры, что могло получиться? Отсюда туда на юг, а от Прохоровки

сюда на север, если замкнуть «колечко», посмотрите по карте, какой котлище получится?

Рокоссовский раскусил эту немецкую хитрость, разгадал замысел немецких генералов. До войны некоторые из них учились у нас в академии Генштаба, сидели за одной партой с нашими генералами. Рокоссовский знал их менталитет. Если «сумрачный германский гений» ухватится за идею, то уже от неё не отступится.

Рокоссовский расположил штаб Центрального фронта в Свободе, в Коренной пустыни, в 25 километрах от Курска. У Рокоссовского был свой резон. Если немцы всё же попрут на Курск, то Коренная пустынь, коренской монастырь с его знаменитой иконой «Знамение», не раз защищавшей древнерусский город Курск от степняков, на сей раз снова сделает своё дело. Рокоссовский был нравственным, верующим человеком, он знал, что религия- это не просто идеология, это глубокая вера, помогающая в бою. Недаром икону Владимирской божией матери-заступницы Москвы возили на самолёте в декабре 1941 года перед сражением за Москву, воодушевляя солдат.

Официально штаб Центрального фронта располагался в Свободе, у Коренной, а фактически оперативный штаб Рокоссовского был под самим Малоархангельском, то в посёлке Курган, то в Серебряном, то поглубже – в Легостаево, в зоне действия 13-й армии Пухова. Командующий бывал и в расположении 70-й армии Галанина под Ольховаткой. Блиндаж Рокоссовского до сих пор существует неподалеку от Тагино. Однако в основном Командующий фронтом находился в боевых порядках Пухова. Сюда накануне сражения приезжал к нему заместитель Верховного Главнокомандующего Г.К. Жуков. Здесь и произошла кровавая «мясорубка», в неё попали, можно сказать, «ополченцы», хлеборобы малоархангельские, колшнрянские, ливенские, должанские, как в народе потом её назовут «штрафная армия» Рокоссовского. Все знали, Рокоссовский жалел солдат, сам имел непростой жизненный опыт, однако не всё зависело от него. По словам писателя -фронтовика Виктора Астафьева, мы «закидали противника трупами». Думаю об этом всё время и вспоминаю героев: друга нашей семьи майора А.Е. Лисунова, капитана Евдокимова П.П. с его боевыми товарищами, которого хоронили в центре Малоархангельска под самый первый стихийный салют из всех видов оружия. Имена их читаем на плите в Парке Героев.

Важно отметить, что в битве на Орловско-Курской дуге были две фазы: оборонительная и наступательная, где и проявился настоящий военный талант Рокоссовского. Накануне в Ставке долго не решались нанести удар первыми. Был избран оборонительный вариант. На позициях Рокоссовский интуитивно понял, что ситуация складывается по-другому. Надо было принимать самостоятельное решение, связанное даже со смертельным риском для жизни. Наши разведчики захватили в плен немецких саперов, фельдфебеля, они назвали час вражеского удара где-то в 3.00 утра. Рокоссовский принял решение: нанести упреждающий удар в 2. 50. Полтысячи гаубиц, чуть меньше «катюш». Раньше этого часа нельзя – снаряды выпустить вхолостую, по полям и перелескам. Позже – немцы покинут передовую и перейдут в наступление. Командующий всё рассчитал точно. «Бог войны» – дальнобойная артиллерия Резерва Главного Командования была из Малоархангельска и его окрестностей по передовым позициям сосредоточившегося для атаки врага, затем переносила огонь в глубину обороны немцев до 40 километров. За Ольховатку, на вражеские траншеи перед дивизиями генерала Галанина.

Жуков позвонил Рокоссовскому в 10 утра. Командующий фронтом доложил обстановку: наши гаубицы и «катюши» попали в самую точку.

Рокоссовский обладал не только стратегической мудростью, но и хорошо чувствовал любую ситуацию. В Генштабе могло бы оказаться подобное тому, что про-

изошло в Тегеране на конференции Глав трёх великих держав. Не успели Главы держав принять решение, как фюреру тут же всё стало известно. Слуга у Черчилля, оказывается, был немецким шпионом.

Так вот, о второй, наступательной фазе сражения на Центральном фронте. Как проявился военный талант Рокоссовского в наступлении? Начавшись 5 июля 1943 года, первая фаза сражения закончилась на Центральном фронте 12 июля. На три дня раньше, чем на Воронежском фронте, у Белгорода. Дело в том, что оборонительная операция на фронте Рокоссовского оказалась результативнее. Немцы прошли тут не более 12-16 километров, увязнув на подступах к Малоархангельску. Ставка приказала ему наступать, помогая южному флангу битвы, прохоровскому крылу, значительно прогнувшемуся под напором немецких «тигров» и «фердинандов». Контрнаступление наших войск началось 12 июля, 23 июля немцы были остановлены, а 3 августа наши войска перешли в наступление по линии Орёл – Курск – Белгород. После этого стратегическая инициатива до конца войны принадлежала нашему командованию.

На Центральном фронте, имевшему два направления, две армии: 70-ю Галанина – от Поньрей до Ольховатки, и 13-ю Пухова – на подступах к Малоархангельску, бои велись одновременно. За Поньями, у Ольховатки, за один день боев на Тепловских высотах к Звезде Героя были представлены сразу 17 человек. Золотом на Ольховатском мемориале ныне сияют имена девяти героев. Некоторые склонны отнести это на счёт прессы: фронтовым корреспондентом был тут Константин Симонов, а поэт Лев Ошанин написал после поэму «Поньри». Конечно, Тепловские высоты заслужили внимание, а Сабуровское поле в зоне наступления 13-й армии? Заметим, не Соборовское поле, что в Троснянском районе, а Сабуровское, что в Глазуновском районе, в 10 километрах от Малоархангельска. Тут в одной атаке на каких-то десяти гектарах легли сразу 10 тысяч наших солдат. Русское поле, Сабуровское поле. Те самые хлеборобы, «ополченцы», так называемая «штрафная армия» Рокоссовского.

Обратим внимание на то, что 70-й армии генерала Галанина были приданы авиация, танки, артиллерия. Они были тесно связаны с пехотными подразделениями, вовремя приходили на помощь, когда это было нужно солдату. А при дивизиях 13-й армии самолётов и бронетехники не было, такие части были отдельными, что вело к большой потере в живой силе. Новобранцы и «штрафники» шли в бой порой без оружия, ненакормленные, офицеры в картонных погонах со звёздочками, нарисованными химическим карандашом. И гибли под огнём, не подкреплённые ударами с воздуха, наземных войск – танков и артиллерии. Трупы с обеих сторон лежали в окопах, как говорится, «слоями», и это было действительным фактом, такова была цена тут нашей победы.

Вернёмся ко второй фазе сражения. Итак, 12 июля 1943 года Центральный фронт сдвинулся с подступов к Малому городу и перешёл в наступление. После Глазуновки и Поньрей, после Ольховатки и Тепловских высот удар был нацелен только на Запад, южнее Орла, – к Хотынцу и Карачеву по направлению к Брянску. А севернее Орла – от Мценска через Болхов на тот же Хотынец и Карачев наступали части Брянского фронта, вместе с нависающим с севера, от Калуги, Западным фронтом, а с юга Центральным фронтом выдавливая неприятеля из Орла. Поскольку Малоархангельск был ключевым, обеспечивающим осуществление замысла Командующего, оборону и наступление Центрального фронта, его роль была неоценима.

Неоценима была и роль Рокоссовского. За тактикой в развитии наступления просматривалась стратегия. В чём она выражалась? С тактикой ясно: гнать и гнать врага на Запад. Стратегическим выглядело само ускорение наступления: из девятисот вражеских танков, выведенных из строя у Малоархангельска и Поньрей, шестьсот

можно было отремонтировать. Любая задержка немецких войск на позициях при отступлении означала ремонт этих танков и введение их снова в бой. Это давало возможность неприятелю закрепиться в том же Брянске и далее до Белоруссии. Развивая ускорение движения своего фронта вперёд, Рокоссовский создавал предпосылки для успеха будущей операции «Багратион», в которой после войны генштабы армий других стран высоко оценят роль Рокоссовского, признают эту операцию как самую выдающуюся во второй мировой войне. В результате была освобождена Белоруссия, Центральный фронт, переименованный в Первый Белорусский, подошёл к государственной границе и отсюда был нацелен на Берлин. Только перед взятием Берлина Командующим Первого Белорусского фронта был назначен Жуков, а Рокоссовский перемещён на любимый им фланговый удар от Померании – с севера на Берлин, став Командующим Второго Белорусского фронта.

Выходит, танкисты Центрального фронта недаром писали на башнях своих танков ещё под Малоархангельском «За Родину, на Берлин!»

Военный талант Маршала Рокоссовского требует дальнейшего осмысления. Но уже сейчас Рокоссовский признан выдающимся полководцем. Главное в его таланте была вера в человека, в солдата, он умел воодушевить их, повести за собой. Солдаты шли за ним, как за Суворовым, в огонь и полымя, верили ему, зная, что они победят. У них вырабатывался дух победителя, и они победили.

24 июня 1945 года на Красной площади, на Параде Победы, Рокоссовский вместе с Маршалом Жуковым объезжал победителей на вороном коне. «Служу Советскому Союзу!» – гремело у стен седого Кремля, а мы тут, в Малоархангельске, воспринимали это ещё и как службу Коренной, Серединной Руси, а с ней и нашему Малому городу – Малоархангельску.

Именно здесь, волею случая, тогда, в сорок третьем, восьмилетним мальчишкой увидел я Рокоссовского во дворе старой школы. Он стоял перед нами – высокий, красивый, распекая своих генералов за погибших под Сабурово, под станцией Малоархангельск, у Красной Слободки, Панской.

Через годы я написал стихи «Китель Рокоссовского», заметив, что на кителе у него даже треснуло от натуги под мышкой. Таково было тогда напряжение от всего: от военной обстановки, от большой любви и жалости к нам, детям войны, к горстке жителей Малоархангельска, стоявших тогда поодаль и смотревших сюда, потерявших в районе за войну больше людей, чем есть теперь в городе.

Не меркнет имя его – нашего Освободителя, вспоминаем его особенно в главный день Красной Армии – 23 февраля, в тот день части Центрального фронта пришли к нам сюда с Волги, сразу же после Сталинграда.

Я хочу, чтобы имя Рокоссовского помнилось, было увековечено. Чтобы во весь рост стоял ему памятник на самом высоком месте города – у церкви Михаила Архангела, покровителя воинов. Пусть высится Рокоссовский в начале главной улицы. Пусть видят всё – это проспект Рокоссовского.

Пусть смотрит Маршал на Русское поле перед собой, на Орловско-Курскую дугу, на обелиски до самого горизонта, на свои полки и дивизии, на застывших у братских могил, окаменевших, известных и неизвестных, наших бессмертных солдат.

3 сентября 2013 г.

«ЗДРАВСТВУЙ, ЗЕМЛЯ КОЛПНЯНСКАЯ!»

Письма лежали во внутреннем кармане. Борис Иванович счастливо улыбался, вспоминая по-матерински тёплые строчки. Александра Евсеевна Ключкова писа-

ла: «Я вспоминаю ваши слова. Вы мне сказали тогда: если останусь жив, я вернусь к вам...»

И он возвращался сюда 24 года спустя. Тогда, осенью сорок первого, Евсеевна вместе с дочерью Ниной помогла ему, восемнадцатилетнему лётчику, совершившему вынужденную посадку на оккупированной территории, пробраться к своим через линию фронта. Нынешней весной через газету «Красная звезда» они случайно нашли друг друга. Какова она теперь, Евсеевна, простая русская женщина? Какой стала тогда шестнадцатилетняя Нина! Как изменились те памятные места?

Вопросы роились в голове, нетерпение подгоняло машину, мчавшуюся к Колпне. В кабинете первого секретаря райкома Борис Иванович Ковзан сразу же попал в атмосферу радушия, добрых улыбок, тёплых рукопожатий – в ту атмосферу, которая потом окружала героя-лётчика во всей поездке.

Сказали: Нина Ивановна Терещенко сама приехала встречать героя. Запыхавшись, она появилась в дверях и упала в объятия Бориса Ивановича.

Они смотрели друг на друга. На седины, морщины... Жизнь! Сколько вёсен отшумело с тех дней, когда они были юными, когда им не было на двоих и тридцати четырёх, когда она вела его ночью знакомыми тропами и оврагами за линию фронта. Сейчас она приехала из Запорожья, чтобы вновь увидеть его.

А в Ярище его ожидала Евсеевна. Она выскоблила до желтизны полы во «временке», наготовила всяких кушаний, чтобы было чем угостить дорогого гостя. Сидела в тенистом саду перед домом, не зная, куда деть неожиданно оказавшиеся без дела жилистые от работы, тёмные крестьянские руки. Сердце замирало от близящейся радости и затихало от временами вспыхивающего горя.

Её родной сын Алексей!.. Когда она получила с фронта похоронку, лежала два года – ослабевшая, равнодушная к жизни: отнялись руки и ноги, никто не думал, что она будет жить...

Теперь она ждала лётчика, чтобы поделиться с ним своим материнским горем, выплакаться, обмякнув, у него на плече. Ждала, как мать своего родного сына, который ведь никогда не вернётся, похороненный где-то на далёкой Полтавщине. И, может быть, потому велико было радостное удивление от известия, что лётчик тот жив, потому так счастливо всё горело внутри, что она увидела в Борисе Ивановиче своего погибшего и вновь воскресшего сына, поняла, что не зря приняла за него от немцев такие муки... Что и говорить, трогательной была та встреча под вёслами перед домом Ключковых.

Так и появились они на митинге, стихийно возникшем на совхозном току, – новая семья, связанная не кровным родством, а узами более крепкими. С не просохшими от счастья глазами.

– Да, я счастлив сегодня, – сказал на митинге Борис Иванович, – назвать своей матерью Александру Евсеевну и сестрой – Нину Ивановну.

А на ток всё сходил народ. Стояли приодетые, словно на праздник. Механизаторы, животноводы совхоза «Ярищенский», школьники окрестных школ. И небо, которое до этого дня было «нелётным», щедро лило на зелёную землю не дождь, а потоки жаркого солнца. «Лётчик погоду привёз, – шутили в толпе, – теперь уборку развернём во всю ширь»... А пока замерли на току зерноочистительные машины, остановился транспортёр, прижались к автовесам наполненные зерном «газоны». Люди слушают рассказ легендарного лётчика о его боевых делах.

РУССКИЕ ЛЮДИ

Посмотрите, когда был написан этот очерк «Русские люди»? В 1965 году. Именно в тот далёкий теперь от нас год и произошла встреча на колпнянской земле героя-лётчика Бориса Ивановича Ковзана с русскими людьми Клочковыми-матерью и её дочерью, которые помогли ему в 1941 году перебраться через линию фронта ценой, можно сказать, собственной жизни. Работал я тогда в «Орловском комсомольце». Помню, сижу в редакции, листаю под вечер «Красную звезду», а в ней заметка о том, как над Колпной немецкая зенитка подбила наш «ястребок», и он совершил вынужденную посадку на оккупированной территории у небольшого посёлка колпнянского совхоза «Ярище». Прежде чем нагрянули немецкие мотоциклисты, Клочкивы, переодев лётчика в гражданское, отправили его к своим за речку Фошню. Дом Клочкивых немцы сожгли, мать едва не забили шомполами, дочь скрывалась где-то в округе у родственников.

Целую ночь Нина вела его за линию фронта. Ей тогда было шестнадцать, ему – восемнадцать. После он совершил свои подвиги: единственный в мире лётчик, у кого четыре тарана, Герой Советского Союза. А она в его брезентовых сапогах, став медсестрой, прошла в частях Рокоссовского до Берлина.

Прочитав заметку, я написал Ковзану в Рязань, а ей – в Запорожье, где она тогда жила, сменив при замужестве фамилию на Терещенко. И вот мы встретились на Орловской земле – в колпнянском селе Ярище. Сейчас Нина Ивановна Клочкова-Терещенко переехала к дочери в Днепропетровск, живёт на Проспекте Героев. Представьте себе, всю жизнь после 1965 года она пишет мне письма. Посчитайте, этому почти пятьдесят лет. Как молоды мы были, и каковы мы сейчас? А дух в нас тот же: мы народ-победитель. Вот с каких пор связывают нас не дружеские, а почти родственные узы. Я побывал в Запорожье и Днепропетровске, она не раз приезжала в Ярище.

Недавно, как всегда, к Дню Победы я получил от неё письмо. Вот оно, читаем.
«20. 04. 2013г., суббота, г. Днепропетровск.

Здравствуйтесь, дорогие родные мои земляки – Леонард Михайлович, ваша супруга Людмила Серафимовна и сын ваш Игорь! Как вы поживаете, чем сейчас занимаетесь? Что там у вас? Трудно представить, что ожидает Украину. А что делать? Нам, старшему поколению, уже ничего не надо. В Днепропетровске я живу уже 11 лет. Все эти годы страдаю, что уехала из Запорожья. Время очень быстро пролетело. Родителей нет уже 29 лет, мужа – 24 года. Похоронены в Запорожье, и я езжу туда каждый год.

В прошлом году я к Дню Победы получила Почётную грамоту от белорусского общества ветеранов войны за Бориса Ивановича Ковзана, он же ведь белорус. В 2012 году по распоряжению посольства мне прислали 1000 гривен. За него мы с мамой стояли под дулом пистолета. Наверно, ещё жива в Москве женщина, которая видела, как привели меня немцы из Иваноосиповки с овчаркой в другое село Турбинки на очную ставку с предателем.

Мне трудно писать, я даже через очки теперь плохо вижу, всё плывёт перед глазами, пишите мне крупнее. Спасибо, что вы меня не забываете. Здоровья вам, удачи в жизни, берегите себя. А я болею сердцем, у меня высокое давление.

Пишите чуть покрупнее. Очки мне не помогают. Пишу по памяти. Обнимаю вас крепко, крепко.

Ваша Нина Ивановна».

НА РАДУНИЦУ К РОДНЫМ

Радуница. Второй день от Красной горки. Нынче весна ранняя, швыдкая. С каждым годом, стала примечать бабка Катерина, всё быстрее отметали для неё метели. Подберёт зима свой истрёпанный ветрами хвост, твякнет-хватит, будто лютая собачища, напоследок морозами, и нет её, как не бывало. Лишь останутся напоминанием о ней замызганные сопливые снега по буеракам, но и те слизнут парные апрельские дожди, растопит-поджарит, будто смалец на сковородке, бойкое вешнее солнышко. И оглянуться Катерина не успеет, как горожу надо городить, чтобы скотина по бакше не шастала, картошку прогревать, с Федькой-трактористом загодя сговориться стать на очередь, чтоб вовремя вспахал-засеял. В былые годы за пару зорь ничего не стоило ей и лопатой управиться. Но то ж когда было! С тридцати трёх вдовствует. Всё в одни руки. Поизносились бабка Катерина. Глазньками-то чего б не наворотила! А только порой и похлёбки сварить мочушки нет. С каждой весной урезает она себе бакшу и урезает. На кой ляд такая-то? Вон в подполе ещё сколь картошки! Всё одно под гору валить. Проросла, спуталась, не разобрать.

Уж и третьи петухи отголосили, а бабка так и не сомкнула глаз. Какой сон? Дождалась-таки, дал Господь и в эту вёсну дотянуть до самого наиглавнейшего для неё дня – Радуницы.

На кухне зашипели ходики, растворилось оконце, но кукушка кашлянула, поперхнулась и притихла. Катерина сползла с постели, натянула бурки и, пригрозив птичке корявым шишкастым пальцем, поддёрнула гири. Вернулась в горницу, села на кровать. Дожидаясь рассвета, взяла с полки прореженный временем гребешок, расчесалась на пробор. Коса у неё всё такая же, по самый опоясок. Только из тугой пшеничной короны вокруг головы осталась белёсая жиденьякая верёвочка. Бабка закалывала косицу шпилькой, заправляла её под низко повязанный платок. Некому пожалковать об её угасшей красе. Уж сколь годков некому!

На Петровичевой веранде пыхнул свет. «Витька ихний из Заречного возвратился, – решила Катерина, – бабы перетирают, по Людке Тимохиной сохнет, обхаживает... Коли не война эта растреклятая, и я внучат бы давно выхаживала... Как убивалась тогда на росстани по Митеньке Варя Сотникова! Любовь у них, знать, была... Сказывают, так и не сложилось потом у неё в городе»...

Бабка пообвыклась глазами. Всё в горнице по-прежнему. С тех пор, как ушли её родные, не меняла она в своём обиходе ничего. Надеялась, что живы, что ошибка вышла. Не могли они уйти, оставив её одну-одинёшеньку на белом свете, знали, что она и дня без них не может. Только верой в их возвращение и цеплялась за жизнь. Сердце не смирялось с похоронкой.

Тягька-то за Василия не отдавал... Катерина из крепкой семьи, а Вася – сирота сиротой, бабушка выхаживала. За все годы, что прожила Катерина с мужем, ни разу не пожалела о той мартовской ноченьке, когда семнадцати лет в одном платьице ушла из родительского дома к Васе.

Всё нажили... Вася рукастый... И дом поставили, и хозяйством обзавелись. И табуретки, и стол, и этажерка – всё мужем слажено... А уж как берёт её, Катерину-то! Соседки завидовали: «И за что тебя, девка, Господь мужиком таким наградил?»

А как народился Митя, так и жили ради него. Смьшлённый был мальчонка, всё около отца, около трактора крутился. Вася прикидывал, сынок на механика выучится... Вон и книжки Митины на полке... Сколько лет надеялась, пыль сметала, хранила, думала, может, вернётся Митенька.

Катерина встала, подошла к шкафу, раскрыла резные створки: Митины сатиновые рубашки, Васин тёмно-коричневый в полоску пиджак. Погладила вещи, опустила руку в карман пиджака, нащупала расчёску. Когда-то она купила её в городе на ярмарке для Васиных норовистых кудрей... А в другом кармане... она точно знала... письма её родных... все семь... Писал их всегда сынок. Подчерк мелкий, убористый. Всё – как ты, мамка? Не хвораешь ли? Как с уборочной, управились ли без мужиков? И обязательно – Варе поклон. А о себе особо не прописывал. Громим, мол, ворога лютого. Ты только дождись нас, мама, снова заживём, лучше прежнего. А в конце – обязательно приписка. Буквы корявенькие, Васины. Мол, крепко тебя, Катерина, обнимаю, помню. Навеки твой – Василий Митрофанов. Старушка за долгие годы ожиданий запомнила на треугольниках каждый завиток. Очки не надобились, заучила наизусть... все до одного. Вчера днём было не до воспоминаний, а ночью нахлынули, не отпускают...

В сенцах громыхнуло, и в отзынутую дверь проскрёбся Катеринин нахлебник, хозяин и гроза всего проулка, кот Стёпка. Шляется с самого марта где ни попадя, пропадает по неделям, а мыши ходуном ходят. Сготовила старая семечки гарбузные на посадку – угостились за моё почтение. «В каждом дворе опосле твоего гостенья рыжатки мявчут», – пощуняла любимца бабка.

Ещё с мужем завели они эту золотистую масть. С тех пор Катерина сколь котов сменила! И все рыжие, и все Стёпки... как при Васе.

Накануне умаялась, хлопотала у печи. Красила в луковой шелухе яички. Рябка свеженьких после Пасхи поднесла... Рябку вчёрась, хоть и жаль, порешила.

Вечером разостлала на сундуке новый подшало, собрала всё, что полагается на помин: свячёный в новой, в прошлом году поставленной церкви, куличик, пяток крашенок, умлевшую на тихом жару Рябку. Спихватилась – позабыла красненькую. Откутала чулан, разыскала поллитру.

Вася-то особо не потреблял... Было, правда, раз... гулял с дружкой у Федьки Прохорова на свадьбе... Но уж как маялся! Опосля и нюхать не нюхивал...

Увязав узелок, выставила его на холод, в сенцы на лавку. Сверху прикрыла плетушкой. Не дай Бог Стёпка начередит, разучет Рябку! Плетушку, для спокойя, привалила гольшиком, что из капустной кадки под Велик день вынула (квашенка уж на самом донце, подъелась за зиму, гнёт не к чему).

Не спалось... То ли от того, что не как обычно, на печке, а пройдя по полосатым, редко хоженным половикам в дальний угол почти нежилой горницы, Катерина прилегла в прохладную (столько лет не тронутую!) постель, то ли от того, что пахло от подушек чабрецом и донником. Вася любил дух поспелых трав, и она в лучшие годы, тайком от мужа, сушила и подкладывала в подушки пригоршню – другую душистых цветиков. Бабы допытывались, бывало: «И чем ты Василия приворожила? В зисть на сторону не лызнул, будто окромя тебя в округе и баб статных не сыскать!»

Почти исчезнувший, но такой знакомый, сразу уловимый, запах трав напомнил Катерине довоенное время, пору сенокосную. Двужильная была она, мужику на косовице не уступала. Ручку шла за Васей след в след, ни на шаг не отставала. Припомнились ей давно затерянные, почти уж стёртые временем ночи в лугах покосных. Не ночи – мгновения! Откуда силы брались! Ночь с Васей в копёшке пролюбятся-промилюются, а утром опять за косу, за грабли-вилы. Знать, от ласк Васиных, от поцелуев жарких душа у бабы пела, руки к работе рвались... Вася дочку хотел... А Катя ему: «Срамота! Митьке пятнадцать, а ты – роди да роди!» Да... жизнь была в радость. Только такое короткое бабье счастье оказалось!

За неделю до того проклятого дня покосы у Светлого дола отвели. Председатель Фомич расщедрился, от колхозных работ освободил. Паи богатые нарежали.

Коси не хочю! По двору бабушку Васину оставили. Хоть и духу у неё на копейку к той поре осталось, а всё ж таки живая душа: курам сыпанёт, Милку из стада встретит-подойт.

Травища! Стена стеной! После тёплых дождичков как попёрла! Не разгонишься, коса задыхается. Ручку пройдёшь, уж на копёшку смахнул. Работы хватало. Спозаранок, покуда роса, косили. Потом прибежал Митя на подмогу – валки подразбить, вчерашнее сворошить. Днём жара! Сенцо, что чай, душистое. Неподмокшее, за день просыхало. Бери да смётывай. Вася –самый мужик, тридцать пять, Катя – чуток помоложе.. Подвострят жальцы, да и вдругорядь, без передыху. Силушка на волю рвалась. Весь отдых – кваску попить. Подвалили – на три коровы. Подумывали, не пустить ли бычка в зиму. Корму – хоть отбавляй.

В тот день Вася заканчивал делянку, а Катерина с Митей в валки скатывали сухое. Уж полдень вовсю. Смотрят: бригадир на Смелом летит. Вася ещё: «Запалит, паразит, коня!» А жена ему: «Васенька, знать чтой-то приключилоя! Уж не пожар ли?» Петрович на стремянах привстал, картузом машет, созывает: «Война! Война с германцем!» Вася только и сплюнул: «Эх, скопнить сволочь фашистская не дал!»

А Катерина не могла, не хотела верить... Какая война? Всё такой же залитый солнцем день, на небе – ни тучки, ни громахнёт, ни сверканёт. И дед Редька погнал стадо к тырлу на дойку. Беспечно роятся бабочки, воробьи барахтаются в просёлочной пыли, голопузая ребятня ныряет с кладки у Стешкина омота. И кукушка с самого утра считает и считает. Всем до ста лет наворожила. И такая красота кругом! Разве может в такой день где-то прятаться, подкрадываться смерть? «Брешешь,- загалдели мужики на Петровича, – у нас сговорённость!» Но, подхватив наспех косы и грабли, рванули в деревню. Какая косовица!.. У правления, вывесив на столб тарелку, всех поджидал председатель. Завидев его, смекнули: видать, дела нешуточные, коли так посуровел и ссутулился Фомич. Разом постарели бабы, посмурнели мужики, притихли ребятишки... Кажалось, помертвело всё вокруг, будто перед грозой: осыпались маки в конторском палисаднике, присмирели в чертополошинах воробьи, и только ласточки, словно пули, вжикали и вжикали низко над землёй... И вдруг над покосными лугами, над просохшим несметанным сеном ка-ак бубухнуло, и с запада потянулись тяжёлые страшные тучи. И уже совсем рядом, у околицы, ударило ещё раз и сверкнуло так, что полыхнули тополя на Манькиных задворках. Над ними застонали грачи, заорали, закружили, накрыли обмершую деревню чёрным расползающимся облаком...

А уж после Петровок, в середине июля, мобилизовали всех работных мужиков...

Растревожила старуха душечку воспоминаниями... Да и как забудешь те минуты, с которых жизнь покатилаь кувыркком, и не сыскать уж возврата к её далёкому счастью.

Не давала бедной Катерине уснуть и карточка, что висела в горнице над фикусом, напротив кровати. Пожелтела совсем. Вон ведь как рушник по раме белеется, а Васи с Митею почти не разглядеть. Только старушка точно знает: тут они, смотрят прямо на неё, в упор, будто до сих пор серчают, за то, что выла, пласталась у большака, как провожала, не отпускала.

А как не причитать-то? На велику бойню нешто лёгко сразу обоих спровадить? Вася всё ж таки мужик, а Митенька!.. Господи, до семнадцати годков двух месяцев не дожил... Море разливанное слёз утекло, а всё не может простить себе Катерина, что не доглядела, не удержала, не спасла единственную кровиночку...

Сколько раз, не считано, голосила она за свой век старинную вдовью песню: «На кого ты, милый мой, обнадеялся?И на кого ты оположился?Оставляешь ты меня, горе-горькую,Без теплова свово гнёздышка!.. Ни от кого-то мне, горе-горькойей. Нету мне слова ласкова,Нет-то мне слова приветлива. Нет-то у меня, горе-

горькоей Ни роду-то, ни племени, Ни поильца мне, ни кормилеца... Остаюсь-то я, горе-горькая. Младым-то я млада-младёшенька, Одна да одинёшенька. Работать мне – изможенья нет, Нет-то у меня роду-племени, Не с кем мне думу думати, Не с кем мне слово молвити – Нет у меня милова ладушки.

Причитала Катерина всегда душой. Повоет, глядишь, и полегчает. Поголосит, что через скобку водицы святой плеснёт – отляжет с душеньки.

Как провожала мужа, думала, до осени... край к Роштву свидятся. А оно вона как закрутилося! На годы захлестнуло! Оба легли... вместе... в сорок третьем... И ведь где-то рядом... А могилы старушка не знает. Дуга-то Орловско-Курская эвон какая была! И бойня жуткая... Тут... в нашенской земле лежат её родные, хоть это успокаивает надорванное сердце.

Как подходят майские, День Победы, собирается всё село к правлению, у обелиска, открит Катерина у себя в хате, повяжется вдовьим, не разу не менянным на светлый со дня двойной похоронки, платком, и, окаменев (как только ноженьки несут?), потянется за односельчанами на митинг. Много фамилий высечено на камне, но нет на нём двух её самых дорогих имён. И оттого нет и ей покоя сколько уж лет. Не заспит, не заест своего горя Катерина. Хоть бы одним глазком увидеть то место, где остались навечно её Вася и Митенька... Как могли сгинуть без вести её родные?... Землицы бы своей, деревенской сvezги, на холмик посыпать, поголосить бы от души, рассказать им, как жила все эти годы осиротевшая в самом расцвете Катерина.

Хоть и была с вечера сварена поминальная пшёнка, собран узелок, бабка поднялась, ещё не забрезжило. Зажгла свечку у Георгия Победоносца, пошептала с ним о чём-то, поклонилась в пояс мужниной и сыновней карточке. Но не заголосоила, не закричала. Утёрла влажные глаза кончиком подшалка. Слез не было. За долгие мучительные годы выпали они ядовитой росой, на её сердце, иссушили его. И сама она – щепка-щепкой. И живёт из года в год одной надеждой, что откроет Господь ей глазоньки и в этот год на Радуницу...

За окном затарахтел мотоцикл. Агроном Иван Сидорыч собрался ни свет, ни заря в поле. Гришка, вроде, у Дальнего лога вчера рыкал, пахал. Сидорыч ему не доверяет... Да и как доверишь? День работает, неделю пьёт... Да... пулей долетит агроном до Дальнего. Теперь эвон какая техника!.. Раньше-то лисапедка за диковинку слыла. Редко у кого имелась. Помнится, отсеялись по весне, Василию премию выдали. А он – ишь чего удумал – на подарки её и убухал! Лисапед в сельпо приобрёл. Митька всё Варюшку Сотникову в Снежный овражек за черёмухой катал... Потом её соседскому мальцу отписала... Вещь почти неиспользованная. Чего зазря без уходу ржавеет-то? Застоялась без хозяина... Митя бы дозволил... душенька на распашку... бесхитростнай... Кто только не гонял при нём на лисапедке том! И жену не обнёс тогда Василий: отрез крепдешиновый прикупил. По топлёному молоку розанчик аленький с голубиное яичко. А ещё учудил – помаду к лицу! Вовек она губы ничем не мазала. Только за-ради Васи и приняла подарок... И по сей день лежит та помада в сундуке, рядом с любимыми бусами, теми самыми, что одарил её Вася за сына. Крупные, ягодка к ягодке, вишенка к вишенке... Не стало мужа, и запрятала она свою радость, завязав в носовой платочек, на самое донце сундука. Нечего душу беречь!..

Любил Вася Катерину порадовать. Да и вообще задористый был. Привёз как-то из города штуковину. Для всех, мол, чтоб в дому веселье не переводилось. Открывает ящик чёрненький, а в нём – патефон! Первый на деревне! Катерина: «Что ж ты? Видать, все деньги ахнул?» А Вася: «Ничего! Жизнь впереди! Ещё заработаем!» Вынесет к вечеру музыку во двор, вся молодежь на «Кукарачу» да на «Рио-Риту» и сбегается...

Патефон Катерина в сорок пятом отнесла в клуб... на общий праздник... да там и оставила... всем на радость.

С полным рассветом бабка отправится в путь. А пока, не привыкшая к безделью Катерина, искала своим рукам заботы. Бурьянным веником размела утоптаный до сметанного блеска пяточок у крыльца, прибралась на загнетке. Порылась в сундуке, вынула тёмно-синюю в мелкую крапку штапельную кофту, обористую, цвета смурной октябрьской ночи, юбку, новый подшалок. Целая стопка этих чёрных подшалков громоздилась в углу сундука...чтоб хватило до конца бабкиных дней. Видать, её это цвет – чёрный...

В тот день, когда Маруська-почтальонша принесла похоронку, жизнь Катерины, словно берёзовое полено, раскололась надвое. Маруська протягивала страшный конверт, а она отступала. Забежала в хату и заперлась. Пролежала в беспмятстве сутки, а как выползла на другой день в сенцы, обнаружила похоронку на полу. Почтальонка подоткнула её под дверь. Маруська и сама была не в себе. Месяц назад получила такую же страшную весть о своём Николае. А потому не стало у неё сил на причитания с Катериной. Сколько похоронок разнесла по деревне! Но разве к такому привыкнешь? Со смертью мужа оборвалась в натянутой душе её какая-то звонкая струна, и она сникла, как никнет от лихих заморозков всё живое.

С тех самых пор Катерина старалась не заглядывать в зеркальный осколок powyше загнетки, встроенный когда-то для неё мужем. А если бы ненароком посмотрела, то не узнала бы себя – за ночь выбелило ей голову, да так, что и невозможно предположить, русая или чернявая была её коса до гибели мужа и сына. Выгребая из подвала на посадку картошку, баба откидывала старую, сморщенную, никому не нужную, не годную на еду, не способную родить. Она невольно сравнивала себя с никудышной, жмуриной картофелиной. Становилось ещё горше. А сейчас, в свои восемьдесят с лишком, бабка Катерина, как замшелая верба на Синь-юру, гнулась всё ниже и ниже. И так же, как верба, не сдавалась ни лютым ветродуям, ни страшным февральским буранам, всё ещё скрипела зачем-то на этом свете. Почему Господь до сих пор не забрал её к себе? Может, и ему она не нужна? Или за давностью лет позабыл Всевышний о её существовании?

Бабка и сама понимала, что задержалась на этом свете. Но несколько лет назад в райцентр ко дню Победы доставили настоящий танк. Говорили даже, что времён войны. Установили его на главной площади, как памятник, над могилой неизвестных солдат, погибших у нас в сорок третьем.

И решила тогда для себя Катерина: эта общая солдатская могила и будет могилой её родных. Они ведь танкистами были, у танка им и лежать полагается.

И повадилась она в район. Не на День Победы, когда митинги да оркестры, а на Радуницу. Хотелось ей наедине попричитать о Васе с Митенькой, потолковать с ними о своём.

Теперь у Катерины в этот поминальный день неведомо откуда брались силы. Согнутая в три погибели спина её распрямлялась, и бабка становилась проворна, словно молодуха. Издали казалось, сорокалетняя сноровистая баба снует по Катерининому подворью: вывешивает чугуны на просушку, отворяет ставни, стучит-гремит ведрами, торопится с управкой.

В те страшные дни, когда фашисты нахрапом брали в округе село за селом, всю колхозную технику, лошадей, приказали спешным порядком отправить на фронт. Председатель Фомич уговорил приехавшего уполномоченного, чтобы колхозу за все трактора и грузовики позволили иметь именной танк. Так и назвали его, как колхоз – «Родина». И усадили на него лучшего тракториста, Василия Митрофанова. Митя к тому времени два раза убежал на фронт. Но его упорно возвращали. И порешил Василий взять сына в экипаж. А Катерину успокаивал, мол, всё одно сбежит, а со мной хоть под приглядом будет.

Так и воевали почти два года отец с сыном на колхозном танке. На карточке разглядела как-то Катерина, на башне танка Митя краской вывел: «За Родину!». И за колхоз, значит, и за всю огромную страну. Мужики её бились с ворогом, а Катерина вздрагивала от каждого стука в дверь...

Через месяц, как ушёл Василий, поняла она, что ночи июньские покосные оказались для них действительно счастливые – Катерина понесла. Но крошечная Василиса, не прожив и месяца, померла... В страшном сорок втором не было места младенцам.

Как бедовали под немцем, жутко вспомнить! Хорошо, что бабушка Васина через неделю, как он ушёл, преставилась. Чем бы кормила её Катерина? Выгребли всё подчистую нехристи. Бабке до сих пор не верится, что сдюжила деревня тогда, не померла с голоду. Картошку прошлогоднюю в полях по весенней хляби собирали, сушили, мололи, «пирепики» стряпали. Хлеба два года не видывали. Всё на подножном корму. А чтоб приварок какой! Об этом вовсе позабыли. От голода пухли, еле волочили ноги. Скот, птицу немец вырезал. Детишки мёрли один за другим. Крыс-мышей и тех не стало. Степка с голодухи стащил у германского повара курицу... Пристрелил злыдень Стёпу...

Бывало, идёт Катерина вместе с другими бабами, под прицелом полиция Афоня окопы рыть, а сама думает: «Только б знать, что живы, что бьются, а я уж тут как-нибудь». А саму ветром шатает от мякинных лепёшек да от лебеды. Чёрная, словно смерть, в чём только душечка теплится. А как нашим придти, удумали фашисты девок, мальчишек да баб молодых в неметчину гнать. Двое суток просидели они с Варей в шейной яме. Дед Микитка соломой завалил, стог над ямой свостожил. Тем и спаслись.

К осени сорок третьего, как уж похоронка пришла, надумала Катерина с жизнью расстаться. Прасковья соседка из мотка вынула: «Ты что ж это, девка, – серчала она, отхаживая Катерину, – фашиста погнали! Только жизнь начинается. Эх, ты!» А Катерине на белый свет глядеть не хотелось. Ничто не мило. Но демобилизовали с фронта израненного Фомича, затеплился колхоз. И Катерине некогда стало задумываться о собственной судьбе. Навалилась страшная, тягловая работа. В деревне не осталось даже коров. Подходила весна. Надо было как-то вспахать, чем-то засеять. По четвёрке бабы впрягались в плуги и пахали не огороды, запущенные колхозные поля.

Тупая, тяжкая, каждодневная работа опустошала и тело, и душу. Повечеряв кой-чем, валилась замертво. Наверно, это и спасало. Не оставалось времени на нытьё. Надо было выживать, всем бедам назло. И в душе всё не гасла, теплилась крошечная надежда: а вдруг всё-таки живы...

В сорок четвёртом на одной ноге вернулся с фронта Фомичёв Михаил. Парень видный. Но на десять лет моложе... Вернулся – и к ней. Так, мол, и так, всегда нравилась, напрасно ждёшь, мёртвые не воскресают.

Захолодело у неё всё от правды жестокой, но сдержалась, не накричала, не вытолкала прочь, лишь твёрдо сказала, как отрезала: «Не серчай, Васю люблю». Не «любила», а «люблю!» «Мёртвым не видала, а, значит, живой он для меня, и дороже Васи с сыном нет в моей жизни никого!»

Катерина раздвинула занавески, выглянула в оконце. С востока, словно крашенки, выкатились малиновые облачка, вот-вот покажется запоздалое солнце – румяный Пасхальный куличик. Уже блеснула, прорезалась над Мишкиной горой его коронка.

Старушка всплеснула руками, вспомнив, что позабыла о выращенной для Васи с Митей гераньке. Она вынесла и её в сенцы, поставила рядом с узелком. Выпросила у Семёновны ещё с осени росточек. Выходила. Кустище эвон какой вымахал! Геранька – цветик немудрёный, особого ухода не просит. Гореть будет у танка до самых заморозков.

Поначалу власти настороженно отнеслись к появлению бабки Катерины у танка, но, присмотревшись, смирились, допустили, сошли до бабкиного горя.

Обычно она садилась в сквере на лавочке, развязывала свой поминальный узелок, наливала стопочку себе, две других ставила на краешек памятника. На землю, туда, где по весне школьники высаживали цветы, к подножью танка, клала крашенки, крошила куличик. А потом часов до пяти вечера обсказывала родным о своём житье-бытье. Старалась понапрасну не тревожить. Зачем им знать об её хворобах, о том, что угол у горницы осел так, что и зимовать страшно, что в деревне проводят газ, а ей денег даже на дрова собрать не просто? Пусть покоятся с миром. Земля им пухом и царствие небесное.

Совсем развиднело. Прихватив узелок и горшок с геранью, бабка затворила крыльцо, вставив в ручку орешину, и уселась наизготовке под грушенкой. В её кипени уже жужукали пчёлы. Дульку эту раздобыл где-то Митя и посадил у крылечка в предвоенную вёсну. Не один десяток лет кормит она безотказно деревню. Людям на здоровье, Мите с Васей на помин.

Коровы стадом прошли вдоль улицы за околицу, в Марьин овражек. Потянуло парным. Когда-то и Катерина держала корову. С последней Зорькой тяжело расставалась... А куда деться-то? Руки совсем не слушают. А её, сердешную, ну-кась, обиходь. Советовали ей козу завести... Нет скотины, и эта ни к чему. Конечно, стакана б молока ей хватило. Но как вспомнит она вымястую Зорьку!.. Идёт по улице на закате, дойки чуть ли не по земле волочит. И молоко сдержать не может, так и кропит на подорожники...

И что это Михаил задерживается? Уж кой год молоко возит, а порядку не помнит. Правда сказать, об одной ноге-то шибко не разгонишься. Да и в дому один. Лидия-то когда ещё померла... Во все концы один... И с конягой поди управься!.. Молочка тайком прямо с фермы завезёт и завезёт Катерине... Тебе, мол, словно дитю малому, полагается... Придумал тоже!.. Не раз, как помоложе была, предлагал сходитьсь... «К чему на старости лет срамиться-то?.. Да и Васю я с годами ещё пуще люблю», – отнекивалась Катерина. Он, видать, за любовь такую крепкую к Васе и уважает её, каждый раз поклон её родным передаёт. Сполню, мол, Катя, просьбу твою, сполню...

Слышится скрип, и из-за Прониной хаты выкатывает телега, гружённая молочными бидонами. На передке, на охапке сена, восседает Михаил. Он в новом картузе и потёртом плюсовом пиджаке, на котором поблёскивают медали и орден Славы. Заметив пристальный взгляд Катерины, поясняет: «Ить я тоже... не у мамки за печкой хоронился!.. Собралась, что ли?»

Катерина, придерживая узелок и гераньку, усаживается рядом. «Ну, милай, поспешай! Аль не знаешь, куда едем!», – прикрикивает на Гнедого Михаил.

МИХАИЛ ТУРБИН

УЗНИЦА

Постепенно уходит из жизни довоенное поколение людей – самое мужественное и красивое из всех когда-либо существовавших на Земле. Чего там «уходит»? – уже ушло. Осталась горсточка живых свидетелей величайшей драмы на плане-

те под названием Вторая мировая война, ядром которой была Отечественная война нашего народа против немецко-фашистских захватчиков, увенчанная Победой.

Судьба ещё хранит ветеранов войны ради сокровенного смысла самой жизни, как факел Любви, эстафетой протянутый уже правнукам.

Лучшие умы человечества всегда будет интересовать наиглавнейший вопрос: как удалось совершить невероятный подвиг – выстоять и победить? – хотя, казалось бы, на него давались ответы. Огромная рана, нанесённая нашему народу, будет долго и на генетическом уровне давать о себе знать.

В этом великом поколении был людской пласт, на долю которого выпала не слава победителей, а двойное унижение: от оккупантов-немцев и своих. Я имею в виду довоенную молодёжь, главным образом девчат, угнанных в Германию. После возвращения на Родину они получили от соотечественников столько несправедливостей, что этого хватало до конца жизни.

Перед людьми, угнанными в неволю, власть долгое время не чувствовала вины, не замечала их и только в первом десятилетии 21 века приступила к материальной поддержке, да и воссоединённая Германия начала выплачивать им за подневольный труд марки. Но никаких денег не хватит, чтобы возместить причинённое зло. Люди, в самом расцвете своих сил, испытавшие чужбину, тоже живые свидетели общей правды о войне. Они заслуживают того, чтобы и о них помнили во время празднования великой Победы.

Я, например, знать не знал, что моя соседка по подъезду Тамара Григорьевна Балакина – бывшая узница. Узница не немецкого концлагеря в привычном понимании этого слова: то есть, находящаяся за колючей проволокой, в бараках с часowymi на вышках. Нет, она познала узы неметчины и подневольного труда в иных условиях, хотя суть одна – была на положении рабыни несколько лет. Об этом я узнал случайно в разговоре с ней о монетизации льгот, она и поделилась со мной воспоминаниями о пережитом.

Несмотря на свой преклонный возраст, Тамара Григорьевна выглядит бодро. На скамеечках не сидит во дворе, как некоторые пенсионеры, не пустомелет языком, одевается опрятно, со вкусом. В причёске – ни одного седого волоса, и память отменная. Глядя на неё, любой скажет: в молодости была красавицей. Она и теперь держится прямо, с достоинством.

Родилась она в 1925 году в обычной крестьянской семье, в дер. Дьячево Пахомовского сельсовета, на Орловщине. У родителей её было три сына и две дочери. Тамара по старшинству – третья среди детей. К началу войны окончила семилетку, собиралась учиться дальше, но не пришлось.

Немцы явились в Дьячево осенью 1941 года. В это время Тамара с девчатами молотили хлеб цепами. Немцы постояли поодаль, понаблюдали за работой и ушли. Расположились они ротой в полутора километрах, в здании МТС. Основательно расположились надолго, как у себя дома. Колхоз не распускали – распускать было нечего. Всё более-менее ценное колхозники растащили по избам, подалее от худого глаза.

С наступлением холодов оккупанты всё чаще стали шастать по подворьям.

Заглядывали в чугунки, чтобы подкрепиться, лезли в погреба за продуктами, в сундуки за тёплыми вещами. Во дворах долавливали кур.

Однажды, когда Тамара сидела одна в избе, ввалились с мороза двое немцев, перепугав её. Позже она поняла: они шли мимоходом в МТС и по пути решили обогреться. Немцы сняли винтовки и поставили их в печной угол, сами прислонились спинами к печке и начали между собой о чём-то гыркать, показывать на неё пальцами: «Патизан, патизан...» Посмеялись, отогрелись и ушли, забыв свои винтовки. Пожилые были, не из бравых.

Пришлось ей выбегать во двор и кричать им вслед: «Эй, паны (или как там вас?) вы забыли пу-пу-пу!» Оглянулись, докумекали, вернулись за оружием.

«Никс патизан, – сказали, – карашо». Правильно, что напонила. Они бы сами вспомнили, вернулись бы злые, протопав по морозу лишний крюк.

Почему-то именно их запомнила Тамара больше других: слишком самонадеянно, беспечно чувствовали себя оккупанты на нашей земле в первый год войны.

Летом 1942 года стали забирать молодёжь в Германию. В списки для отправки попали местные: Маша Платонова, Саша Алхимова, Тоня Кочергина, Маша Силаева... Им по 20-22 года, а включили и её, 16-летнюю.

Староста ни на какие уговоры не пошёл: «Должна ехать, как все!»

Тамара Григорьевна, спустя столько десятилетий, о нём говорит так:

«Был мужик, как мужик – свой, деревенский, не сволочной, а как назначили его немцы старостой, испортился – дурак обыкновенный, даже гадом не назовёшь, потому что тёмный. Думал, «обществу» служит, с советской властью покончено раз и навсегда, царь вскоре сам объявится. И как его не вычислили перед войной? Скольких раскулачили, скольких за вредный язык отправили на край света. А этот смиренньким был, не высывался, да нутро оказалось гнилое. Пусть советская власть была не крестьянской, но своя, не чужеземная. Всё-таки перед войной стали жить лучше. Отошли от нищеты, учиться стали, свет впереди замаячил...»

Зрелище проводов в Орле на станции – страшное, душу выворачивающее. Вопли, рыдания. Мать вся в слезах, дважды теряла сознание. Вагоны подали мытые, но запах стоял в товарняках скотский, по-видимому, коров до них отправляли в Германию, теперь очередь до девчат дошла.

Перестук колёс, лязг буферов до сих пор стоят в её ушах. Вагоны держали запертыми. Остановки делали ночами в пустынных местах, позволяя выходить «по естественной надобности», а через пять минут снова дорога.

Похлёбку, похожую на кисель, выдавали через дверь теплушки. Маша Силаева при немцах выплеснула баланду из миски: – «Жри сам, мы тебе не свиньи!»

«Ой, что было! – вспоминает Тамара Григорьевна, – чуть не убил её немец – так разозлился. Потом, когда свои продукты кончились, и этой похлёбке рады были».

Настоящее унижение почувствовали на сборном пункте, на границе. Проводилась дезинфекция, и устанавливался карантин. Здесь всех прибывших проверяли по спискам и, согласно фамилиям, на ладонях писали личные номера фиолетовыми чернилами. Заставили раздеться догола, потом обливали из шланга водой: то горячей, то холодной, а перед этой мойкой проверяли на вшивость: девчат ставили на табурет, а какой-то холуй из военнопленных обрабатывал их веществом от возможных паразитов. Тоже подумалось Тамаре: нашёл себе работёнку, предатель! Жена, наверное, думает, что Родину защищает... Погоди, придёт время, тебя наши не так обрабатывают!

Потом приехали немцы за ними, то есть «за товаром». Осматривали их в строю, как лошадей на базаре. Началось распределение, кого куда: одних – в домработницы, других – на сельхозработы бауэрам, третьих – на заводы и шахты.

Дьячевские девчата боялись, что их разделят, но попали в группу из 20 человек для работы на мебельной фабрике. Привезли их в Ольденбургский округ, в городок Динклагге. Это северная часть немецкой земли по соседству с Норвегией – Нижняя Саксония. Разместили их в бараке на территории фабрики, ограждённой металлической сеткой. Сама фабрика – двухэтажное здание из красного кирпича, двор вымощенный этим же кирпичом «на рёбрышко». Вокруг чистота и порядок: клумбы с цветами, подстриженные кустарники, деревья.

Вдали черепичные крыши ближайших домов городка, железнодорожная станция, и до горизонта холмы лесов. Пейзаж откровенно чужой, и оттого сильнее почувствовали дьячевские девчата тоску по Родине.

К фабрике Тамара привыкла быстро; она дома с малых лет трудилась в поле.

Её определили в горячий цех на участок опиловки и опрессовки плит, как самую молодую. Плиты шли на изготовление щитовых домов-барачков.

Фабрика их изготовляла для нужд рейха. Бараки нужны были для военнопленных и для прочих лиц, так, или иначе оказавшихся на территории Германии: и добровольно завербовавшихся, и насильно привезённых. Главная рабочая сила на фабрике – это они, 20 орловских девчат, но трудились и иностранцы: 4 француза, 3 итальянца и 2 бельгийца. Местных немцев было немного, и работа им поручалась лёгкая, например, остекление оконных рам.

Помимо обработки плит, Тамара училась работать на пилах: дисковой и ленточной. Потянулись однообразные, серые и унылые дни, и если бы не усталость от работы, можно сойти с ума от грустных мыслей и переживаний за родных.

Ёзеф Дикман – хозяин фабрики с прибытием русских невольниц повеселел.

Ещё бы – такой подарок от рейха. Теперь все заказы будут выполнены, а они росли и росли, к тому же почти всех мужчин-работников взяли в солдаты, даже его личного шофёра с единственной легковушки. Сам сел за руль, а присматривать за русскими работницами поставил пожилого поляка, приехавшего на заработки из побеждённой Польши. Поляк немного разговаривал по-русски и в дальнейшем стал связующим звеном между администрацией фабрики и бригадой русских девушек.

С самого начала Ёзеф Дикман распорядился выдать работницам по юбке, кофте и фартуку, а на выходные дни – по платью. И это на всё время работы. Правда, изредка давал несколько марок, чтобы приобрести в местном магазине мыло, иголки, нитки. Через поляка посоветовал девчатам сдать ему на хранение советские деньги. Тамара отдала 30 рублей, те последние, что собрала ей мать в дорогу.

Приходилось им работать не только на фабрике, но и копать огороды немцам в выходные дни, чтобы не чувствовать голода. Разные были местные жители: кто блинами угостит – удивительно, но и это было, кто молоком, кто буханкой хлеба отблагодарит за тяжёлый труд. Окрестные фермеры быстро привыкли к добросовестным девчатам, нередко сами приглашали их помочь в уборке урожая – всё прибавка к обеду. Так у барака появился бургер с буряком и морковью для ежедневной похлёбки, а больше не из чего её готовить. Картошки, так любимой русскими, Дикман не выделял, да и она в районе Динклагге была плохой, не сравнимой с орловской. В трудные времена, когда совсем невыносимо хотелось есть, приходилось даже побираться.

Однажды Тамара подошла к маленькому домику у железнодорожного переезда, где жила семья стариков с невесткой и ребёнком. Домишко этот находился в отдалении от других, и ей казалось, что здесь не так зазорно просить поесть. Старики-немцы всполошились, не сразу поняли, что ей нужно, а когда догадались, что девушка просто голодна, вынесли кусок колбасы с хлебом и показали рукой, мол, ступай отсюда... Каким-то образом Дикман сразу узнал, что на переезде была именно она, и долго распекал её во дворе фабрики. Смысл его недовольства таков: разве он плохо кормит работниц? Время военное, и сами немцы едят не сытно. С наступлением зимы жилось совсем скверно. Куда пойдёшь без зимней одежды? Хотя зима в том краю мягкая, бесснежная. Собирались после работы вокруг буржуйки и вели бесконечные воспоминания о довоенной жизни, оставшейся позади невозвратным рубежом, отделившим их от СССР.

Со временем, когда Тамара начала понемногу понимать немецкую речь, она сделала вывод: в этой части Германии большинство немцев к Гитлеру относилось не с симпатией, называли его между собой «шайзе» (дерьмо, если не хуже). Такое отношение было не только к концу войны, когда многие прозрели, а ещё рань-

ше, – с самого начала его авантюрных действий. Нацистской пропагандой жители этого округа были заражены гораздо меньше, чем в других округах рейха. Во всяком случае, на русских девушек не смотрели враждебно и презрительно, но и людьми, равными себе не считали. В массе своей здесь немцы оставались традиционно добропорядочными. Например, в первый год работы на фабрике Тамаре удалось через незнакомого солдата, прибывшего в отпуск в Динклагге, передать письмо в деревню Дьячево своей матери. Солдат этот служил в Орле, и вновь туда возвращался. Он мог отказаться от письма, мол, «нельзя», «не положено», стал бы набивать себе цену, но не сделал этого, видимо, сочувствовал ей. Пользоваться почтой невольницам запрещалось. (Потом, при возвращении домой она узнает, что данное письмо мать получила). Да и старик-немец, учивший её работать на пилах, делился иногда с ней бутербродами во время обеденного перерыва. И хозяин фабрики не был жестоким в обращении с работницами, его больше интересовало, сколько сделано ими для выполнения задания по отгрузке готовой продукции. А то, что эту продукцию они – девчонки, а не мужики, с трудом грузили на тачки, и тащили их на железнодорожную станцию, его не волновало. Правда, когда у Тамары заболел однажды глаз, он на своей легковушке отвёз её в местную больницу, чтобы не потерять работницу. Немки-работницы фабрики русских девчат старались не замечать, никакого общения с ними практически не было. Мужья их воевали и погибали на Восточном фронте, вести приходили всё тревожнее и тревожнее. От французов и бельгийцев, работавшими на фабрике, приходили вести о положении на фронтах: какие города отбиты у немцев, куда продвигается Красная Армия. Бригада девчат почти открыто ликовала, узнав о капитуляции армии Паулюса – ходили на фабрику гордые за свою страну. С этих пор они твёрдо знали: вернутся домой, надо только перетерпеть чужбину. Для них не было секретом, что в радиусе несколько километров вокруг Динклагге располагались лагеря военнопленных, их труд использовался на шахтах, а некоторые из них работали в хозяйствах бауэров. С весны 1944 года участились побеги из этих лагерей. Трёх беглецов Тамара запомнила на всю жизнь: Виктора Мансурова, Гришу Раскатова, Сашу Павлова... Девчата знали их давно: с ними дружили, подкармливали друг друга. Саша Павлов однажды попросил Тамару подготовить в лесу землянку на несколько человек, к работе привлечь только самых надёжных подруг. Она решила довериться двум знакомым подросткам, по соседству работавшим у местного бауэра. В них была уверена – не подведут. В километре от фабрики, в молодом хвойном лесу, они втроем по вечерам рыли яму, уносили подальше грунт, таскали доски, столбики, шифер, рубероид – всё, всё, что попадалось бесхозное под руку для строительства землянки. Вызвать подозрение это не могло – многие подневольные таскали всякую всячину для обустройства и отопления буржоек. Вскоре получилось хорошее скрытое убежище – в двух шагах не заметишь.

Наконец Мансуров, Раскатов и Павлов сбежали от своих хозяев, и какое-то время жили в землянке, где для них была заготовлена вода и сухари. Откуда-то у них появилось оружие. Погибли эти военнопленные 2 сентября 1944 года. Отстреливались, не хотели сдаваться. Немцы забросали землянку гранатами. В 1945 году, после освобождения, их похоронили в братской могиле в том же лесу. Тамара Григорьевна показывает мне в альбоме фотографию этой могилы, фотографии трёх молодых красивых ребят, рассказывает о каждом: кто из них был лётчиком и где был сбит, как попал в плен, кто был техником авиационной части и т. д. Предчувствуя свою гибель, они оставили ей свои домашние адреса и фотографии. В своё время она писала их родным о достойной их гибели, но так и не получила ответов.... Всё чаще в небе над фабрикой стали появляться английские самолёты. Динклагге – этот маленький городок их не интересовал. Они летели дальше – бомбить

немецкие промышленные центры, но всё равно об их приближении выли сирены, и рабочие дисциплинированно спешили в убежище. Бригада русских девчат эти паузы в работе использовала для отдыха в своём бараке. Однажды на их глазах был сбит английский самолёт, упавший неподалёку в поле. Побежали смотреть. Увидели дымящуюся воронку, обломки корпуса самолёта, оторванную руку лётчика...

В апреле 1945 года их освободили англичане, точнее шотландцы, запомнившиеся диковинными юбками. «Вы свободны!» – сказали им через переводчика. Судьбой их не занимались. Пришлось брать двухколёсную тачку, грузить свои чемоданы и отправляться на пункт таких, как они, лиц в посёлок Гревен.

Ёзеф Дикман, потерявший над ними власть, напоследок вернул девчатам все их русские деньги, взятые им на хранение. Война его не особенно задела, поскольку у него было четыре дочери и ни одного сына. Лишь жених одной из дочерей погиб на фронте. К нему его бывшие работницы не имели зла, был не вредный. Впереди их ждала новая жизнь.

В посёлке Гревен проходили фильтрацию через Особый отдел с выяснением всех обстоятельств пребывания на чужой территории. Разместили их по три-четыре человека в домах, очищенных от местных жителей. Затем из прибывших для проверки стали формировать подразделение для возможного участия, как потом выяснилось, в войне против Японии в качестве медсестёр. Так Тамара попала в строй. Начались ежедневные занятия по изучению воинских уставов, занятия по медицинской подготовке. Ходили строем, распевая песни, в столовую и из столовой, гремя котелками. Полувоенная обстановка продолжалась всё лето 1945 года, пока нужда в них не отпала – Япония быстро капитулировала. Вскоре разрешили ехать на Родину. Некоторые из подруг Тамары связали свою судьбу с иностранцами и остались: кто в Польше, кто в Бельгии, кто во Франции, но большинство вернулись в родные места. По пути домой у Тамары вора вытащили не только деньги, но и справку Особого отдела о прохождении проверки, и хотя об этом она сразу же заявила в милицию, дома у неё начались неприятности – через неделю вызвали в сельсовет, а там «гебист» с суровым лицом: «Давай во всём сознавайся». Допросил, взял отпечатки пальцев, пообещал отправить в Сибирь на лесозаготовки, но ограничился тем, что привлёк к рытью ям для телефонных столбов осенью 1945 года. Других работ для неё не нашлось – неблагонадёжная. Спасибо местным работницам из МТС, знающим её с детства, – взяли к себе в бухгалтерию на свой страх и риск.

Здесь, дома, узнала о судьбе брата Виталия – погиб в Дятьковском районе Брянщины через месяц после призыва. Старший брат попал в плен в первые месяцы войны, и вернулся больным только в 1946 году. Отца, несмотря на ранение, полученное в годы Гражданской войны, призвали в армию в 1943 году, сразу после освобождения Орловщины от немцев. Демобилизовался он после Победы совсем больным человеком, и прожил недолго. Дедушка умер зимой 1942 года, после того, как наткнулся на немцев по дороге в свою деревню. Они сняли с него валенки, пришлось идти босым по снегу несколько километров, после чего слёг и не встал. В послевоенный быт надо было вращаться. Сердцу памятно косые взгляды односельчан, разговоры за спиной о её «немецком прошлом», даже в лицо брошенные слова – «немецкая проститутка». Кому докажешь, что все годы неволи хранила себя в чистоте, мечтала о возвышенной любви? Всё потом придёт, много чего изменится в её жизни, не утратится вера в настоящих людей, но навсегда останется в памяти тот клочок немецкой земли с фабрикой, которому не по своей воле отдана юность.

ЗОЛА

На зелёном глянце тополей пляшут блики угасающего солнца. Золотоносные блики весны. Их в тишине и свежести тревожат прилетевшие недавно соловьи. По мере того, как гаснут блики, любовные трели становятся все более волнующими, наполняя все вокруг жизнеутверждающим смыслом. Зрелая майская весна; весна суеты, песен и гнездовья.

Я сижу рядом со столяром Семёном на веранде его дома над Орликом, жду, когда он доделает заказанную мною оконную раму, вырванную на исходе зимы дачными ворами. Рама почти готова, застеклена, но подвыпивший Семён не спешит её отдавать, собирается этому моменту придать некую значимость, свойственную старым мастерам. Он не спеша, выверяет размеры, рубанком облизывает угловатости. По всему видно, что столяр склонен поговорить.

Он – маленький, сгорбленный радикулитом старик, добрый и приветливый, большой выпивоха, но знающий своё дело. Когда трезв, то молчалив и трудолюбив до полной усталости. Потом набирается самогона и становится тем, кем и положено быть, – словоохотливым от напорающих изнутри чувств стариком, а потом бесчувственным бревном, свалившимся, где придётся. Лицо у Семёна как проходящая мимо дорога: морщинистое, изъезженное временем. Вдоль крупного мясисто-го носа тянется глубокий шрам. Глаза серые, молодые и, как мне кажется порой, просят извинить хозяина носа за то, что он его не уберёт. Мне рассказывали, что нос столяра пострадал случайно, самым постыдным образом: от стола до койки – четыре метра. Не смог Семен преодолеть это расстояние. Пошёл к койке на четвереньках, держа в одной руке жареного карася, а в другой – стакан с самогоном. Решил допить окаянную жидкость по-барски, лежа под одеялом. За это извращение Господь его наказал. Не дошёл Семен всего ничего – рука подвернулась, и уткнулся он носом в отбитый край стакана, выронив карася.

Сегодня он только слегка приложился к бутылке, положил начало тому, чего не избежать в полной соловьиной темноте.

– У тебя-то сколько дитёв?

– Двое, – отвечаю, – мальчик и девочка.

– А у меня одиннадцать. Количество! Часто спрашивают: скажи, Семён, ну отчего у тебя их столько нарождалось, ну отчего? А вот отчего, пойми, а я тебе помогу...

Запрошлая наша жизнь была не то, что теперешняя, с паласами и мебелью полировочной. Куды там! Всё сам для дома изготовлял, без хитростей и лаку. Пришёл с войны в одной гимнастерке и галифах. Со всеми этими принадлежностями весил пятьдесят килограммов, поскольку бывал в плену, а откормиться не успел, демобилизовали. Хату кой-как смастерил-изготовил: сила из меня пёрла от радости, что уцелел. Что было? Стол, лавка да шкаф... ещё – кровать стояла с двойными пацанами... Двойняшками, значит. У кровати плетёнка с золой, для надобности, поскольку ночью прямо под кровать они писали, а жена посыпала золой, чтоб не мокло. И вот от этой самой золы и пошли дети рождаться...

– Ты, Семён, что-то заговариваешься, – вставляю, – как это от золы, а не от бабы дети могут рождаться?

– Не улыбайся, могут, даже лучше, чем надо. И вот как это было. Двойные наши пацаны: один – Колька, названный в честь деда, а другой, прозванный Митреем, в память прадеда, спали, как я уже баял, на койке, а мы на печи. Сам понимаешь, что они подрастать стали, и нам у них на глазах этим делом заниматься несподручно. Промблема. И вот лежим мы однажды, а пока светловато. Глядь, мальцы разбаловались, друг в дружку золу швыряют пригоршнями. Такую пыль подняли, что в хате ничегошеньки не видно.

Пыль нам на руку. Только чуть-чуть прояснится, как я кричу с печи: «Митрий, ты что? Вишь, как он в тебя шарахнул? Бросай в него, нахала!» Тот рад, что я его взбудрил, а жена Кольке орет: «Пуляй, чего смотришь?»

Они рады своей забаве, а мы – своей. Важно, что ни хрена не видно. Так у нас третий родился. Трое уже пылили справнее, отчего четвёртый появился, а потом они сами стали спрашивать: «Ну что, батятка, запылите сегодня, когда вы на печь с маманей полезете?», «Пылите, – говорю им, – да подюжее».

Вот так от золы все понародились. Одиннадцать штук, и все как есть живы и здравствуют по городам. Не то, что обижаюсь на них, нет, но слова хорошего не дождёшься. Открытками поздравляют, погостить заезжают... Это бывает. Гостят недолго. А чего? У меня мебель не зеркалистая, паласов нету, пенсия – гроши. И без старухи совсем трудно стало... Вот маленечко столярничаю, есть на что выпить. Как силы кончатся – труба. Гробишко, что ли, себе сготовить, как раньше дед Митрей, предвидючи слабость, себе сладил?..

Думаю иногда: ну что они там, дети мои, по городам маются, а ребятишков у каждого меньше, чем по одному. Что-то копят, тащут к себе, холодильники, телевизоры. А на что им это? Им бы каждому по плетёнке с золой в квартиру...

Блики майской зари догорали. Поселок у речки Орлика погружался в темноту. Когда я уходил с рамой, а столяр Семён на веранде искал недопитую бутылку, соловьи взяли перерыв.

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ

ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА (В сокращении)

I

Седая дымка, как всегда по утрам, серебристой рыбиной плыла над сумрачной гладью венецианских каналов. Святой Марк с высоты собора строгим взглядом смотрел на просыпающийся город, подсчитывая потери и приобретения этой ночи. Потерь было всё ещё немного больше, чем приобретений. В течение чуть ли не целого столетия город не посещали ни моровая язва, ни чума. Поутихла даже такая издревле поселившаяся в здешних местах напасть, как лихорадка. Правда, собравшая обильную дань заразы, получившая название «испанка», утихла всего год назад. Кажется, насытились все демоны, все страшные боги, от кровожадного Марса до сеятеля всевозможных венерических и душевных болезней. Тишина легла на пажити и городские площади «владычицы морей». Бешеный Зевс перестал преследовать бедную Ио.

Где-то далеко на севере, в России, ещё лилась кровь. Выброшенный девятым валом революций людской поток беженцев понемногу оседал на новых местах. Но земля всё ещё дышала неровно, взволнованно. Нервы её не могли успокоиться после перенесённых потрясений. Правители мира уверяли, что ничего подобного в последней Большой войне больше не повторится. Звуки томительно-сладкого танго и бесшабашного фокстрота звали к мирным утехам. Однако люди всё ещё рождались редко, гораздо реже, чем в прежние годы, словно боясь вступить в этот

мир, полный слёз и боли. Ростки новых жизней робко пробивались сквозь политую кровью почву.

Вот и в эту ночь потерь было всё ещё много. Печальные звуки погребений звучали чаще, чем радостные вздохи счастливых отцов и матерей. И всё же чаша жизни на весах мира, уныло висевшая в самом низу, несколько приподнялась.

Апостол Марк с удовольствием отметил это, но тут же спросил себя, во славу ли Господню пробудились эти ростки, или неутомимый сатана готовил ниву для новой жатвы? Конечно, зло, оскалившее окровавленную пасть, вкусившую столько крови, не остановится до судного дня, но милосердие Божие столь велико, что не оставит верных и в самые чёрные дни. Ещё будут рождаться и праведные, и порочные, и кроткие, и гордые, в помутнении рассудка своего толкающие мир к большим и малым грехам и преступлениям. Мир всё ещё лежит во зле, но свет и во тьме светит, и один праведник перевесит тысячи незаконных. Может быть, и сегодня родился младенец с маленькой звездой во лбу, и ему предначертан путь, ведущий узкими вратами не к смерти, но к жизни.

Словно в подтверждение этого обетования, стрелки на больших часах городской ратуши дрогнули. Железные молоточки мелодичным звоном пробили пять раз. Тут же вслед за дребезжащим говором часов с колокольни храма поплыли тяжёлые волны, сотрясающие воздушную сферу над кровлями домов. Благостный густой звон мягко вливался в безмолвие просыпающегося города. Звуки медленно росли, расплываясь красной солнечной медью. И младенец, вышедший в это мгновение из материнского лона, радостно вскрикнул, ослеплённый светом, обожжённый влажной росой начинающегося дня. Звон шёл из-под свода католической колокольни, но слова молитвы, слетевшие с уст матери, были русскими.

На седьмой день, согласно обычаю, нарекли младенца именем святого. Крещение выпало на день почитания архистратига Михаила, воителя и предстоятеля перед Господом.

II

Младенец, увидевший свет в самый канун Рождества 1922 года, происходил из старинного княжеского рода, пустившего корни в восточнославянских землях ещё в 10 веке. Когда стены и кров тысячелетней империи загорелись, глава семьи, пребывавший тогда в должности генерал-губернатора Финляндии, получил назначение Временного правительства отбыть в качестве посла России в Испанию. Это, возможно, и спасло жизнь ему и его семье. Режим Керенского вскоре пал, и дипломатическая миссия представителя гордого рода через несколько месяцев пресеклась. Семья переехала в Италию, где спустя три года и появился мальчик, названный не только в честь Архангела, но и по семейной традиции, в честь отца, которому уже не суждено было вернуться в Россию. Кое-какие средства в семейном кошельке были, и юному отпрыску старинного рода удалось не только закончить гимназию, но и поступить в один из университетов Германии.

Воспитанный в духе самых широких европейских взглядов, много читавший он выбрал Германию не случайно. Она всё ещё славилась своей классической учёностью, дававшей хорошее воспитание уму и сердцу. Дома говорили по-русски, итальянский и испанский были на слуху. Гимназия же одарила юношу и знанием латыни. Немецкий требовал усилий, однако на нём писали не только деятели «Бури и натиска», но и все знаменитые мыслители нового времени. В царстве мысли, путь в которое лежал через чтение их трудов, без языка Канта, Гегеля, Фейербаха, Хайдеггера не обойтись. А молодой человек, вступающий в жизнь, с самых ранних лет чувствовал склонность к размышлениям о смысле жизни не только в духе туманного романтизма, но и в трезвых логических определениях.

Семья в это время уже жила в Австрии, а от неё до того города, где находился университет, было рукой подать. В 36-м, когда Австрия стала именоваться Остеррайхом, студент философского факультета математического отделения превратился в гражданина Третьего рейха. В 41-м он был призван в армию, принял присягу и был отправлен на Восточный фронт, в ту самую Финляндию, которой когда-то в качестве наместника управлял его отец.

– Вам выпала миссия – участвовать в освобождении земли ваших предков от коммунизма, – напутствовал его один из высокопоставленных чиновников.

Мечта вернуться в отчину и дедину, оживить подрезанные корни завладела душой молодого солдата. От отца и матери он много слышал о России, и она, как это бывает в подобных случаях, рисовалась ему в самых мечтательных романтических тонах. Тихий, полный прелести полустепной уголок, где была когда-то усадьба отца, представлялся ему как потерянный рай. Там воздух полон сладким дыханием лесных и полевых цветов и трав, а парк, овеянный мёдом тенистых липовых аллей, баюкает душу предчувствиями бесконечного счастья, и дышится так хорошо, как нигде в мире. По рассказам отца, ни в финских сумрачных, по-своему красивых, еловых и сосновых лесах, ни в роскошных садах Арагона и Гренады не мог забыть он неги и мягкости очертаний холмистых, зелёных летом, а в зимнюю пору заснеженных полей с лениво дремлющим воздухом. Сыну хотелось увидеть эти просторы, вдохнуть воздух, которым дышали десятки поколений его предков. А надежда низвергнуть диктаторский режим, в удушьяющих объятиях которого задыхался русский народ, делала потомка знатного рода рыцарем идеалов свободы, за которые надо было сражаться с мечом в руке.

III

Однажды утром в неурочное время его вызвал к себе начальник лагеря, в котором содержались военнопленные Красной армии. В деревянном доме, где помещалась комендатура, денщики, в подчинении которых были три русских военнопленных, топили, не жалея дров, но лютую саамскую стужу не легко было победить.

– Скажите, что вы делаете по вечерам в бараках русских военнопленных? – спросил комендант, стоя спиной к жарко дышащей печи, кутаясь в накинутую на плечи меховую шинель с погоном гауптмана и глядя на стоявшего перед ним по стойке смирно подтянутого, по-спортивному стройного, со светлыми волосами, падающими на лоб, унтер-офицера.

– Я читаю им «Записки охотника» Тургенева, – не по-военному мягким увещательным и вместе с тем уверенным голосом ответил тот.

Белёные брови коменданта полезли вверх, голубые глаза на облившемся жирком лице с интересом скользнули по фигуре подчинённого. Тот держался подобающе чину скромно, но без какого-либо намёка на подобострастие. В светлых глазах трепетала далёкая искра чего-то невысказанного, словно отблеск тех знаний, которые даются людям вдумчивым, с развитой душой. «Потомок старинного русского рода», – говорилось в личном деле. «Стало быть, аристократ», – со смутным чувством то ли неизбыточной холопской робости, то ли зависти подумал комендант. В первые дни совместной службы гауптман не знал, как держать себя с подчинённым. И по должности, и по званию он был выше, но тот древнее родом. В конце концов, субординация взяла своё.

Получив негласное донесение соглядатаев, комендант не сразу приступил к выяснению непонятого, в чём-то даже загадочного обстоятельства. Ни с чем подобным встречаться ему не приходилось. Порядок в лагере строго соблюдался по всей букве закона. Инструкция предписывала обращаться «с военнопленными гуман-

но, исключая комиссаров». Этим даже при взятии в плен рекомендовалось уничтожать на месте. Ко всем прочим представителям «неполноценной расы» следовало применять строгие меры без излишнего снисхождения. Их рекомендовалось употреблять как рабочую силу, а «отработанный материал» списывать как неизбежные жертвы особых обстоятельств.

Пленные в первые месяцы войны прибывали в больших количествах. Теснота в бараках была ужасающая, питание скудное. Истощённые люди нередко умирали. Человечно ли это, соответствует ли международному праву – никто ни наверху, в высших эшелонах Вермахта, ни в средних звеньях, тем более, в самих концлагерях, не слишком заморачивался подобными проблемами. Упоминание о «гуманности» было данью риторике. «Гуманное» отношение к пленным выражалась в куске плохо испечённого чёрного хлеба и жидком хлёбове. «Каждому своё» – висело на воротах лагеря изречение латинского мудреца. Чрезвычайных случаев, вроде побегов или нарушений дисциплины, не было. Всё шло заведённым порядком. И вдруг такое не совсем обычное обстоятельство.

Начальник лагеря ожидал услышать какое угодно объяснение, но ответ заставил его ещё шире раскрыть глаза и даже поднять плечи.

– Вы... унтер-офицер германской армии... читаете им... «Записки охотника»? С какой целью? Кажется, это не предусмотрено уставом и внутренним распорядком.

– Я хочу поддержать их дух. Родная речь великого художника должна пробуждать в них бодрость, господин комендант.

– Бодрость? Зачем? – Младший офицер на секунду задержался с ответом.

– Это поможет им лучше работать, – наконец нашёлся он.

– Гм. Лучше работать... Что ж... Это неплохо. Но всё же не забывайте, у нас здесь не воскресная школа. Можете идти.

– Яволь, герр лагерфюрер!

Унтер-офицер щёлкнул каблуками, развернулся и вышел.

Слово «Тургенев», звучащее немного странно и дико, комендант когда-то ещё в гражданской жизни слышал, но что такое охотничьи записки? Сын мелкого лавочника королевские забавы немецких баронов видел только на изображениях в книгах да на вышитых ковриках, продававшихся на берлинских толкучках. Этот Turgeneff, вероятно, тоже принадлежал к привилегированному сословию. Но зачем русским дикарям записки о господской охоте? Впрочем, кажется, ничего антигерманского в этом странном чудачестве нет. Не шпионский же шифр он им сообщает. Однако чего не бывает! Надобно быть настороже. От этих русских можно ожидать чего угодно.

Начальник лагеря подул на всё ещё холодные пальцы рук, потёр ладони.

Этот русский аристократ не пользуется особым доверием лагерной команды, да и высокого начальства вообще, иначе уже давно был бы в полном офицерском чине, продолжал размышлять комендант. Говорят, он проявляет слишком большую человечность к военнопленным. Все славяне таковы. Слишком чувствительны, мягки, расплывчаты. Задача истинных арийцев, как сказал великий Адольф Гитлер, «дегуманизировать» слабеющий мир, вернуть людям природную жестокость.

– Этот русский, или австриец, кто его разберёт, – недовольно хмурясь, сказал в тот же день за обедом комендант в офицерской столовой своему помощнику. – Приглядывайте за ним.

Тот едва заметно кивнул.

Часы на ратуши близ собора Святого Марка в Венеции, как и девяносто лет назад, пробили шесть раз. Апостол поднял брови и взглянул вдаль. Всё ли в порядке

было в этом мире? В каком состоянии находилась чаша весов? Она по-прежнему колебалась, как ей и предписано колебаться до скончания века. А что делал появившийся когда-то на свет человек, названный в честь Архангела Михаила? Он шёл по солнечной и лунной дорожке, оставляя лёгкий светящийся след, к той цели, которая была определена ему в Книге Жизни.

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

ДВА РАССКАЗА ИЗ ОДНОЙ ПОВЕСТИ

Сверху послышался шорох и посыпались камешки. Цепляясь одной рукой за землю, по крутому берегу неловко спускался горбатый Боря. На голове, вдавленной в плечи, сидела мягкая фетровая шляпа, засаленная и потертая настолько, что трудно было угадать её цвет.

– Ну, что, соколики мои милые, водичка тёплая? – его резкий скрипучий голос шёл не из горла, а откуда-то из живота.

– Не-е, холодная, – засмеялся Пахом.

– А мне сказали, как парное молоко.

Подбородок горбуна тянулся кверху, ещё больше вдавливая затылок в плечи, и умные огромные васильковые глаза от этого тоже глядели вверх. Глаза были настолько выразительны, что, казалось, живут на лице отдельно, сами по себе.

– А ты сам окунись, а потом нам скажешь, – посоветовал Пахом,

– И то верно, – согласился Боря и стал неторопливо раздеваться.

Голый Боря являл совершенно нелепое зрелище. Длинные тонкие ноги, как у журавля, подпирали короткое туловище с плоским тазом, а в промежности висела, будто сама по себе, темная кила тяжёлой мошонки.

– Дядь Борь, закройся, вон баба бельё полоскает, – предупредил Изя Каплунский.

– Небось не укусит, – бросил равнодушно Боря и пошёл своей маятниковой походкой, закидывая руки за спину и размахивая ими где-то за ягодницами, ступая осторожно, будто пробуя воду. В речку Боря зашёл также неторопливо, как шел по берегу. Когда вода дошла ему до груди, он перевернулся на спину и поплыл вдоль берега.

– Во даёт, – хохотнул Монгол, – вода ледяная, окунуться б да назад.

– Да Боря зимой по двору в трескучий мороз без рубашки ходит, – сказал Мухомеджан.

– Зачем? – заинтересовался Самуил.

– Закаляется, чтобы не болеть. Ты же видишь, он убогий, болел часто, вот и стал закаляться. Он и зимой в плаще ходит.

– Да это мы знаем, – засмеялся Пахом. – Больше надеть нечего, вот и ходит.

– Ладно, есть чего или нечего, а ты поплавай с Борей, если такой ушлый, – усмехнулся Монгол.

– Ага, разогнался. Я лучше щас Армена искупаю, – и он сделал движение в сторону Григоряна, тот приготовился вскочить.

– Да не бойся, я пошутил, – Пахом расслаблено улёгся на песок.

Из речки вышел Боря. Он руками стряхнул с себя воду и стал одеваться. На теле не появились даже мурашки.

– Дядя Борь, это правда, что ты голый по двору ходишь, закаляешься? – спросил Изя Каплунский.

– Да что ты, милый, – засмеялся как заквакал Боря, – голый не хожу, а закаляться закаляюсь и, вздохнув глубоко, сказал:

– Эх, ребятушки, пошли вам бог хорошего здоровья. Плохо хворому-то.

– А правда, что ты подпольщиков у себя при немцах прятал? – поинтересовался Каплунский.

– Было такое, соколик мой, – нехотя ответил Боря.

– Расскажи, дядя Боря, – попросил Мишка Коза.

Боря вдруг поскущел лицом и завозился со шнурками на кирзовых ботинках.

– Расскажи, дядя Борь, не ломайся, – присоединился к просьбе Мишки Монгол.

– Да ведь будь она, эта война, проклята. Как вспомню, сердце останавливается. До сих пор Густав во сне снится.

– Что за Густав такой? – поинтересовался Мотя.

– Жилец. Унтер. Как напьётся, за пистолет: «Горбатч, к стенке». Да, почитай, каждый день расстреливал. Стоишь и думаешь, пальнёт мимо, или спьяну попадёт? А то выводил во двор. «Всё, Горбатч, пошли. Ты есть партизан, и я буду тебя расстрелять». Выведет, к дереву поставит и целится в лоб. Я смерти-то не боюсь. Что я? Муха. Прихлопнул и растёр. А вот унижение терпеть невыносимо. Человек, он что? Червь. Есть он – и нет его. Но это опять же, с какой стороны смотреть. Разум мне дан свыше, а отсюда и гордость человеческая, и боль, и скорбь. И терпел я унижения эти потому, что не за себя одного отвечал, а за людей был в ответе, которых хоронил в подвале своем. У меня дома подвал до войны хитрый получился. Из кухни вход под половицами. Дом-то старый, помещичий, ещё Никольскому принадлежал.

– Это, какому Никольскому, деду Андрею Владимировичу? – уточнил Мишка.

– Истинно. Андрею Владимировичу. У него ещё два дома по нашей улице стояло.

– Так он буржуй недорезанный, – зло пыхнул Витька Мотя. – Как же его в Сибирь не сослали?

– Э, милок, человек Андрей Владимирович особый, не стандартный.

Только революция пришла, он тут же дома Советской власти отписал. Золото, не скажу, что все, а в ЧК самолично сдал. Пришёл, попросил двух сотрудников, привёл в сад, показал, где копать, да не в одном, а в нескольких местах. Жена, покойница, в голос: «Ирод, по миру пустил, дочку без приданого оставил». Тот сначала слушал, а потом как гаркнет: «Цыц, купчиха чёртова, из-за тебя, на утробу вашу совестью торговать начали, о душе забыли. Куда копили? Кого грабили? Да взял топор – и к трубе водосточной. Разворотил коленце, а оттуда банка круглая с драгоценностями. «Вот, – говорит, – хотел на чёрный день оставить, а теперь вижу: не надо, ничего не надо, всё берите». Да перекрестился и говорит: «До чего же мне легко стало, господи. Яко благ, яко наг».

– Ну, дед, ну Никольский! – обрадовался почему-то Пахом, а Самуил недоверчиво покачал головой:

– Ну, положим, всё-то он не отдал; что-нибудь да себе оставил.

– А ты по своему Абраму не суди, – обиделся за Никольского Каплунский.

– Да, соколики мои, русская душа за семью печатями лежит. И никому не дано понять и оценить характер и поступок русского человека. Казалось бы, писатели наши: Достоевский Федор Михайлович и Толстой Лев Николаевич куда как полно раскрыли русский характер и в душу русскую заглянули. Ан нет. Ещё Чехов Антон Павлович понадобился, чтобы новую струнку затронуть. И не разгадан русский человек, и не описан полностью остался.

Максим Горький изумился как-то и с восхищением воскликнул: «Галантлив до гениальности», не удержался и заметил: «И бестолков до глупости».

Взять того же Никольского Владимира Андреевича. Как сыр в масле катался. Казалось бы, чего тебе ещё? Ешь, сыт и убажен, и прихоти любые твои исполняются. А ведь ел его червь сомнения, душа роптала и протест в ней зрел.

Фашист, он так и думал, когда ему место головы Городской Думы предлагал. Мол, властью обиженный, лишился всего и теперь зубами грызть большевиков будет, а он кукиш им. Стар, говорит, немощен я служить, дайте помереть спокойно. А старик, сами знаете, крепок. И про подвал он знал, конечно. Кому как не ему свой дом бывший знать? Знал и молчал.

– Так что про подвал-то, дядя Борь? – напомнил Монгол.

Вот я и говорю. Подвал с каменными сводами был аккурат под моей квартирой, я им и пользовался. Вход со двора, из палисадника, ещё до войны замуровал за-подлицо с фундаментом, а проём, где кончались ступеньки и начинался подвал, тоже заложил кирпичом, так что получился потайной простенок. А вход в подвал у меня начинался из подпола. Только если в подпол спустишься, входа в подвал не увидишь, кто не знает, тот и искать не станет. Опять же, если кто вход найдет, да вниз спустится, ни за что не догадается простенок искать. А в простенок-то и можно через потайной лаз попасть, да если что, отсидеться.

Все мы про Борин подвал знали, но слушали, не перебивая, будто в первый раз слышали.

– Дядя Борь? – опросил Самуил. – А как же так вышло, что ты на базаре примусными иголками торгуешь? Самого секретаря горкома прятал и иголки продаёшь.

Самуил, прищурив глаз, смотрел на Борю. Мы тоже с интересом ждали, что скажет Боря.

– Эх, вы, воробушки небесные, да мало ли кто кого, где прятал, кого спасал. Что ж теперь – памятники им ставить? Да и не секретаря я прятал, а человека божьего...

– А вот Густава я всё же встретил, – без всякого перехода сказал Боря.

– Да ну? Где? – вскинул голову Мотя.

– А здесь, в городе. У Свисткова, начальника над военнопленными, немцы дом ремонтировали. Иду как-то по улице, вижу: двое пленных свистульки и гимнастов на двух палочках на хлеб меняют. Гляжу и глазам не верю: Густав, подлец, стоит, а вокруг ребятишки. Увидел меня, узнал, вытянулся, побледнел. Улыбка жалкая, «Гитлер капут, русский гут», – шепчет. Посмотрел я на него, и чувствую, нет у меня зла. Все перегорело. И передо мной не зверь какой стоит, а самый обыкновенный человек, рыжий, лопоухий.

– Я все равно б не простил, – сказал Пахом. – Они наших вешали, а мы их в плен.

– Э, милый, всякие немцы были. Были такие, что вешали. А были солдаты чести, которые воевали, выполняя приказ фюрера Германии. Эти не лютовали, а исполняли свой долг. А больше всего было одураченных. Правда, к концу войны прозрели и те и другие.

– Я б не простил, – упрямо повторил Пахом.

– Ну ладно, ребятушки-козлятушки, вы загорайте, а я пошёл. Пора мне.

И Боря полез наверх, то, помогая себе одной рукой, цепляясь за кустики, то становясь на четвереньки. А мы смотрели ему вслед, пока он не взобрался наверх крутого берега и, став на тропинку, не исчез за его крутизной.

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ВОЙНА»

Это были дни начала Великой Отечественной войны. Отцу было 33 года, когда он ушёл на фронт...

Если бы раньше..., Раньше пообщаться с отцом на предмет, тему этого моего запоздалого труда – сколько интересного, исторически ценного и познавательного, нового и важного на сегодня можно было бы узнать... И как уже неоднократно я это сожаление передаю бумаге...

А теперь у меня в руках лишь кое-что из фрагментов жизни отца, как-то: фотографии разных лет; военный билет, где перечислены его фронтовые награды; и самый, как я думаю, обширный и значимый документ – Благодарственное письмо Маршала Советского Союза Конева, Командующего войсками Первого Украинского фронта, в составе которого отец с боями прошёл до Берлина.

Понимая, что подобная грамота уже и теперь великая редкость, коснуться заинтересованным взглядом которой возможно лишь разве что в музее, считаю благо разумным привести её здесь полностью:

«Первый Украинский фронт

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ГРАМОТА

Лейтенанту Преснову Николаю Васильевичу

Дорогой товарищ! Великая Отечественная война победоносно завершена. Красная Армия в жестоких боях с немецко-фашистскими захватчиками отстояла честь, свободу и независимость нашей Родины, обеспечила миллионам людей возможность от фронтовой жизни снова вернуться к мирному созидательному труду. Вы возвращаетесь на Родину с ПОБЕДОЙ!

В суровые годы войны Вы честно выполнили свой патриотический долг – достойно несли службу в доблестных войсках Первого Украинского фронта.

На знамёнах боевой славы войск Первого Украинского фронта записаны выдающиеся исторические победы. Могучими ударами они разгромили врага в районе среднего течения Дона, нанесли гитлеровцам беспрецедентное поражение в районе Курской дуги, героически форсировали реку Днепр и освободили от фашистских оккупантов древний русский город – столицу Советской Украины – КИЕВ. Стремительно наступая, окружая и уничтожая крупные группировки врага на Правобережной Украине, освободили города – ЖИТОМИР, РОВНО, ПРОСКУРОВ, ВИННИЦУ, КАМЕШЕЦ-ПОДОЛЬСК, КОВЕЛЬ, ТЕРНОПОЛЬ, ЧЕРНОВЦЫ, СТАНИСЛАВ, ДРОГОВЫЧ и ЛЬВОВ.

С жестокими боями прошли Южную Польшу, форсировали реки Сан и Вислу, освободили вторую польскую столицу – город КРАКОВ и важнейший промышленный район – ВЕРХНЮЮ СИЛЕЗИЮ.

Ворвавшись на территорию ГЕРМАНИИ – логово фашистского зверя, форсировали реки ОДЕР, НЕЙССЕ, ШПРЕЕ и, выйдя на реку Эльба, в центре ГЕРМАНИИ соединились с войсками наших союзников.

Вместе с доблестными войсками ПЕРВОГО БЕЛОРУССКОГО фронта наголову разбили берлинскую группировку немцев и водрузили над БЕРЛИНОМ знамя ПОБЕДЫ.

Сокрушительными ударами, уничтожая остатки вражеских войск, заняли город ДРЕЗДЕН и, завершая окончательный разгром фашистской ГЕРМАНИИ, освободили столицу союзной нам ЧЕХОСЛОВАКИИ – город ПРАГУ.

Семьдесят четыре благодарности объявил в своих приказах Верховный Главнокомандующий войскам 1-го Украинского фронта за отличные боевые действия.

Выражаю уверенность, что безграничная любовь к Советской Отчизне, вдохновлявшая Вас и дни Великой Отечественной войны, будет неиссякаемым источником Ваших трудовых подвигов в дни мирного труда.

Сердечное спасибо за отличную службу в войсках фронта, желаю здоровья и успехов на фронте мирного социалистического труда на благо и счастье нашей Родины.

Командующий войсками Первого Украинского фронта Маршал Советского Союза И. Конев.

Июль 1945 года».

Война застала меня в Рыбинске, на моей Родине, четырёхлетней. Но я многое помню, хотя и отрывочно.

Вот мы с братиком Валерой сидим на подоконнике второго этажа нашего двухэтажного деревянного дома. Окно открыто, лето, и мы ждём маму, которая куда-то вышла и вот её не пропускают – воздушная тревога; воют сирены, по небу шарают лучи прожекторов – ожидается немецкий налёт, ведь Рыбинск – важнейший в стране стратегический город с высокоразвитой промышленностью, и, главное, мощнейшим в мире авиационным заводом.

Известно, что фашистский список городов, подлежащих уничтожению в первую очередь, были Москва и Ленинград. Третьим числился Рыбинск. И не случайно, совершая авианалёты, враг стремился нанести как можно больший урон прежде всего гидросооружениям, производственным корпусам крупных заводов, городских предприятий, жилых кварталов.

Помню, как братик пробирался на велосипеде нашем детском с длинным деревянным сиденьем, раскрашенным под Палех, между рядами военных, проходивших учение на берегу реки Черёмухи – прямо под нашими окнами.

Затем детская память моя отрывочно выхватывает из действительности: мы плывём на барже по Волге. Мы – это я, мама и брат. Папа уже на войне, а мы с рыбинским авиационным заводом эвакуируемся, как потом оказалось, в Башкирию. На барже теснота, много вещей и много людей. Мне в нос попадает глубоко скорлупа от семечек, до сих пор ощущается это, лишь вспомню – но на барже оказался врач, и он мне помог.

А дальше... Вначале нас поселили в глухой башкирской деревне в избе, где были и дедушка с бабушкой, и дети, много детей. Помнится такой эпизод: откуда-то в домике появился папин брат дядя Саша и привёз сыр, целую круглую голову. Я свесилась с лежанки русской печи и смотрю, как мама отрезает от сыра длинные ломти и по очереди всем раздаёт. Стол дощатый, большой, и все домочадцы поместились за ним. Вот первому она подаёт ломоть сыра деду, а старый удивлённо вертит его и, вероятно, не знает, что с ним делать – не держал з руках никогда.

И тот же дядя Саша перед отправкой на фронт перевёз нас с мамой и свою жену тётю Валю с дочкой Галей под Уфу в местечко, которое, помнится, называлось «Соцгород», и где невдалеке был другой район – Крекинг – там добывали и перерабатывали нефть.

В Соцгороде помнится барак, длинный дощатый барак, густо населённый нами, беженцами.

В одной комнате по несколько семей. У каждой семьи одна кровать на всех, две – роскошь.

Голод, холод, крысы Помнится, в капкан попалась одна такая, громадная, как кошка. Дымит коптилка, старый дед сидит на табуретке и поливает её из чайника кипятком. Она визжит и изо всех сил пытается вырваться – и вот это ей удаётся. На следующую ночь она отомстила; отгрызла грудному младенцу пальчик на ножке – в соседней комнате. С тех пор и по сей день я панически боюсь крыс и даже мышей.

Сюда в барак, в эту маленькую комнатку, помнится, отправляясь по окончании ускоренного курса Уфимского военно-пехотного курса, на фронт, заходил мой отец. В офицерской шинели, фуражке. Я открыла глаза, а папа стоит у кровати – да так и не сняв шинели, наскоро перецеловав нас всех, исчез – на долгие, долгие годы.

Позднее, когда наши войска стали гнать немцев на Запад, некоторые из жильцов этого барака понемногу стали возвращаться в освобождённые районы, в свои города, села, деревни, и мы втроём жили уже в отдельной комнате; не помню, в этом ли ещё бараке, или в другом. Маму почти не видели. Люди тогда работали до упада. Мама была высокообразованным человеком, специалистом по зерну, и стала работать в столовой, где кормили учащихся школы ФЗО (фабрично-заводского обучения), готовившую рабочих и специалистов на военный завод. Тогда не было ни транспорта, ни трудоспособного мужского населения в тылу, способного выполнять ответственные работы, и всё ложилось на хрупкие женские плечи.

Передо мной сохранённая мамой старенькая фотография: весь коллектив столовой снят на фотографии – в первом ряду шесть человек во главе с мамой сидят, а девять за ними стоят. Одни женщины, все молодые, красивые солдатки и возможно, уже вдовы, а среди них лишь один мужчина – повар. До недавнего времени я помнила даже и имя его, теперь, как назло, позабыла.

Зал столовой был и клубом, и для собраний. Помню, как мы, дети сотрудников, в праздничные дни выступали перед взрослыми с низенькой импровизированной сцены и как я однажды, спев песню, поклонилась не гостям, а детскому хору, и все весело засмеялись.

По утрам мимо наших окон шли вереницы рабочих в сторону железной дороги, за насыпью которой расположились корпуса рыбинского авиационного завода.

А за этой нескончаемой вереницей измученных голодом и непосильным трудом людей ехали пустые грузовики, подбирая с дороги и увозя упавших, а зачастую и умерших от истощения по пути на работу людей.

Да разве пересказать всё...

Мы с младшим братиком так, кажется, и жили в этой столовой, знали по именам всех фезеушников, а их было бессчётно. Особенно мне запомнилась одна удивительная девушка – хрупкая, милая красавица по имени Октябрина, которая на одном из праздничных вечеров пела печальную до слёз песню об этой жуткой войне – «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк.. .» А потом, позднее услышала о том, что её «использовал» директор училища, и никак не могла взять в толк, что означает это произносимое шёпотом слово, пока не повзрослела. И девушка эта с непонятным тогда для меня именем Октябрина, и песня эта, сжимающая сердце, до сих пор звучат в душе – и памяти.

В одно из военных лет в наших местах появились пленные немцы. Я помню их почему-то именно летом: были они за колючей проволокой. Мы, дети, знали: это фашисты, были любопытны, подбегали, разглядывали их. Они показывали нам часы, ещё какие-то вещицы и говорили: хлеб, хлеб. Но хлеба нигде и ни у кого не было, и мы бегали в поле, воровали ещё не спелый картофель и издалека, выше колючей проволоки, кидали им. Они на каждую набрасывались сразу по несколько

человек, катались по земле, отнимая друг у друга, дрались, а мы, несмышлёныши, смеялись над ними а затем повторялось всё вновь, пока красноармеец с винтовкой не прогнал нас.

Папа с мамой, получается, всю войну переписывались. Об этом говорят фотографии, посылаемые из Башкирии мамой на фронт – и папой нам с фронта в тыл. Мама густо подписывала их на обороте, папа же присылал чистыми.

Вот девочка лет пяти-шести – то есть это я: в шубке, в меховой шапочке, светлоглазая, курносая и улыбающаяся, побывала уже, видимо, и на фронте у отца, и вернулась с ним обратно домой, поскольку на обороте маминой рукой сделана надпись, наполовину теперь выцветшая, все слова почему-то с большой буквы: «Дорогому и Любимому Папочке от дочки Милочки Пресновой».

А внизу приписка, сделанная маминой же рукой, но чернила более свежие и яркие: «Ведь, правда, Светик похожа на тебя, Милочка?»

Светик – это моя дочка Светлана. Фотографию эту мама где-то в шестидесятых годах, когда дочка моя была примерно того же возраста, что и, я на описываемом мной военном времени снимке, из Ярославля переслала мне в Орёл, где я живу, – и вот она, фотография эта, «заговорила».

А вот ещё одна, прошедшая войну, фронт, чужие страны и в кармашке папиной гимнастёрки, вернувшаяся домой: совсем ещё молодая наша мама, прекрасная, нежная, словно царевна из волшебной страны-сказки, а по обе руки её мы, дети, Братишка мой младший, лет четырёх, в защитного цвета гимнастёрочке, как будто в настоящей, военной. В войну часто одевали мальчиков в перешитое из неведомо откуда здесь, далеко от войны, взявшихся настоящих фронтовых гимнастёрок. Губки малыш надул – вероятно, нас долго усаживали перед камерой фотоаппарата. По правую руку от мамы я, в лёгком клетчатом платице, но уже видимо постарше.

И шесть, доставшихся теперь уже от мамы мне, папиных, без дарственных подписей: была война, и любое лишнее слово, имя, адрес были опасны.

Вот совсем маленький снимок, примерно, как документ, три на четыре сантиметра: отец снят в шинели без погон, в шапке-кубанке из грубой овчины со звёздочкой. Вероятно, первая военная осень или зима. Возможно, только недавно мобилизован, или находится в училище, поскольку был хорошо образован.

На другом снимке сняты в полный рост трое военных. Стоят вполоборота друг за другом: в гимнастёрках, подпоясанных ремнями, в фуражках, грубых сапогах. Первый в ряду мой отец Николай Васильевич Преснов, одна звёздочка на погонах – младший лейтенант. За ним стоит майор, и третий – в выцветшей гимнастёрке, погоны без звёздочек, с медалью на левой стороне груди – один из всех троих с лёгкой улыбкой на лице.

А здесь отец лейтенант, на груди орден Красной Звезды. И есть ещё два снимка коллективных военных: во весь рост, в шинели и фуражке, в светлых офицерских погонах стоит, заложив руки за спину, отец, рядом, с полевой сумкой в руке, его сослуживец, тоже офицер. Возле старого высокого дерева, осенний, видимо, снимок.

И последний, выполненный уже по всем фотоправилам, в помещении: за круглым столиком сидят трое военных. Слева молодой капитан. Рядом два лейтенанта, оба с орденами Красной Звезды на гимнастёрках: один из них, в центре, в португее, мой отец...

Вероятно, эти снимки были сделаны не в конце войны, ведь у отца моего не один, а два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны второй степени, орден Красного Знамени и медали, «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

В мирное время отец продолжал службу в армии, но деятельность его была уже мирной, по гражданской профессии: главный бухгалтер, старший ревизор – бухгалтер, начальник финчасти, и вышел в отставку в 1962 году по возрасту, о том свидетельствуют официальные записи в военном билете. Скончался он в 1987 году в возрасте восьмидесяти лет от тяжёлой болезни.

Передо мной моё письмо, написанное и посланное сыну Саше в армию, где он проходил срочную службу. Пунктуальный, как дед, он не растерял мои письма, и, демобилизовавшись после двух лет срочной службы, привёз домой и передал мне всю пачку моих ему писем, несколько десятков, среди которых одно о моём отце, его кончине.

Сына из части на похороны дедушки не отпустили, никто из нас, и он сам, не догадались сказать командованию о том, что Сашин дед Николай Васильевич Преснов – офицер, капитан, ветеран Великой Отечественной войны – вот я описываю сыну этот прощальный с моим отцом и его дедом день.

15 сентября 1987 год,г. Орёл

Здравствуй, дорогой мой сыночка!

Пишу тебе, как видишь, с громадным интервалом во времени, т. к. На семью нашу нашли беды: в две с половиной недели – два гроба. Похоронили мы твоего дедушку в понедельник. Рука не поднимается писать об этом. Могила его на той стороне Воли, где на многие километры лёг чистейший волжский песок – символ его Родины. Ни одной крошки земли нет там, а растут одни сосны. День похорон был тёплый и солнечный, сам он лежал в гробу свежий, чистый, без единой морщиночки, красивый – и лицо его было милым, спокойным, как всегда, когда он был спокоен. Сфотографировались мы с ним все и в последний раз: бабушка, я, Валик, Ира, Света; сестра папина из Пошехонье – Володарска тётя Валя, старенькая, белая, как лунь, но такая же красивая, как он; Валя, жена Валика; дядя Боря, тётя Таня, Вера, Гута из Рыбинска. Смерть собрала всех родных у его гроба. Поминки были в ресторане «Солнечный», было 60 человек, и я из речей его сослуживцев, родных, соседей узнала такое, о чём, если и знала, никогда не задумывалась. Дядя Боря рассказал: „Нас было 9 человек детей. Отец – крестьянин. Старших детей он всех выучил. Теперь из пятерых братьев я остался один. Старший брат после смерти отца в 1938 году был нам и отцом, и братом. Дом его всегда был для нас пристанищем – и до сего времени». Жена Валика рассказала, как папа, оказывается, помог ей окончить институт, а его сослуживец Ахмедиев рассказал о том, как они с папой вдвоём основали войсковую часть, ту самую, которая находится возле папиного дома и откуда тебя гоняли от забора.

Оказывается, дедушка твой до войны был одним из самых образованных людей России: он окончил церковно-приходскую школу, Рыбинское реальное училище и рыбинское коммерческое училище, которое приравниваю тогда к институту, был законником во всем и всегда. При встрече я расскажу тебе все подробно. Вот, сыночка, какие печальные письма стала я тебе писать.

СОЛОВЬИНАЯ ВЕСНА. КРИВЦОВСКИЙ МЕМОРИАЛ

Проснувшись утром, в канун праздника Дня Победы, я вдруг ощутил душевное волнение, которое постепенно нарастало во мне. Пытаясь понять, что бы оно могло означать, и, приоткрыв глаза, догадался, что это состояние, не отпускавшее меня, не что иное, как предвкушение отдыха наступающего выходного дня. Завершилась предпраздничная суета и подготовка к параду 9 Мая, прошли традиционные мероприятия, на которых чествовали ветеранов. Областной городишко накануне праздника похорошел. В воздухе, врывавшемся откуда-то с полей, почти неуловимо разливался едва заметный аромат свежего дыхания ещё не прогретого солнцем утра.

От волнующих весенних переливов, затекающих струйками прохлады в комнаты, возникло желание уйти из уютной квартиры и поскорее прикоснуться к красоте возрождающейся после зимы природы. Долго раздумывать не пришлось. Великолепным местом для этого была моя дача, которая находится совсем неподалёку, всего в каких-то восьми километрах от города. Собравшись налегке, отправился в гараж. Было немного зябко, лёгкое чувство холода исходило и от луж, залитых холодной водой, и от влажных газонов, умытых утренней свежестью. Вокруг хлопотали суетливые птицы. Блестяще чёрные грачи озабоченно выискивали среди упавших сухих веток и прутьев строительный материал для своих гнёзд. Шустрые сороки и серые вороны криком и гомоном обозначали свои территории, занятые на деревьях поблизости. Одни из них ещё шумно осматривались, выбирая места для гнёзд, другие – уже определившись с гнездованием, спокойно сидели на ветках, издавая ласковые трели, а третьи – лениво каркали, расклёвывая кору или остатки нехитрой пищи. Все птичьи посвисты, пощёлкивания и щебетания создавали атмосферу буйного весеннего празднества...

Добравшись до гаража, быстро погрузил в машину незамысловатый инвентарь и... вскоре оказался на даче.

Повсюду обилие света и птичьего разноголосья. Из-за взгорка, по крышам дачных домиков и по верхушкам деревьев уже ластились первые солнечные лучи. После города нежная весенняя круговерть природы для меня в это время необыкновенно желанна. От трепетного ощущения свободы и простора воды в пруду, обрамлённого низкими пологими берегами, в душе разливалась тихая радость. Наступал новый день, увидеть рождение которого для меня всё равно, что присутствовать при сотворении чуда...

Прозрачная даль над головой мерцала светлыми переливами той пронзительной чистоты, которую можно созерцать только в разгар весны. В её вышине разливались огромные волны света. Хотелось подставлять лицо свежему ветру и лёгким сквознякам, дышавшим из притенённых уголков сада. Майский день ласкал теплом не только меня. Он согревал и серые стволы окружавших меня ракит, и осветлённую после паводка поверхность пруда, и видневшиеся из-под воды зелёные бугорчатые спины лягушек, одаривая своей негой даже дачный плетень. Это бесхитрое сооружение на краю участка было зримым напоминанием о родной брянской усадьбе, о моём отце, который постоянно заботился о ней.

Праздник Победы всегда напоминает мне о фронтовых историях, рассказанных отцом, Петром Тимофеевичем, с первого и до последнего дня войны прошедшим дорогами сражений и, к счастью, оставшимся в живых. Обустроившись в селе, на родине своих предков, в окружении могучих брянских ле-

сов, он никогда не участвовал в парадах в честь Дня Победы. Не ждал и не получал особых благодарностей по случаю праздника, но всегда чтил этот день и по-своему отмечал его. На Брянщине погибло немало воинов, большинство из которых хоронили тогда в боевых условиях и, как правило, в случайных местах: во дворах, в садах, у дорог. Одно из таких братских захоронений было поблизости от моего родного посёлка Заречье, на школьном дворе Гамалеевской начальной школы. Отец, будучи заведующим этой школы, ухаживал за ним, учил детей достойно относиться к памяти павших. У обелиска солдату-победителю вместе с учениками высаживал ели, выращивал цветы. Бывало, каждый год в день 9 Мая, начистив свои боевые ордена и медали, надевал парадный костюм и направлялся туда со своими односельчанами на торжественный митинг...

Неожиданно мои мысли прервала птичья трель. Совсем рядом на тонкую ветку присел соловей и, не обращая внимания на меня, рассыпал свои рулады необыкновенной красоты. От этих звуков в памяти ожила история, услышанная от ветерана Великой Отечественной войны В.К. Алехина. Однажды на встрече со студентами, где мы были вместе с ним, разговор зашёл о военных буднях. Ему задавали множество вопросов, на которые Алёхин охотно отвечал. Вдруг кто-то из студентов спросил:

– Василий Кузьмич, а что Вам запомнилось особенно ярко из тех суровых фронтовых дней?

Подумав, он с грустью сказал:

– Мне очень запомнилась весна 1944 года. Май. Шли ожесточённые сражения за Украину. Немцы отчаянно сопротивлялись. Каждое село, каждый плацдарм мы отбивали у них ценой своих жизней. И вот после одного такого тяжёлого боя за маленькую деревушку на разбитой снарядами улице нам, уставшим, грязным от гари и пыли, устроили привал. В воздухе стояли клубы чёрного дыма, висела хлопьями прогорклая копоть от догоравших хат и взорванных снарядов. Яркое солнце с трудом пробивалось сквозь нависшую хмарь. Было, конечно, безмерно жаль наших погибших товарищей, отдавших жизнь за это селение, название которого теперь уже и не помню.

После страшного грохота и выстрелов установилась такая тишина, от которой с непривычки даже ломило в ушах. Все, кто остался в живых, молча сидели или лежали на земле, развороченной гусеницами танков и взрывами снарядов. Вдруг где-то совсем рядом в этом фронтовом затишье щёлкнул соловей и замолчал, словно ожидая, не накажет ли кто его за такую дерзость. Но после небольшой паузы он с новой силой, звонко и радостно запел. Не останавливаясь, сыпал голосистую и ясную трель, свистел и цокал своим серебряным голосом. Было непривычно и даже поначалу неловко слушать его безудержное пение. А он всё звенел и звенел... Когда осела гарь, мы стали оглядывать место, откуда доносилось волшебное пение невидимой птицы. На усыпанной нежно-розовыми цветами вишне, безобразно искромсанной пулями и осколками снарядов, увидели соловушку. Его дивная мирная песня разливалась и над погибшими воинами, и над нами, оставшимися в живых. Слушая соловья, обессиленные и измотанные, мы точно возродились к жизни и вновь поверили в нашу победу.

Опустив голову, Алехин задумался. От нахлынувших воспоминаний его брови, собравшись у переносицы, напряженно дрожали, а лоб блестел мелкими бисеринками пота. Студенты тоже притихли, как будто боялись вспугнуть того соловья...

Под впечатлением воспоминаний об этой встрече, у меня появилось непреодолимое желание поклониться павшим воинам в этой Великой войне, почтить

память и отдать дань моему отцу – фронтовику... Захотелось проехать к Кривцовскому мемориалу, что находится по дороге в город Болхов.

И вот спустя несколько минут я уже мчался по дороге, ведущей к памятному для орловцев месту... Вдоль неё проплывали маленькие деревни – одна похожая на другую. Ветхие дома, в большинстве своём были укутаны кустами самосева. То у одной, то у другой хаты, опершись на деревянные палки, сидели на завалинках неприятельно одетые старушки, отрешённо глядя на дорогу. По всему видно было: все глаза проглядели дожидаясь своих... На задворках некогда ухоженных садов белой кипенью цвели ранние груши, одиноко возвышаясь в глубине подвожий, за палисадами.

Незаметно доехал по трассе Орёл-Болхов до поворота, уводящего на Кривцовский мемориал, и вскоре оказался на месте захоронений.

Именно здесь, в Болховском районе, шли ожесточённые бои с фашистами. Сражаясь за Кривцовскую и соседние с ней высоты в 1942-1943 годах, солдаты и офицеры Красной Армии проявили беспримерное мужество и самопожертвование. Наши потери убитыми и пропавшими без вести исчислялись многими тысячами. Неслучайно поймы рек Оки и Зуши, по которым проходила линия фронта на участке от Болхова до Новосила, получили название «Долина смерти».

На склоне Кривцовской высоты, недалеко от одноименной деревни, в память о тех трагических событиях 16 сентября 1970 года на самом крупном захоронении в границах Орловской области, был открыт мемориальный комплекс. Здесь вдоль центральной дорожки аккуратно высажена аллея из молодых деревьев. За ней, у начала берёзовой рощи, возвышается высокая пирамида. У её подножия, на высоком постаменте, установлена скульптура солдата, олицетворяющего всех воинов. На одной из граней пирамиды высечены слова из «Реквиема» Роберта Рождественского: «Люди! Покуда сердца стучатся, – помните! Какой ценой завоевали счастье, пожалуйста, помните!»

Я долго смотрел на рослого молодого парня, отлитого из бронзы. Худощавое строгое лицо выражало решительность и доброту. Казалось, что он только на несколько мгновений остановился после боя, оглядываясь и запоминая поле сражения, место гибели своих товарищей – и вот-вот сойдёт с гранитного пьедестала, чтобы отправиться домой, где продолжают ждать его возвращения...

В отдалении от памятника, на зелёном газоне, установлены бетонные надолбы как символы военных захоронений. Среди берёзовой рощи дорожка-просека ведёт к прямоугольной площадке, на которой две большие братские могилы. Вдоль них, по всей протяжённости мемориальные плиты с указанием воинских частей, сражавшихся на кривцовском направлении. Здесь же, у высокого обелиска, горит Вечный огонь, возвышается Поклонный Крест и Памятник Матери, скорбящей о своих детях.

На территории мемориала покоится 641 советский воин, погибший в Болховской наступательной операции и найденный в местах боевых действий. Но это далеко не все павшие здесь, до сегодняшних дней поисковые отряды обнаруживают всё новые и новые останки бойцов, перенося их останки в эти братские могилы...

Не торопясь я прошёл по территории мемориала в окружении печальных берёз. Под ними в молодой траве пестрели жёлтые первоцветы. Величавая тишина рядом с монументом Матери, потерявшей своих сыновей, заставляет думать о вечности.

На этом мемориале невозможно в одно мгновение окинуть взглядом памятные таблички с фамилиями лежащих тут. А сколько таких мемориалов!

В звенящей тишине это место выглядит торжественно-скорбным. Сами собой вспомнились слова песни Владимира Высоцкого:

«На братских могилах не ставят крестов, и вдовы на них не рыдают, к ним кто-то приносит букеты цветов, и Вечный огонь зажигают. Здесь раньше вставала земля на дыбы, а нынче – гранитные плиты. Здесь нет ни одной персональной судьбы, – все судьбы в единую слиты...»

Глядя на пламя Вечного огня, я пытался представить себе бои, которые выпали на долю моего отца и лежащих здесь бойцов. Вспоминал своё послевоенное детство, которое оставило неизгладимый след в моей памяти среди гигантских воронок от разорвавшихся снарядов, в окопах, вырытых советскими солдатами в брянском лесу. Вспоминаю обрывки рассказов фронтовиков, вернувшихся в посёлок, бабушку по отцовской линии, сожжённую немцами в одной из деревень вместе с её односельчанами на Брянщине...

Со времён Великой Отечественной прошло столько лет. Шрамы на земле заросли травой и лесом, но всё в памяти.

Погрузившись в свои мысли, я просто стою в окружении берёз. И вдруг живой, пронзительный птичий голос разрезал немую тишину. Это в ветвях берёз запел свою майскую песню болховский соловей.

Поэзия

ЛЕОНАРД ЗЛОТАРЁВ

ФРОНТОВОЙ ГОРОДОК

Богатырская песня

*«Зело крепок орешек».
О Козельске – хан Батый.
Из летописи.*

*Жили в России, поле косили,
Русскую речь берегли.
Грянули вороны – чёрные оргии
И до истоков дошли.
Малоархангельск, Малоархангельск
Встал за Россию – горой!
Малый Архангельск, Малоархангельск –
Малый наш город – герой!
Встали свободные силы народные,
Люди великой страны.
Центром мы были, врага били
В самом горниле войны.
Семь километров огненных ветров,
Подвига наших солдат,
Где нас обагрят – семь месяцев брали
(Да так и не взяли!) –*

Малый наш Сталинград.
Вот он красуется – важен, рисуется
В центре Железной дуги.
В прахе и пепле мы только окрепли,
И – до Победы шаги!
Хлебный, красивый – в сердце России,
Дух богатырский живой.
Нам обелиски по-прежнему близки,
Подвиг с седой головой.
Малый Архангельск, Малоархангельск –
Мал золотник, да дорог.
Дорого стоил Малоархангельск,
Наш героический город!
Как и Козельск, один к одному,
Чтит Мурашихинский лес
Малоархангельск, слава ему!
Высшая почестъ с небес!

Малоархангельск

(На стратегическом направлении)

Только сейчас и понял,
Что было тогда, какой ад
В железной пурге.
Семь месяцев насмерть
Стоял Малоархангельск
На Орловско-Курской дуге,
Как Одесса и Сталинград!
Семь месяцев шли они
Семь километров –
От Глазуновки и Поньрей!
До сих пор вымывает кости большого веса.
Но в том-то вся суть и печаль,
Что свое время не сделала пресса –
Про Малоархангельск сказав невзначай.
Штрафники потому что тут гибли,
Штрафбаты, «Армия Рокоссовского»
И просто так, «лишние» люди, как эхо гражданской войны,
Тут обагрят поля, -
Не считаны тыщи.
До сих пор на той самой кровянице
Хлеб рождает земля,
Все пропавших без вести ищем.
Не одни областные города
Одолели беду, говорят.
А Ельня? А Мга? Вот и Малоархангельск,
С юга обороняя Москву,
Почти семь месяцев
Стоял и не пал -
На самом ходу, на стратегическом направлении,
Как Одесса и Сталинград!

*Мал золотник, да дорог, удал.
Защитил Курск, освободил Орёл,
Первая фаза операции «Багратион»,
Освобожденье Отечества - до самой границы.
Велик в подвиге, хоть и мал.
Как перемесили его кровь и металл!
Весь наш народ городок защищал,
Подвиг на всю Россию!
Вот и сейчас с юга Москву замыкает!
Малых подвигов не бывает!*

На Малоархангельских высотах (песня)

*Тут, на высотах, сражались они,
В центре Железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги.*

ПРИПЕВ

*Здесь был войны той апофеоз,
Здесь погибали тогда.
Их, молодых, хоронили без слез
В шепотах русских берёз.*

*Тихие плиты. Вечный покой
Ангел послал навека.
Редкие слезы смахните рукой
В центре всего городка.*

*Матери ваши с огромной страны
По одиночке лежат.
Спите спокойно, герои войны,
Помним вас, наших ребят.*

*Тут, на высотах, сгорали они
В центре Железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги.*

ПРИПЕВ

*Спите, родимые, спите!
Вас хоронили без слёз.
Голову, люди, склоните.
В шепотах русских берёз.*

Песня про лейтенанта

*«Тихо вокруг».
Высотки покрыты мглой.
Город во храмах приснится вдруг –
Лучший мой город земной.*

«Письма твои получаю»,
Штемпель на них полевой.
И в адресочке одни только точки,
Город страды боевой.
«Темная ночь»,
Только пули в степи и снуют.
Плакать не в мочь,
Завтра, наверно, убьют.
Только ветры свистели по ржи.
Только танк в той степи догорал.
Соловей, расскажи!
Как танкист - лейтенантик сгорал!
Как проклятья гремели врагу,
Как парнишка рыдал... Не могу!
Как услышу на том берегу,
Все к тому лейтенанту бегу.

Письмо из окопа

«Милая, любимая, родная!
Мне в атаку, солнышко встаёт.
Знаю, скоро точка огневая
Всех нас до последнего возьмёт.
Просто так засыпят у дороги,
Звёздочку жестяную прибьют.
Схоронили так уж очень многих.
Тут перед окопом и убьют.
Тридцать вёрст всего-то между нами,
Хоть денёк у взводного прошу,
Говорит, возьмешь в атаку знамя...
В общем, если подвиг совершу...
Совершу и, значит, в землю лягу,
Но зато, мол, попаду в музей...
Приготовь мне, Маша, стопку, флягу
На помин души моих друзей.
Просто так лежат перед окопом —
С ночи на нейтральной полосе.
Как бежали, так и ткнулись боком,
Пулеметом ссаженные все.
Милая, любимая, родная, ты хоть будь!
С сыночком ты живи!
Вот за вас и знамя поднимаю,
Крикни напоследок, позови.
Милая, любимая, родная!
Нам пора уж, знамя где-то там...
Мне дают. Вот надо мной взлетает!»
Падают последние сто грамм.

Сабуровское поле

Сабуровское поле у высот,
На подступах к Малоархангельску.

*Тут птицы останавливают лёт,
Когда летят, кричат над ним по-ангельски.*

*Тут тысячи легли в одной атаке,
Смертельная их жатва догнала.
И алые сабуровские маки
Весною встали, где она была.*

*Один цветок - загубленная жизнь,
Стеной соборной, размахнулось поле.
Постой же, жаворонок, поддержишь!
Они легли, чтоб вы летали вволю.*

*Все здешние, штрафбаты, хлебробы!
Они пахали многие поля.
Но это вот, в Сабурово, особо,
Особо перепажана земля.*

*Какую рожь тут собирали годы!
Какой собор печальный на крови!
Они лежат тут, многие народы,
И эти маки - дань земной любви.*

*Печаль проходит, память остаётся.
За Красной Зорькой солнце западёт.
Увидишь звёзды тут, на дне колодца,
И каждый раз дух кровью обольётся,
А сердце остановится, замрёт.*

Дети войны

*Дети войны те же фронтовики...
Те же бомбёжки и мины...
В атаку ходить нам, таким, не с руки,
Шеи тонки и длинны...
Гена, два Толика – переулочек Косой,
Какого уж нет и в помине.
И я чуть сзади – без лопаты, босой.
И мины кругом на mine!
Столб подняло, промолотило,
Пыль оседала в траву.
Крылатка красивая, что же ты натворила
К празднику, к Покрову!
Шёл сорок третий. Кругом тишина.
Белые, белые лица.
А нас на повозках всё возят в больницу.
Всё не кончалась война.*

Трофейное кино

Песни по городу мчатся с душой,
 Их не забудешь вовек.
 Митя Самойлов – язычник большой,
 Очень большой человек.
 Крутит кино! Как будто князёк,
 Митя сидит, движок тарахтит.
 – Трофейное кино! Трофейное кино!
 Из довоенных, «Дилижанс» оно, –
 На весь Малоархангельск он кричит.
 «Эх, путь – дорожка фронтовая!
 Не страшна нам бомбёжка любая!
 А помирать нам рановато,
 Есть у нас ещё дома дела».
 Песни, что вы творите со мной!
 Ставит пластинки язычник.
 «Зою» показывал левой одной,
 Плакал майор – пограничник.
 Плакал весь город, плакали все –
 Дети погибших отцов.
 И ненавидели мы подлецов,
 Не голодавших, свои «лампасье»
 Жравших на смерти наших отцов.
 «Эх, путь – дорожка фронтовая!
 Не страшна нам бомбёжка любая!
 А помирать нам рановато,
 Есть у нас ещё дома дела!»
 Митя Самойлов, – в трофейном кино
 Мы навидались всего!
 Митя Самойлов, как было давно,
 Крутит кино! Крутит кино!
 Пятый сеанс уж. Что же оно
 Нам не покажет его самого!

Крылатый солдат (песня)

Есть такой памятник у деревни Васильевки,
 что за станцией Малоархангельск.

Слова Леонарда Золотарёва
 на музыку Михаила Ножкина.

Мы слишком долго, слишком долго отступали.
 Аж от границы пятимись сюда.
 И вот мы дома тут, мы дома тут, мы встали.
 Мы – серединные, мы были тут всегда.
 Малоархангельск – Малый городок.
 Жестокий фронт, но мама рядом, близко.
 Дай на побывку пустят на часок,
 Прильну к груди и снова в зону риска.
 Курган в степи, курган в степи. Гробы и доски.

*И нам туда, и нам туда в расцвете лет.
А был ведь хуторок тут, Рокоссовский.
Тут люди жили, а теперь их нет.
Я завтра под Сабурово намечен,
А послезавтра лягу под Панской.
Не бойся, мама, я бессмертен, вечен
В кровавой сатанелости людской.
Запомнюсь я, запомнюсь я, как щит и меч.
Наверно, скажут: был парнишка честный.
А я такой, а я такой, – об чём там речь? –
Так и останусь, мама, неизвестный.*

*Я в плащ-палатке на крылах взлетаю
Под облака, под самую грозу.
Дай до Берлина после смерти прошагаю,
На пузе до победы проползу.
Малоархангельск – Малый городок.
Мы же свои, святая Русь, святая.
Как что давать, так чуточку, чуток.
Как погибать, так братских тут хватает.
Запомнюсь я, как щит и меч, как щит и меч.
Наверно, скажут: был парнишка честный.
А я такой, а я такой, – об чём там речь, –
Так и останусь, мама, неизвестный.
Один полёт, один полёт, одна семья.
Наверно, скажут: был солдатик честный.
Ах, мама, мамочка, да что там ты и я?
Да весь наш фронт, Центральный фронт,
Центральный фронт, Центральный фронт
Останется тут примечательностью местной.*

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
г. Тула

МЫ – ИЗ ГОРОДА-ГЕРОЯ

Когда уйдёт последний фронтовик

*Когда уйдёт последний фронтовик
Под вздох друзей и под стенанье близких,
Замрёт планета на короткий миг,
И, вздрогнув, покачнутсяobeliski.*

*И там, где нет ни ночи и ни дня,
Где ветра нет и нет травы зелёной,
Там ветерана встретят, как родня,
Все тридцать павших в битвах миллионов.*

*И ангелы, ведущие учёт,
В свой скорбный лист его запишут вскоре.
И, визу ставя, Бог произнесёт:
– Ну, наконец-то вся команда в сборе.*

*У Леты на холодном берегу,
В потустороннем тусклом полумраке,
Он встретит тех, с кем замерзал в снегу,
С кем отступал, и с кем ходил в атаки.*

*– За Родину! За Сталина! Ура! –
Они кричали, в бой себя бросая.
И вдруг пред ним возникнет медсестра,
Что жизнь отдала, его спасая.*

*И в сердце хлынет тёплая волна,
И тело, как при жизни, встрепенётся,
И неизбывной нежности полна
Его душа к её душе рванётся.*

*Не поглотит забвения вода
Героя, что принёс свободу людям.
Ему не будет страшного суда,
Поскольку победителей не судят.*

*Фронтовику путёвку в рай дадут,
Где много райских птиц и райских звуков.
И в гости к нему первыми придут
Весь в чёрном Сталин,
И весь в белом Жуков.*

9 мая. Вечер

*Погас закат на горизонте,
Покрылось небо синевой.
На берегу реки в ротонде
Оркестр играет духовой.*

*И как всегда монументален,
В мундире, а не в пиджаке
Сам дирижёр, товарищ Балин,
Маячит с палочкой в руке.*

*Звучит «Прощание славянки»,
Да так, что в жилах стынет кровь,
И, как на солнечной полянке,
Играет парень про любовь.*

*И ветераны, наши деды,
Взметнув ладонь под козырёк,
Поют про светлый день победы,
И как он был от них далёк.*

*Бежит минута за минутой.
Народ волнуется кругом.
Все с нетерпением ждут салюта,
И вот он грянул, словно гром.*

*Грохочут пушки, как на фронте,
Цветёт салют над головой,
Но ясно слышно, как в ротонде
Оркестр играет духовой.*

Всё это было в грозном декабре

*Всё это было в грозном декабре,
Когда морозы лютые трещали.
Танкисты наши на Косой Горе
Посёлок от фашистов очищали.*

*Летели вести в сторону Москвы,
И радовали сердце непрестанно:
Уже свободны Струково и Рвы,
На очереди Ясная Поляна.*

*И, обломав под Тулой свой таран,
По мёрзлым кочкам,
В снеговой завесе
На запад драпал Гейнц Гудериан
В обшарпанном холодном «мерседесе».*

*И за собой закрыв тяжёлый люк,
И, подмигнув приятельски друг другу,
Садись в танки Гетман и Ющук,
Их путь был на Берлин через Калугу.*

*Танкисты шли, как говорят, ва-банк,
Сплошной лавиной из огня и стали,
Лишь на Косой Горе
Один остался танк,
Навеки замерев на пьедестале.*

Святые имена

*Погибшие под Тулой и Москвой,
Мы не забыли облик ваш живой.
Идёт семидесятая весна,
Мы не забыли ваши имена.*

*Вы – наша сила, мужество и честь.
Пусть до вас летит благая весть:
Живёт страна, что вами спасена,
И повторяет ваши имена.*

*С высот небесных в этот светлый час
Вы смотрите с тревогою на нас.
Пусть сегодня наша жизнь трудна -
Мы не забыли ваши имена.*

*Вы видите своих однополчан
Вы, юные, им снитесь по ночам.
Блестят их боевые ордена,
В сердцах сияют ваши имена.*

*У ветерана – голова седа.
Одна победа вечно молода.
Она идёт, прекрасна, как весна,
Возносит в вечность ваши имена.*

*О, сколько в нас живёт святых имён:
Сергей, Василий, Николай, Семён,
Петры, Ивана – всех не перечестъ.
Вы – наша сила, мужество и честь.*

*И сотни лет, и тысяча пройдёт _
Вас не забудет русский наш народ.
Какие б не настали времена,
Мы не забудем ваши имена.*

*Товарищ, ниже голову склони,
Погибших добрым словом помяни.
Свободой им обязана страна.
Мы помним их святые имена.*

Очень 1941

*Морозом схваченная грязь
Хрустит под сапогами.
Уходит вдаль шоссе, змеясь,
Кишмя кишит врагами.*

*Моторы яростно рычат,
Карабкаясь на взгорок.
Вдыхает вражьи танков чад
Рогожинский посёлок.*

*Оставив сзади прах и пыль,
Слёз реки, трупов горы,
Уже фашисты видят шпиль
Всесвятского собора.*

*Уже кружится голова
В предчувствии разгрома.
Ведь там – рукой подать – Москва.
Но не сдаётся Тула.*

Фашист голодный,
Словно волк,
За танковой бронёю.
Встал на пути рабочий полк.
А это что такое?

Когда щетинились штыки,
От Дона до Урала
Всегда рабочие полки
Россия собирала.

Взгляни за дальние века -
Там в зареве суровом
Хоругвь рабочего полка
Над Полем Куликовым.

Вот Тульский кремль.
И в свой черёд
Под башнями-шатрами
Иван Болотников встаёт
С рабочими полками.

О бонапартовскую рать
Ломать свои дубины
Умели, надо понимать,
Рабочие дружины.

Был в девятнадцатом году
Деникин с Тулой рядом.
Рабочий класс сказал:
- Иду
Громить его отряды.

Сыны Кузнецкой слободы,
Рабочие Чулкова,
Вы снова сдвинули ряды,
Оружье взяли снова.

И впереди,
Равняя строй
Спецовок, телогреек,
Шёл -
Наша гордость, наш герой,
Наш комиссар Агеев.

Переулок гусеничный
Далеко от суеты столичной,
В городе, в котором я живу,
Тихий переулок Гусеничный
Прячется в зелёную листву.

Токарями славится своими,
Слесаря найти немудрено.
Кто ему придумал это имя?
Вроде бы нелепое оно.

Только я к нему привычен с детства,
Потому что, тоже под листвой,
Танковый простёрся по соседству,
А чуть-чуть подальше – Броневой.

И от этой от черты суровой,
Через сотни рек, полей, долин
Грозные танкисты Катюкова
Путь свой начинали на Берлин.

Мы идём тропинкою росистой.
на завод торопимся к восьми,
Токари проходят, металлисты
Вместе с сыновьями, с дочерьми.

У калиток звякают колечки,
Нам вдогонку скворушка поёт...
Угол дома.
С голубой дощечки
Имя необычное встаёт
И летит раскатисто и гулко
В даль годов
В иные времена.
И живёт в названье переулка
След, что здесь оставила война.

Токарев

Я увидал его у верстака.
Был тихий день.
В окно вливалось лето.
Но ощутила вдруг моя рука
Невидимую тяжесть пистолета,
Как будто подошёл я к той черте,
Где вдруг возникли из огня и гула
Две буквы неразлучные – «ТТ»,
Как неразлучны Токарев и Тула.

Склонившись белой-белой головой,
Он над тисками неподвижно замер -
Обычный человек,
Мастеровой
С внимательными умными глазами.

На стенке мирно тикали часы,
Да сталь в его руках легко звенела,

*Лишь выдали гвардейские усы
Его причастность к воинскому делу.*

*Вы помните:
Врагов в былых сраженьях
При имени его бросало в дрожь...
А он работал -
Старый оружейник,
На доброго волшебника похож.*

Колоски

*Был пионерский лагерь растревожен.
Вожатый, приподнявшись на носки,
Кричал:
- Друзья, колхозникам поможем!
Мы завтра собираем колоски!*

*Нам наволочки выдали с утра.
И баянист нам марш сыграл два раза.
Заданье было это, как игра,
Для нас, учеников второго класса.*

*Мы шли на поле.
Васильки цвели.
И в поднебесье ласточки летали.
И пели жаворонки
И вдали
Кузнечиками жатки стрекотали.*

*Тяжёлыми усами шевеля,
Шептались золотистые колосья.
Но монотонный звук,
Как гул шмеля,
В привычное входил многоголосье.*

*И распрямившись, женщина с серпом
В ту сторону глядела, не мигая,
Где глухо рокотал далёкий гром,
И сотрясала землю дрожь тугая.*

*И снова воцарялась тишина.
А по земле,
Колосья подминая,
Четвёртую неделю шла война,
Всё чаще о себе напоминая.*

Музей оружия

*Сталь секиры. Лука полукружье.
Тяжесть ружей. Сабли остриё...*

*Я люблю тебя, музей оружия,
Тихое пристанище моё.*

*Средоточье мысли и металла.
Из бывшего – будущему весить.
Всё, что отгремело, отблистало,
Всё навеки прописалось здесь.*

*Я люблю твои святые своды
Все в узорах фресок расписных.
Я люблю девчат-экскурсоводов -
Молодых хранительниц твоих.*

*Я люблю живой поток народа,
Льётся в будни он и в выходной,
И дыханье древнего завода
За кирпичной крепостной стеной.*

*В этих залах шаг почти не слышен,
Даже муха здесь не про шумит.
Я люблю застывших ребятишек
У твоих бесценных пирамид.*

*Здесь работу самой высшей пробы
Встретишь ты на каждом этаже,
Я люблю твой двухмиллиметровый
Револьвер системы Лефоше.*

*Я люблю стволы, боеголовки.
Что ни стенд – то чудо из чудес,
И знакомой мосинской винтовки
Виртуозно сделанный разрез.*

*Снова прихожу сюда и снова,
Чтобы любоваться без конца
Крутизною пушек Шипунова,
Стройностью ракет Макаровца.*

*Автомата славного создатель,
На весь мир сегодня знаменит,
На меня мой добрый друг-приятель
Михаил Калашников глядит.*

*Самые желанные здесь гости,
Чьи работы – просто на «ура»,
Ваня Щербино и Сушкин Костя -
Золотые чудо-мастера.*

*А когда наступит поздний вечер,
То идут со стендов на простор
Смит и Вессон, Кольт, Наган, Винчестер
И ведут неслышимый разговор.*

*Но не об оружии суровом
Говорят стальные короли,
А о том, что под надёжным кровом
Все они бессмертье обрели.*

** * **

*Живут ребята и девчата
Во всех краях родной земли,
Что родились в конце тридцатых,
Что всю войну насквозь прошли.*

*Закутаны в пальто и шали,
У мамы сидя на руках,
Мы тоже драться помогали
Своим отцам на всех фронтах.*

*Когда окопы сталь кромсала,
И становился враг лютей,
Солдат в смертельный бой бросала
Святая память про детей.*

*Потом, в минуты передышки,
Когда смягчит свой гнев грозы,
Пелёнки снились им, пустышки,
И наши детские глаза.*

*А мамы возле нас вздыхали.
И мы с наивностью птенцов
Ребячьим сердцем постигали
Тот мир, где не было отцов.*

Тепло

*Сколько годов
Всё картина одна пред глазами:
Где-то вблизи громыхает война.
Вижу я мать молодую свою на базаре:
Робко торгуясь,
Дрова покупает она.*

*Было хождение то ежедневно пыткой:
Если картошку не сварить -
Ребятам конец.
По три полена стояли дрова пирамидкой.
Около дров непреклонный ходил продавец.*

*Выглядел он браконьером иль вором.
Сытый, мордастый,
Исполненный сил,
Не поддавался, подлец, никаким уговорам.
За три полена высокую цену просил.*

*Таяли мамины деньги, и таяла сила,
Только нелёгкую долю она не кляла.
По три полена с базара домой приносила,
Медленно-медленно через весь город брела.*

*Мы из-под драных одежек своих вылезали,
Мы ожидали её у промёрзших дверей.
Как же пылали дрова,
Орошённые густо слезами:
Очень горячие слёзы в глазах матерей.*

*Холод костлявой рукою стучался в окошко.
Мы оживали в скупом мимолётном тепле.
А на столе у нас густо дымилась картошка -
Не было лакомства слаще её на земле.*

*Мы её дружно за обе щеки уплетали,
Всем существом принимая такое житьё.
Жарче огня нас в те трудные дни согревали
Мамины руки и тёплые губы её.*

*Время, как паводок,
Время смывает невзгоды,
Только какой бы хорошею жизнь ни была,
Не забывайте далёкие грозные годы,
И потому для людей не жалейте тепла.*

Тула - Город-герой

*Мы ждали, что это случится,
Что слава твоя впереди,
Что будет достойно лучиться
Звезда у тебя на груди.*

*Не думала ты о награде,
Когда выходила на бой,
В суровой и грозной осаде
Москву заслоня собой.*

*Не думал ты о награде,
Когда, оккупантам на страх,
Ковала в рабочей бригаде
Оружье в разбитых цехах.*

*Тебе воевать не впервые.
И смело мои земляки
Бросались на танки чужие
И шли на фашистов в штыки.*

*И жизни своей не жалея,
На подвиг вели туляков*

*Твои комиссары – Агеев,
Твои командиры – Горшков.*

*Над каждым окопом и дотом
Она восходила тогда,
Добытая кровью и потом,
Твоя Золотая Звезда.*

7 декабря 1976

Военный трамвай

*Была недалеко передовая.
И было слышно, как грохочет бой.
И раненых возили на трамвае
До госпиталя с той передовой.*

*Трамвай гремел вдоль опустевших улиц,
Стремительно летел через мосты,
И следом рельсы ржавые тянулись,
Как старые засохшие бинты.*

*А над трамваем «юнkersы» гудели,
И грохали зенитки на углу.
И отрешённо вверх бойцы глядели,
Лежащие в трамвае на полу.*

*В бреду металась и ругались матом,
Солдаты, опалённые войной.
И слёзы лил вожатый -
С автоматом
И с толстою косою за спиной.*

9 мая 1945 года

*Я помню зелень вешних скверов
И купол неба голубой,
И драку юных офицеров
Не как-нибудь, а со стрельбой.*

*Дрались салаги-лейтенанты,
Не побывавшие в боях.
Пропали все их таланты,
Их командирский дух зачах.*

*Они, конечно были пьяны,
Кричали: - Сталину ура!
Им перевязывала раны
Моя сестра как медсестра.*

*Они в сраженьях не бывали,
И не слышали посвист пуль,
Они ни дня не воевали,
И их увёл с собой патруль.*

*Но были радостны их лица:
Их жизни сберегла судьба,
Хотя им после будет сниться
И эта драка, и стрельба.*

*А те, кто не дожил до мая,
Чьи души к небу вознеслись,
Глядели, недоумевая:
За что ж вы, милые, дрались?*

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ
г. Белгород

ГОРОД ПЕРВОГО САЛЮТА

ПОЛЕ РУССКОЙ СЛАВЫ

Поэма

1

*Поля, безмолвные поля,
Поля заветные державы.
Родная русская земля,
Святая русская земля,
Земля и доблести и славы.
Когда орда, в степи пыля,
Вновь заковала Русь в оковы,
Поникли тучные поля,
Смирились гордые поля
И лишь восстало Куликово.*

*Поля, суровые поля,
Поля победные России.
Родная русская земля,
Святая русская земля,
Ты столько горя выносила.
И вновь грохочет тишина,
Поля огнём объаты снова.
Москва сдана и сожжена,
Но поле есть Бородина,
Как продолженье Куликова.*

*Поля, великие поля,
Поля бесстрашия Отчизны.
Родная русская земля,
Святая русская земля,
Ты знала смерть во имя жизни.
Вставай, огромная страна,
Спасай себя от зла и боли.
Идёт священная война,
Чья правота в ней, чья вина -
Рассудит Танковое поле.*

*Поля, бессмертные поля,
Их три навеки у державы.
Родная русская земля,
Святая русская земля,
Земля трагедии и славы...*

*Три поля России, три поля России,
Как русские гордость, отвага и честь.
Три поля России, три поля России,
Никто нам не страшен, пока они есть.*

2

*Уже которое столетье
Идут на мирные поля
Разрухи, войны, лихолетья,
Но так же вертится Земля.*

*То тишина стоит сплошная,
То никнет в грохоте трава.
Как у тебя, земля родная,
Не закружилась голова?!*

3

*На Куликовом поле снова
Конь у реки призывно ржал.
От взгляда Дмитрия Донского
Мороз по коже пробежал.*

*Вновь поединок вижу гордый
Через пространство сотен лет:
Пал Челубей на землю мёртвый
И стал бессмертен Пересвет.*

4

*Мать-Россия. Свобода и воля.
Лес со степью – навеки родня.
Куликово победное поле
Шесть веков помнит топот коня.*

*Шесть веков чёрных ворогов стая
Красно солнце пыталась затмить,
Только нету такого Мамаю,
Чтоб Россию мою покорить.*

*Шесть веков на неё посягали
Под безумный воинственный клич.
Шесть веков русский дух постигали,
Но и всё ж не сумели постичь.*

*Кровь столетий сочилась подтало,
Окропля поля и луга,
А на ней выростала Полтава,
Чтобы Курская встала дуга.*

*Правоты не добьётся неправый.
Сколько зим ни пройдёт, сколько лет,
Будет вечно вставать над Непрядвой
Незакатной победы рассвет.*

5

*Сверканье изломанных линий,
Где Демон когда-то витал...
Да что нам июльские ливни,
Такое ли век наш видал?!*

*И как только выжить сумели,
Когда над судьбою земли
Смертельные громы гремели,
Нещадные смерчи прошли?*

*Когда над страной, над Россией
Всё небо вдруг стало темней...
Могуча, конечно, стихия,
Но мы устояли пред ней!..*

6

*Что о войне я нового скажу?
Какую службу словом сослужу
Её ли огневому рубежу,
Её ли полевому блиндажу?*

*На те слова мне не даны права,
Ведь я рождён в году сорок седьмом,
Когда послевоенная Москва
Ещё чернела в пепле фронтовом.*

*Я в люльке неподвешенной пищал –
Крюка стального не было у ней.
Вождь недостаток стали возмещал
Стране одной фамилией своей.*

*Шёл недород блокадой на народ,
Лишённый всех запасов на войне,
И старики сидели у ворот
Изб, не отстроенных ещё вполне.*

*И ни звездочка в скобяных ларьках,
Хоть на Руси углы все в «лапу» сбей.
И хлеба – кот заплакал! – в деревнях,
И сушь сгубила золото полей.*

*И не моя, наверное, вина,
Что в люльке навевала забытьё
Мне не война... А какова она –
Всем детством я почувствовал её...*

7

*Славяне мы.
Мы родом из России.
Мы дети
Её строек и полей.
Славяне мы.
Мы столько выносили
Зла на себе,
А делались добрей.
История прощает нам ошибки,
Оправданным –
Не навязать вины.
Славяне мы.
В любви мы беззащитны,
А в ненависти
Праведно страшны.
Славяне мы.
Мы выше чьей-то злобы,
И нам рабами быть не суждено.
Французы взяли
Некогда Европу,
А обожглись-то
О Бородино.
Одна война спешила за другою –
Я их и перечислить не могу.
Фашизм хотел
Весь мир согнуть дугою,
А сам согнут был
В Курскую дугу.
Возможно,
Мы порою грубоваты:
То –нежности,
Что в нашем сердце, щит.
Славяне мы,
Оратаи,
Солдаты –*

*На том стоим!
И мир на том стоит!*

8

*Я был «убит» в бою учебном
На месте действия полка,
И вот под месяцем ущербным
Бреду опушкой сосняка.*

*Стволы в подпалинах латунных
Мерцают в отсветах костров.
Шумит подрост сосёнок юных,
Незащищённый от ветров.*

*Но не мешает шум нисколько
Сосредоточенно брести
И дней раздробленных осколки
В подобье зеркала свести.*

*Наполнят душу отраженья
Подъёмов, маршей и работ.
И сразу в новом измеренье
Жизнь пред тобою предстаёт.*

*И в том раздумии усердном
Ты вдруг поймёшь в какой-то день,
Что «смерть» твоя в бою учебном –
Той правды первая ступень...*

9

*О солдатах скажу я слово,
Что прошли через тьму невзгод,
Когда тучей чернел сурово
Над землёй сорок третий год.*

*О солдатах скажу я слово,
Что создали реальный миф, -
Третье поле российской славы –
Поле Танковое.
О них!*

10

*Здравствуй, Танковое поле, -
вот и мы к тебе пришли,
Не изведавшие боли,
кровью политой земли.
В небе тихо...
По-за лугом
речка сонная тиха,
Но, встревоженные плугом,
бьют осколки в лемеха.*

Здравствуй, поле!
Как угодно
о людской суди вине,
Кто пришёл к тебе сегодня –
знает цену тишине.
Верь нам, поле...
Люди, верьте, -
наша память не слаба.
Между смертью и бессмертием –
человечества судьба.
Верь людскому поклонению,
верь велению любви,
Это наше поколенье
поднималось на крови.
В наших силах, в нашей воле
отобрать всю власть у тьмы.
Здравствуй, Танковое поле!
Вот пришли к тебе и мы.

11

«... На полном ходу танк старшины Найдёнова ринулся на вражескую батарею, смял четыре пушки и три миномёта. Тяжёлый удар потряс старшину...»

Из письма генерала А.Егорова, хранящегося в Прохоровском музее боевой славы.

Потерпевший под Москвой
И на Волге поражение,
В этом танковом сраженьи
Враг особенно был злой.

Тыща двести танков!.. Пыль
С кровью смешана, с угаром.
С каждым грохотом-ударом
В небеса взлетал ковыль.

Воздух бешено порол
Вой «катюш» мотивом смертным.
В боевом порядке первым
Старшина машину вёл.

Ни на пядь нельзя назад.
Вдруг – удар! На силу – сила...
И танкиста ослепила
Тьма внезапная в глазах.

А за тьмой – враги, враги...
Осознать не всё успевший,
Вёл свой танк танкист ослепший,
С болью стиснув рычаги.

Месть священна и крута,
Хоть глазницы кровью плачут.

*И казалась самой зрячей
Для врага машина та.*

*Мчался танк сквозь рёв и свист
С грозным, яростным размахом,
Словно видел над рейхстагом
Красный флаг слепой танкист.*

12

*Свой ритм
Нарушила природа
И в этом
Не её вина.
Четыре года
Время года
В стране моей одно -
Война...*

13

«Со всех участков белгородского направления поступают сообщения о том, что наши бойцы и командиры ведут самоотверженную борьбу с противником... Лётчики Н-ской гвардейской части сбили 156 немецких самолётов... Лётчик гвардии лейтенант Горовец встретился в воздухе с группой немецких самолётов...»

Из оперативной сводки Совинформбюро 13 июля 1943 года.

*Вовремя,
Без опоздания,
Закон у войны суров,
Выполнившее задание,
Шло звено «ястребков».
Нынче везло им крупно –
Ясен был свод небес.
Был, замыкавшим группу,
Лейтенант Горовец.
Зная врага повадки,
Смотрит не только вперёд.
Сзади, из-за посадки,
«Юнкерсов группа прёт.
«Фрицы», - в эфир сказал он, -
«Первый», ты слышишь? нет?»
Но, как назло отказала
Рация в тот момент.
Гулко в висках стучало:
«Что ж, против всех – один!»
И – на куски для начала
Одну из вражьих машин.
«Ах ты, фашист проклятый!» -
Лётчик гашетку жал.
Пятый...*

Шестой...
Девятый
«Юнкерс» сбитый пылал.
Снова враги сомкнулись...
Кончился боезапас.
Справа под боком – «юнкерс»,
«Фоккер» - у самых глаз.
Молнией мысль мелькнула:
«Выход один – таран!»
... Вдруг самолёт взметнуло.
Взрыв!
Тишина...
Туман...

Вовремя,
Без опоздания,
Выполнив долг святой,
Без одного с задания
Группа пришла домой...

14

«В 1939 году я был призван в армию. Провожала меня девушка, хороший мой товарищ. Но по воле случая мы потеряли друг друга из виду и встретились только на войне...»

Из автобиографии белгородского поэта-фронтовика
Константина Мамонтова.

Кутаясь в кургузое пальтишко,
Детского отчаянья полна,
С юным и застенчивым парнишкой
Вышла попрощаться и Она.

В шуме довоенного вокзала
Горько ощущалась тишина.
Только их надежды разбросала
Пó свету жестокая война.

Мачехе-судьбе не повинуясь,
Верил он в несбыточность почти.
Письма с той девчонкой разминулись,
С нею разминулись и пути.

Смерть с войной в соседстве неизбежном,
Но и жажда жить вдвойне сильней.
И таил солдат в себе надежду –
Встретиться с надеждою своей.

От роду в рубашке был он, что ли?
Смерть щадила путь его земной,
Но в бою однажды, в чистом поле,
Был он ранен на передовой.

*Падал он под залпы батареи,
А когда очнулся – тишина.
– Жив, - услышал, слуху не поверив.
И склонилась над бойцом Она.*

*Выдюжил солдат, стерпел все боли,
Смертный бой он выдержал с судьбой,
Ведь случилось так, что с поля боя
Вынесла его сама Любовь.*

*Видел он опять, как видел прежде,
Детское сияние очей.
И сбылась, сбылась его надежда –
Встретился с надеждою своей.*

15

*«Ни в чёрта и ни в бога
Не верим, друг, с тобой...»
Военная дорога
Да дым пороховой.*

*Закончили до срока
Друзья свой путь земной.
Ни чёрта и ни бога –
Лишь дым пороховой...*

16

«Батарея 76-мм артиллерийских орудий, которой командовал гвардии капитан Андрей Попов, во время Курской битвы принимала участие в освобождении его родного села Сажное Яковлевского района...»

Из рассказа старого артиллериста.

*– Бой уходил на запад,
Выжжены степь и луг.
Трупный угарный запах
Ветер носил вокруг.
Здесь, посреди июля,
Выжившая едва,
Шею себе свернула
«Мёртвая голова».
«Тридцатьчетвёрки» валом
Мчались в густой пыли.
Всё, что броску мешало,
Стёрли с лица земли.*

*... Дыма пройдя завесу,
(Бой лишь на миг умолк),
Вышел к опушке леса
Артиллерийский полк.
День подходил к закату,
Время к победе шло.*

Слышим слова комбата:
«Братцы, моё село...»
И, обступив комбата,
Глаз не сводя с села,
Будто в чём виноваты:
«Ну, - говорим, - дела...»
С криком «ура-а!» пехота
Круто взяла подъём,
Но поредела рота
Скошенная огнём.
Смотрит комбат нам в лица,
Взгляд напряжённо-лют:
«Братцы, из дома фрицы,
Где я родился, бьют...»
И уже на изломе,
Голос его не свой:
– Огонь!
(По родному дому!)
– Огонь!
(По земле родной...)

Позже с моим комбатом
Брали мы много сёл,
С ним я, как с кровным братом,
Аж до Берлина шёл.
Внемля Победы грому,
Помнил всегда тот бой:
– Огонь!
(По родному дому!)
– Огонь!
(По земле родной...)

17

«В лагере, находившемся в доме № 6-8 по улице Комсомольской (теперь ул. Коммунистическая), ежедневно умирало от голода, массового избиения и расстрелов до 50 человек... Расстрелянных и умерших от голода складывали на повозки, впрягали по 20 человек военнопленных и под конвоем фашистов вывозили на кладбище в Дальний парк. Когда вывозили со двора трупы, то кровь расстрелянных орошала дорогу...»

Из акта комиссии Белгородского городского Совета депутатов трудящихся от 10 сентября 1943 года «О злодеяниях и расправе немецко-фашистских оккупантов с военнопленными в белгородских лагерях».

В Белом городе
дни темнели
С чёрной свастикой
у дверей.
Выводили здесь
на расстрелы
Неповинных
ни в чём
людей.

Кровью
 мать-земля
 пропиталась
 Сыновей своих,
 дочерей,
 А дожить им всем
 так мечталось
 До победных дней
 поскорей.

Сколько лет прошло?! –
 сердце стынет,
 Хоть в цветении
 все сады,
 Ведь не смыты –
 нет! –
 и поныне
 Страшных лет кровавых
 следы.

В Дальний парк иду –
 всем он близкий,
 И молчу в его
 тишине.
 Шпиль высокого
 обелиска
 Мне напомнил вновь
 о войне.

Я смотрю вокруг –
 что случилось?! –
 Маки алые
 зацвели,
 А мне кажется –
 просочилась
 Кровь погибших всех
 из земли...

18

Молодая вдова над могилой родной причитала:
 “Дай-то Бог, чтоб земля лёгким пухом на милом лежала,
 Спи спокойно, родной, - безутешно она голосила, -
 Сколько вдов на земле, не нашедших любимых могилы?”

Молодая вдова над могилой скорбела о павших:
 “Сколько есть матерей, в ожиданье до смерти уставших,
 Сколько девичьих слёз, сколько боли в судьбе нашей скорбной,
 Чтоб родная земля оставалась счастливой и доброй?!”

Молодая вдова над могилой у Бога просила:
 “Пусть воскреснет в душе безвозвратно ушедшая сила,

*Пусть для тех, кто погиб, кто навеки остался солдатом,
Вечный вспыхнет огонь и рассветов земных и закатов."*

*Молодая вдова над могилой в слезах причитала:
"Дай-то, Бог, чтоб земля после нас больше горя не знала..."
Дай, Бог... Дай, Бог... Дай, Бог...*

19

*Вдоль дороги травы
И хлебов стена,
Поле русской славы –
Наша сторона.
Защитили Правду
В битвах мы не зря.
Над водой Непрядвы
Мирная заря.*

*Танковое поле,
Дней кромешный ад.
Здесь народам волю
Отстоял солдат.
И в сраженье новом
Русь была сильна
Поле Куликовым,
Днём Бородина.*

*Дружно зреют вишни,
Близится июль,
И давно не слышно
Свиста мин и пуль.
Но шумят дубравы
И цветут луга,
Поле русской славы –
Курская дуга.*

20

*Позапаханы ровно траншеи,
Поросли и окопы быльём,
И земля, как всегда, хорошеет,
Освежённая летним дождём.*

*Налетел он упругий и краткий,
Ребяtnю по селу веселя,
И, как школьный учитель в тетрадке,
На полях отчеркнул он поля.*

*В лёгком паре, на оцупь горячем,
Вот он рядом, как боль и любовь,
Чёрный лист для решенья задачи
Самой светлой –
рожденье хлебов.*

*«ТУ» мгновенно над ним пролетает,
Но величием сверхзвуковым
Ещё долго он нас потрясает,
Как и тающим шлейфом своим.*

*Километр – за секунду, пожалуй,
За который в пожаре полей
Здесь когда-то солдаты сражались
До последней секунды своей!*

21

*Не надо слёз и слов не надо лишних,
Ещё не все задачи решены.
Не надо, как о мёртвых, о погибших –
В священные минуты тишины.*

*Обочь дорог от Волги до Берлина,
Вовек не помышлявшие о зле,
Они лежат в земле своей родимой
И в не родимой горестной земле.*

*Мы жизнью им обязаны до гроба.
И, не теряя вечного родства,
Скорбит о них спасённая Европа,
Склонилась непреклонная Москва.*

*В бушлатах и шинелишках потёртых
Солдаты шли в бессмертный свой запас.
... Не надо о погибших, как о мёртвых –
Они, как прежде, защищают нас.*

22

*Приношу к обелискам
Свой сердечный поклон
Скорбным памятным спискам
Ближних русских имён.
Ивановы, Петровы,
Да Седых и Черных,
Как в обойме патронов,
В списке павших других.
В отклубившемся дыме
На родных большаках
Вам всегда молодыми
Оставаться в веках.
Мне, рождённому в мире,
Вы с высот огневых
Подарили четыре
Кратких жизни своих.
В чувстве долга ответном
Чётко поняли мы,
Что ни вёсен, ни лет нам*

*Нет без вашей зимы, -
Где метель партизанит
По лесам и холмам,
Где душа примерзает
К орудийным стволам!..*

23

*Давно отгремели раскаты
Боёв над весенней страной.
Никак не вернуться солдаты
С минувшей войны мировой.
Вам снятся опять фронтовые
Дороги, где юными шли.
Живите подольше, родные,
Защитники нашей земли.*

*Когда опалённые тропы
Травой покрывались едва, -
Пред вами склонилась Европа,
Салютом встречала Москва.
Года той войны роковые
Сквозь боль вы к победе вели.
Живите подольше, родные,
Спасители нашей земли.*

*Свои рубежи вы держали,
На смерть ради жизни вы шли.
Простите за то, что Державу
Мы вашу сберечь не смогли.
Простите за речи иные,
Что нам привезли издали'.
Живите подольше, родные,
Радетели нашей земли.*

*О чём вы грустите часами,
Сойдясь в ветеранском кругу?
За то, что живём, перед вами
Мы все в неоплатном долгу.
Вы горечь и совесть России,
Примите поклон наш земной.
Живите подольше, родные,
Солдаты второй мировой.*

24

*Неужто планета увянет,
И мы запоздало поймём,
Что скоро то время настанет,
Когда и не будет времён?
Неужто вершина познания –
Низина с нейтронной золой,
Когда потеряет названье*

*Всё то, что зовётся землёй?
Неужто леса и поляны
Кровавым дождём оросим,
И громы последние грянут,
Как будто бы сто Хиросим?
Неужто в безмолвии лета
Исчезнет из речек вода?
Неужто увянет планета
И солнце зайдёт навсегда?*

*А небо искрится лазурью,
Не зная того наперёд,
Что чёрною тенью безумье
По белому свету идёт...*

25

*И вновь я думаю о доле,
О боли родины моей.
С платформы «Танковое поле»
Смотрю на солнечность полей.
Смотрю на братские могилы,
Что в центре каждого села.
Какая жизненная сила
На этом поле полегла?!
Смотрю на контур танка чёрный,
Смотрю на красный цвет куста –
И понимаю очень чётко,
Что победила правота.
Покуда войны есть и боли –
Надеждой светит мне во мгле
Платформа «Танковое поле» -
Платформа мира на земле.*

* * *

М.Д. Львову

*Поэты фронтового поколения,
Спасавшие страну от покорения,
Писавшие не строки мимолётные,
А огненные строчки пулемётные, -
Себя пред вашим голосом уверенным
Я чувствую солдатом необстрелянным,
А перед вашей нежностью и кротостью
Стою я с восхищением и робостью.*

*Поэты фронтового поколения,
Вы жили все по Божьему велению,
Вам пелось нелегко, и песня – с горестью,
И стали на земле для нас вы совестью.
Привычна вам вполне судьба походная,*

*Изношена давно шинель пехотная,
Но не забыты – нет! – бои, сражения:
Гремят они в стихах, как продолжение.*

*Поэты фронтового поколения,
Я думаю о вас не без волнения,
О том, что на земле вы все не вечные,
Но людям и себе, и долгу верные.
О, если бы в строю одном сомкнулись вы –
Плечом к плечу легко вы прикоснулись бы,
Но строй разомкнут ваш – ждёт обновления,
Осталось от полка – лишь отделение.*

*Поэты фронтового поколения,
Мы ваше молодое пополнение,
Не нюхавшее пороху военного,
Не знавшее потери сокровенного.
Мы зла и горя мало в жизни вынесли,
Но на крови погибших все мы выросли,
И держим мы всегда на вас равнение,
Поэты фронтового поколения.*

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

И СВЯТОЕ ЧУВСТВО ОСТРОЙ БОЛИ НАМ ЗАБЫТЬ ВСЁ ЭТО НЕ ДАЁТ

(Из книги «Три звезды»)

* * *

*От истока Неручи и ниже –
Это все родимые места.
Выйду к огороду и увижу –
Мирно дремлет стадо у моста.
Сивка-бурка воду пьёт из речки,
Гуси тоже тянутся к воде.
Трактор пашет – дымные колечки
Также мирно тают в борозде.
Над цветами бабочки порхают
И гудят мохнатые шмели.
И святое чувство острой боли
Нам забыть всё это не даёт.*

*Здесь когда-то танки грохотали,
И солдаты в бой смертельный шли.*

*В 43-м здесь, на этом поле,
Догорал советский самолёт.
И святое чувство острой боли
Нам забыть всё это не даёт.*

Памятник

*Зацвела крапива по окопам,
Летний день стоит во всей красе.
Здесь в войну хваленая Европа
Полегла на нашей полосе.
Их тогда не звали сюда в гости,
Самозванцы шли с мечом войны.
И сегодня по окопам кости –
Памятник воякам той страны.
Жизнь всегда мудрёная наука,
Каждый её должен познавать.
Едут к нам и дети их, и внуки
Чтоб над прахом их погоревать.*

** * **

*А жизнь моя, она совсем проста,
Как о летней рани тихий вздох листа.
Как первый снег в родимой стороне,
На чёрной зяби или на стерне.
А жизнь трудна бывает и сложна,
И эта сложность людям не нужна.
Тот горький дым пожаров мировых
Хранится в светлой памяти живых.
А где-то снова горизонт в огне,
Мир задохнулся в ядерной коросте,
Хотя в полях ещё белеют кости
Погибших в той – последней ли? - войне.*

Будут звёзды гореть

*За деревней моей под шумящими кронами
Чьё-то жданное счастье зарыто-схоронено.
Ждали где-то под Минском родители сына,
Проглядели глаза в растревоженной сини.
Но напрасно хранились для встречи наряды,
В утешенье – соседей такие же взгляды
Да надежда, что, может, живой и здоровый
На дорогах войны их сынок русобровый.*

*И однажды поведал им правду о смерти
Чёрный лист похоронки в помятом конверте,
Как на Курской дуге, разгибая дугу,
За деревней моей он упал на бегу.
Он упал на бегу, уронив автомат,*

*И в застывших зрачках закачался закат.
В том закате растаял его батальон,
И остался лежать за деревню он.*

*Здесь, на Курской дуге, в 43-ем году
Ему вырезал дед мой из жести звезду,
А соседка-старушка без суеты
На могиле его посадила цветы.
И теперь, когда снова над майской страной,
Словно давних сражений налёт огневой,
Слышу залпы Салюта, вижу всплески огня,
Вновь дорога ведёт за деревню меня.*

*У ограды стою, где, чисты и просты,
Все цветут на зелёной могиле цветы,
И с той самой поры, освещая года,
Всё горит и горит над могилой звезда.
Я молчу — здесь ненужными будут слова,
Мой ровесник, мои отстоял ты права:
Право жить,
право счастье под крышей иметь,
За родное Полесье твоё умереть.*

Тревожно на сердце

*Тревога на сердце, как лёд,
Душу она холодит.
Тревожные сны
Самолёт
Уносит в тревожный зенит.
Тревожно кричат поезда,
Тревожные птицы поют.
Тревожно на сердце,
Когда
Над Родиной слышу Салют.*

* * *

*Опять дожди над поймою реки,
И, словно взрывы, отголоски грома.
И вновь ко мне приходят земляки,
Их в 45-ом не дождалась дома.*

*Они идут...
Я слышу твёрдый шаг,
Я вижу их потёртые шинели.
Сражённые на дальних рубежах,
Они прийти живыми не сумели.*

*Ты помнишь дни суровые, страна,
Клубились тучи с запада свинцово.*

*Навечно в твоих списках имена
Перфиловых и Кузнецовых.*

*И в том ряду Гороховы стоят,
Платоновы родню хотят увидеть.
Спасибо им, героям без наград,
Что можем мы любить и ненавидеть.*

*О мире думая, не о войне,
Они ушли на поле боя.
Они сгорели в том огне,
Но заслонили мир собою.*

*Они отсюда, с Неручи-реки,
Где также кровью полита земляца.
За подвиг ваш, родные земляки,
Мы все должны вам низко поклониться.*

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ВЕТЕР ВРЕМЕНИ»

Думы в ненастную осень

*Холод от речки – погоды не стало;
Дымка туманная над красноталом.
В поймах застылых и дальше, над пашней,
День затерялся погожий – вчерашний.
И подступила промозглая сырость.
Время московское остановилось.
Замерло в этом предзимнем безбрежье –
Ни настоящее и ни прежнее.
Прежнее солнцем в полях растворилось,
Новое время не проявилось.
Словно бы замерло где – то
В нашей обжитой людьми глухомани.*

*Люди без времени! Люди без времени!
Люди остались без рода и племени!
Люди в безбрежье, повитом туманами,
Мы же родились совсем не Иванами,
Не помнящими родства!
Но на обломках Российской империи
Ржавчиной нас разъедало безверие –
Вечный закон естества.
Вот она, родина: луг за прогонами;
Брат в гимнастёрке солдатской с погонами:
Вместе с отцом – косари.
Брат на Донбассе – старшой, он в забое;
Я – самый младший, под городьбою
Лажу с утра кубари.
Вот она, родина: пасека дедова,
Я по закону её унаследовал, -*

Память и об отце.
Тачка, лопаты для торфа и тяпки;
Мать отстиралась, развешала тряпки,
Моей полы на крыльце.
Куры копаются возле забалинки,
Тут же на солнышке сушатся валенки;
Мать позвала – я бегу...

Страшно остаться без рода и племени!..
Время – во мне!
Жить без рода и времени
Простому не смогу.

Леонарду Золотарёву

Небо августа в свежей синьке,
Красный колер навёл восток.
А деревня моя Васильевка
Смотрит окнами на восток.

Слышит Неручь за огородами,
За холмом от неё Ока –
И с победами и невзгодами
Они рядом идут века.

Слева – поле и справа – поле,
Добрый свет от ракит и берёз.
Край срединных родных раздолий,
Стал ты беден и безголос.

Не звенят за деревней косы,
По лугам ковыль да полынь.
Лишь над улицей безголосой,
Как и прежде, сплошная синь.

Через годы, как через поле,
Нас к Европе всех увели.
Зарастают тропинки к школе,
Не хватает места для боли
На просторах родной земли.

Что – то выдумает столица?
Но в кругу поминальных свеч
Ещё вижу я русские лица,
Ещё слышу родную речь.

Боль

Полынный ветер по полям
И стаями над лугом птицы.
С печалью радость пополам
У земляков моих на лицах.

*Что хорошо – то хорошо:
В садах и огородах пусто;
Вчера холодный дождь прошёл,
Он умывал одну капусту.*

*Казалось бы, а что теперь?
Сиди и ковыряй занозы,
А европейской моды дверь
Прищемит русскому Морозу...*

*Веди заботам зимний счёт...
Но земляки мои не рады:
В Донбассе голосят в причёт,
Проклятья шлют Верховной раде –*

*За смерти, за сожжённый кров,
Там днём и ночью рвутся мины,
Рекой течёт людская кровь
В домах Радяньской Украины.*

*Европы – хищницы экран
Грозит Москве войной холодной
Из тех же европейских стран,
Уже бывавших в преисподней.*

*Они ломались напролом
К святыням нашим в ярой злости;
Под Курском, Киевом, Орлом
Их всё ещё белеют кости.*

*Врагов мы помним имена,
Их внукам надо быть позрячей,
Чтобы холодная война
Не стала бы опять горячей.*

*Но им приказ уже был дан,
Составлены на бойню сметы.
Огнём пылающий Майдан
Примеривал бронезилеты.*

*Не рады земляки вестям:
Расхристанные изуверы
Идут с Майдана по костям
Слепых соратников Бандеры.*

*Фашистских свастик чёрный цвет,
Дымят не заводские трубы –
Горят дома: и мира нет;
И смерть ощерилась трезубо.*

*И весь Юго – Восток в огне,
Как нерв натянутый, граница...
Пишу, а боль огнём во мне,
И боль у земляков на лицах:*

*Войну там знает каждый класс,
Там дети повзрослеют рано...
Юго –Восток, родной Донбасс,
Ты наша боль, ты наша рана
Кровоточащая!..*

** * **

*Тополя у околицы в ровном строю,
Расстиляется синь поднебесная.
Я с весной на просторе в обнимку стою,
Словно в ЗАГСе районном с невестою.*

*Ухнут льдины на речке – салют молодым,
И ручьи нам поют величальные песни.
А в деревне сбежались к дороге сады –
Поглядите на нас, если вам интересно!*

*Солнце – сверху!
И к солнцу доверие есть:
Обогреет жильё и просушит дорожку.
Слышу: это на радостях, в нашу же честь,
Рвёт Валерка за речкой гармошку.*

*Открываются дали, как двери жилья,
Земляков моих верных улыбки лица.
И стоит красной девкой невеста моя,
Что нельзя в неё всем не влюбиться.*

** * **

*Даль степная – без конца и края,
Распахнулась русская душа!
Солнце с ветром весело играют,
Тихо – тихо в клевере шурша.*

*Облака пушистые над полем,
Словно одуванчики пылят.
Перепёлка привела к дороге
Целый выводок своих цыплят.*

*Ёкнули сердечки у цыпляток –
Испугал их мирный человек.
На планете, войнами объятай,
Много крови и короче век.*

Памятью на картах для Европы
Остаются кладбища вояк;
За дорогой – от войны окопы,
Только дух реваниша не иссяк...

Гляну в небо: ни конца, ни края,
Всё туда же облака спешат;

И всё так же, молодо играя,
Солнце с ветром в клевере шуршат.

Врассыпную серые комочки
С мамой – перепёлкой по жнивью...
Для живых всегда – и днём, и ночью –
Счастье видеть родину свою.

Певцы

Распеваает синица на лесенке,
Листья падают на порог.
А жена моя тоже с песенкой –
Выпекает внучке пирог.

Замираю, их песни слушая:
Распеваает моя родня!
Для меня это самое лучшее
В тёплом свете осеннего дня.

И не жизнь у меня – житуха!
Так не каждый может суметь:
Слов не зная, ни капли слуха,
Вместе с ними сидеть и петь.

* * *

Были выселки - и не стало.
Сиротливо стоят бугры.
То войною здесь разметало
Все домишки и все дворы.

То, восставших чудом из пепла,
(Хотя жизнь - никаких чудес:
Вся страна поднималась из пепла,
Поднимаясь, росла и крепла)
Уработал потом прогресс.

Прокатились бульдозер с плугом,
Не страдая от вдовьих слёз.
Там зимой теперь только вьюга,
А с весны - ячмень и овёс.

*Были выселки - и не стало,
А деревня моя живёт.
Трудно было, но подрастала
И подтягивала живот.*

*На столах мирный хлеб да каша,
А по лавкам - всё детвора;
Эта радость вечная наша
По буграм звенела с утра.*

*В небо лазила по деревьям,
Вниз летала, как самолёт.
А динамик - на всю деревню!
И сегодня он мне поёт.*

*Снова слышу под небом мирным:
Вот часы, что на Спасской, бьют.
Вот слова и музыка Гимна –
С ним ложатся и с ним встают.*

*Посреди деревни динамик,
На высоком висел столбе.
Всё из прошлого мне - со снами,
Как подарок в моей судьбе.*

*Не сумел я расстаться с полем,
Не ушёл от родных бугров.
В годы зрелости не с того ли
Стал дороже мне отчий кров.*

*Дорогие сердцу святыни
Не пошли пока на дрова.
Но раскручивают донныне
Ветры времени жернова.*

*Были выселки - и не стало,
Наши поёт ещё петушок.
Нас пока что не разметало,
И святыни не в порошок.*

2 декабря 2014

* * *

*Дорога петляет по сонной лощине,
Выводит к деревне давно позабытой.
Там пасека деда, там пахнет воициной
И всем остальным пчеловодного быта.*

*А улики строго стоят по порядку,
Хозяин на гостя приветливо щурится.
Поставь возле них по забору-оградке –
И будет деревни порушенной улица.*

*А вот её жители - в хлопотах праведных:
Кто воду несёт, кто нектар, кто обножку;
Торопятся сделать по дому всё завидно,
И только к закату возьмутся за ложки.*

*А вид у них время от времени грозный.
Проходим по улице в сполохах лета;
Хозяин - точь-в-точь председатель колхозный,
А я - как собкор от партийной газеты.*

*Потом, не нарушив в работе порядка,
Найдём с ним в тенёчке местечко не душное;
О власти кремлёвской и местной, о взятках
Польётся беседа у нас медовушная.*

*Мы с дедом друзья, но со мною он строго...
Закат над холмами повиснет полоской;
И я уже буду петлять по дороге,
Пропахший пергой, медовухой и воском.*

*О время извечных забот пчеловодных,
Сгорает оно, словно щепка сосновая:
И вот, наконец, от работы свободный,
Дорогою той заглянул туда снова я.*

*Горячее лето походкой усталой
Шуришало в полынных усадьбах пониже.
А дедова улица с лугом рассталась,
Сорвалась к другим медоносам поближе.*

*Щемящее чувство ненужной природы!
Без дыма сгорала трава на пригорке;
Скамейка под сливой и запахи мёда –
Они для меня были с привкусом горьким.
24 сентября 2014 г.*

ВИКТОР САДОВСКИЙ

«НЕ ДЛЯ МЕНЯ»

*Слова любимой песни М.А.Шолохова,
которую Садовский поёт под баян*

*Не для меня цветёт весна,
Не для меня Дон разольётся,
И сердце девичье забьётся
Восторгом чувств не для меня.*

*И сердце девичье забьётся
Восто – восторгом чувств не для меня.*

*Не для меня тякуть ручьи,
Звенять алмазными ручьями.
Там дева с чёрными бровями,
Она растёт не для меня.
Там дева с чёрными бровями,
Она растёт-, она растёт не для меня.*

*Не для меня цвятуть сады,
Над яром роца расцвятает,
Там соловей весну встречает,
Он будет петь, он будет петь не для меня.
Он будет пе-, он будет петь не для меня.*

*Не для меня тоска придёт,
Родня в застоле соберётся,
Вино по рюмочке польётся,
Но энта жизнь, но энта жизнь не для меня.*

*А для меня придёт война,
На фронт германскай я умчуся,
Домой я больше не вернуся.
Там пу-, там пуля ждёт меня одна.
Домой я больше не вернуся,
Там пу-, там пуля ждёт меня одна.*

*А прилетит кусок свинца,
Он в тело белое вопьётся.
И кровь по капельке польётся,
И кро-, и кровь по капельке польётся.
Вот энта жизнь там ждёт меня.
И кровь, и кровь по капельке польётся,
Вот энта жизнь там ждёт меня.*

*Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон разольётся.*

В День Победы

*Аккорд звучал глухим набатом.
Знакомый голос пел о тех,
Кто безымянным пал солдатом
На безымянной высоте.*

*Мрачней, плакали мужчины.
И у молчавшего отца
Из глаз в глубокие морщины
Сползали капельки свинца.*

*Он так сидел до самой ночи,
Не замечая никого.*

*А ветер медленно ворочал
Пустым отцовским рукавом.
Середина 1970-х*

Праздник в станице

*Сегодня веселье. Станица гуляет.
На улице праздник. Играет оркестр.
Военная музыка в небо взлетает.
Разносятся марши далёко окрест.*

*Морская пехота идёт по станице.
На чёрных беретах кокарды блестят.
И сразу девчонки меняются в лицах:
Стреляют глазёнками в бравых ребят.*

*У бабушек тоже глаза заблестели,
Слезу утирают концами платков.
Им помнится время свинцовой метели,
Раскаты «полундра!» лихих моряков.*

*Сентябрь в сорок третьем.
Матросы – как боги
Для старых казачек и для детворы.
Осенние листья горят на дороге
Запёкшейся кровью военной поры.
1995 г.*

* * *

*Ау! Где ты, Великая страна?
Где красных звёзд сияние лучистое?
Уже твоих героев ордена
Навешивают с хохотом туристы.*

*За Сталинград, за Курскую дугу,
За взятие Берлина, Будапешта...
А я смотреть на это не могу
И как безумный вопрошаю: где ж ты?*

*Куда девались верные борцы,
Трубившие «Нам жить при коммунизме!»?
Ни шашлыка, ни шерсти с той овцы –
Не дожила до «новой светлой жизни».
Шашлык Кавказу скормлен на войне.
Урвали шерсти клок татары Крыма.
А русский люд лежит на горьком дне
Живой цитатой классика Максима.
2002 г.*

ЛЕТЯЩИЕ КОНИ

* * *

*Вдоль посёлка дорога разбита,
В жизни многое связано с ней...
Я смотрю, как снуют деловито
И треножат мальчишки коней.
Словно вновь я среди тёмных и бурых,
Надо мной – свет широкой луны.
И коней густогривых каурых
Я в ночные веду табуны.
Разве память то время догонит
И вернёт мою душу в те дни,
Где мне тёплые резвые кони
Были ближе всей прочей родни?..
Ничего, ничего не забыто!
Вижу речку и рощу за ней,
Где мальчишки в траве деловито,
По-хозяйски треножат коней...
Эй, мальчишки, знакомая удаль!
Стосковался я в жизни по ней.
Я шагнул в свою жизнь не отсюда ль?
Не от этих ли резвых коней?..*

* * *

*Заря алеет над лугами,
Подскажет память, как я рос...
Я проливал росу ногами,
Спеша к кустам прибрежных лоз.*

*Там рыба шастала в затоне,
Вздымая пеннистую муть.
А яркий свет над бездной тонет –
И мне прокладывает путь.*

* * *

*Перепутья-дороги –
За спиной у меня.
Подвожу я итоги
Уходящего дня,*

*Пережитых реалий,
Отпылавших страстей.
Мы себя потеряли
От лихих скоростей...*

* * *

Войны жестокое наследство –
В бою отдавший жизнь отец,
Крик петуха, босое детство,
Да рвущий душу бубенец...

Вверял я тайны лишь берёзам
И соснам в утреннем дыму.
Щеку царапали мне слёзы,
Пройдя по детству моему.

АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ

ЛУЧИ В ДОРОЖНОЙ ДЫМКЕ

* * *

Тихий дом, вековые ракиты,
Гроздь рябины на рыхлом снегу;
Очертания неба размыты,
Хриплый ворон присел на снегу...

У забора – хоккейные клюшки,
На берёзе – скворечник пустой;
Припорошенных сосен макушки
Всё шумят и шумят надо мной.

Вдоль дороги заснежены брёвна,
Наклонился малинник в саду;
Дверь подвала скрипит полусонно,
Крошки шлака дымятся на льду...

Заметают позёмка пригорки,
А на кухне, у тёплой печи,
Пахнет горечью старой махорки
И расплавленным воском свечи.

Ландыши

По росе и мокрой глине
Я ходил на этот пруд...
Путь затерян, но и ныне
В роце ландыши цветут.

От дороги до погоста
Вновь струится аромат.

*Всё загадочно и просто:
Дом, скамейка, тихий сад...*

*Не по лугу, не по глине –
Ты пройди по небесам...
Тусклый свет среди полыни
Ты тогда увидишь сам.*

Хуторок

*Земля уходит из-под ног
в густые камыши;
чего людей всесильный Бог
здесь навсегда лишил?..*

*Лишил свободы? Нет, она
была – и будет здесь:
душа Вселенной не видна,
но в каждом доме есть...*

*Кривой забор, охрипший пёс
бросается с цепи;
уходят вдаль следы колёс,
теряются в степи.*

*Куда ведёт тебя твой путь,
моя Россия, Русь?..
Твою загадочную суть
постичь я не стыжусь.*

*Сыра, исхожена, чиста
твоих дорог земля,
и нет ещё сынам числа,
погибшим за тебя...*

*Земля уходит из-под ног
в густые камыши:
встаёт за полем хуторок
в немислимой тиши.*

Русская земля

*Настанет день – исчезну я...
И. Бунин*

*В круговороте бытия
Когда-нибудь исчезну я...
Смахну с лица земную грусть,
Уйду – и больше не вернусь.
И звёзды будут догорать,
И растворится неба гладь.*

*В чужую дальнюю страну
Возьму я истину одну:
В круговороте бытия
Бессмертна русская земля.*

* * *

*Между прошлым и будущим – яма,
Ведь у многих судьба не сладка,
А у стен старосельского храма
Смотрят куклы-матрёшки с лотка...*

*И такая находит неволя,
И такая сжигает тоска,
Что сквозь дымку низинного поля
Слышен хруст воскового песка:*

*То ли мёртвые, то ли живые
Восстают из глубин Бытия,
Вдалеке на щиты дождевые
Налетает огонь острия.*

*Зазывалы кричат голосисто:
Может, что-то ещё продадут.
Не востребован лишь у туриста
Неподъёмный крестьянский хомут.*

* * *

*Просторный дом и яблоневый сад,
В тени забор шуршит половиками,
Здесь я лишь грезил добрыми стихами –
И этому вполне сегодня рад...*

*Мне близко всё на пройденной земле:
И звон весны с мерцанием зарницы,
И крик парящей над холмами птицы,
И скрип колёс в сгущающейся мгле.*

*Но вправе ль я, обычный человек,
Смотреть сквозь полог неба и событий,
Когда, своих не ведая открытий,
Дни начинают сумрачный разбег?*

*Вопрос простой – не нахожу ответ
И вновь иду в распаханное поле,
Где шум ветров поёт о русской доле,
А вдалеке летит небесный свет.*

* * *

*Словом можно сжигать города,
Превращая строения в руины,
И сметать, словно щепки, плотины,
Так, что плавится даже слюда.*

*Но гораздо сложнее, пройдя
Через всё это адское пекло,
Сделать так, чтоб душа не поблекла,
Словно радуга после дождя.*

*Словом можно убить – на века! –
И талант, и любовь, и свободу.
Но важнее, являясь народу,
Быть для мира огнём маяка!*

АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ
г. Курск

ДОННЫЕ КЛЮЧИ

ВДОВЫ

*В землянках их душило горе,
И в новом доме слышно мне:
Сойдутся вдовы в коридоре,
Что ни беседа – о войне .
Им тяжко всё пережитое
Хранить в душевных тайниках:
У каждой слёзы наготове –
Платочки мокрые в руках...
От вдовьих слёз прогоркло детство,
Померкла юность – и опять,
Умрёт лишь кто – то по соседству, -
Как о родном рыдает мать.
Ах, вдовы, вдовы!..
Солнце мира
Не засияет в их глазах.
Живём – прекрасные квартиры! –
А всё – как будто в блиндажах...*

СОЛОВЬИНАЯ ПЕСНЬ

*Памяти отца моего
Федосея Никаноровича
«Ваш муж,
Защищая геройски...»*

*Я батю не видел с тех пор...
Из всех инструментов отцовских,
Как острая память, - топор.
Известно в селеньях окрестных,
Не только в родном Становом:
Отец соловьиные песни
Вызванивать мог топором...
Мальчишкой услышав такое,
Стремглав возвратившись домой,
Топор я погладил рукою:
«А ну, соловейко, запой!»
И вскинул его в поднебесье,
И замерло сердце моё:
Сейчас зазвонит эта песня,
Удар – и услышу её.
В крапиву кора отлетела,
Да щепка не больше пера...
Рубил я и слушал –
Мне пела
Стальная душа топора.*

Донные ключи

*За водоёмы дождь – ответчик,
Но всё же, как он ни хлещи,
А ширь и глубь озёр и речек
Хранят лишь донные ключи.
И пусть поверхностному глазу
Они приметны не всегда,
Но лишь не станет их – и сразу
Придёт великая беда...
Люблю характер их спокойный,
Который мужеству сродни:
Ни льду, ни тине многослойной
Не покоряются они!
Творят своё земное дело
Всё так же – летом и зимой –
Как им природа повелела,
Как предназначено судьбой.*

ПРОСТО СТИХИ

* * *

*Ничего невозможного нет и не будет.
Все возможно, как жизнь и любовь.
Возвратившийся свет тебя утром разбудит
И очнётся дремавшая кровь.
И малинник седой от росы отряхнётся
В том краю, где давно тебя нет,
А ведро зачерпнет из глухого колодца
Невозвратный невидимый свет.*

1920-й год

*Море бьёт в гранитные каменья,
Задыхаясь, молкнет рёв гудков.
Как песок людей сгребает время
В ямы огнедышащих песков.
Над обрывом огненным Россия
Замерла светящейся сосной.
И, прозрев могущество бессилья,
Затаил дыханье свет земной.
И с тоской внимая жизни новой,
К Господу взывает Серафим.
И летит кровавый лист кленовый,
Накрывая полуостров Крым.*

В ночных снегах

*Ночь молчит на околице света,
И вот-вот, тишиной изойдя,
Закричит, – не услышит ответа,
Но услышит, услышит тебя.
И не ведая вечной разлуки.
Встанет тьма на земном берегу.
И лицо, искажённое в муке,
Отпечатает ночь на снегу.*

Лето

*Возводят соседи забор на меже.
И поздние вишни уже покраснели.
И небо прозрачно, и пусто в душе,
Как будто все птицы с земли улетели.
А птицы щебечут. И щиплют дрозды
Ещё не дозревшие крепкие вишни.
И времени много до ранней звезды,
И жаром несёт от сверкающей крыши.*

*И полнится время небесной золой,
Вишневою косточкой, птичьим скелетом,
Забором горбатым, землю сырой.
Горячею тьмой и немеркнувшим светом.*

Ангел

*Я был... Я не был... Я себя не знал...
Куда бреду морозным бездорожьем?..
Спаси меня! Ведь ты меня спасал.
О ангел мой! Хранитель, ангел Божий...
Спасал меня в неведенье моём
В дни младости и жалкого безумья.
Хранил меня и за полночь, и днём,
В солнцеворот, и в пору полнолуныя.
Когда прозрел я твой незримый свет –
Вдруг нет тебя!.. И что с душой не знаю...
Куда бреду, ступая в чей-то след.
Зачем с тоской к неведенью взываю?..
О, ангел Божий! Где ты?! Что с тобой?!
Душа – как эхо в замерших чащобах...
И нет конца дороге снеговой.
И меркнет след в сверкающих сугробах.*

Свет грядущий

*Свет грядущий в душе, будто в памяти меркнет.
Я не знаю кто первый погиб на войне,
Я не знаю – когда расцветает бессмертник.
Я не знаю кто первый умрёт на Луне.
Гаснут слабые тени под северным небом.
И под пепельным солнцем бессмертник цветёт.
И не ведает Жизнь кто воскреснет последним.
И не ведает Смерть – кто последним умрёт.*

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

ИЗ КНИГИ ОБ ИИСУСЕ ХРИСТЕ «УЧИТЕЛЬ» (продолжение)

*Даль седых времен.
Начало века.
Нас душил грехов кошмарный груз.
Бог послал на землю человека
С именем простым Иисус.*

*Матери, рождённой в Галилее,
Храм родным стал с отроческих лет.
Нет земли прекрасней и милее.
Будь же славен, город Назарет!
Книги там священные читала.
Богу жизнь была посвящена.
И душа неверия не знала,
Светом непорочности полна.*

*Пребывала Девой неизменно.
Вдруг явился Ангел.
Он сказал:
«Радуйся и будь благословенна!»
И рожденье Сына предсказал.
С той минуты думала о Сыне,
Вся душа Марии, как в цветку.
В Ней росли невиданные силы,
Набирало сердце высоту.
Подошли намеченные сроки,
Новой эры бурные года:
Высоко над миром, на Востоке
Загорелась новая звезда.*

*Видели волхвы звезду Востока,
Наблюдали в небе, как зарю,
Вспомнили пророчество пророка,
Рассказали Ироду царю.
Ирод, о себе одном радея,
Задрожал
И, ужасы творя,
Убивал младенцев Иудей,
Убирал соперника-царя.
Плач стоял от лютото злодейства.
Меч в крови парил над головой...
Но Святое двинулось семейство
На Египет тайною тропой.*

*Умер царь.
Настали дни другие.
Ангел весть принёс, как сбросил груз:
«Радуйтесь, Иосиф и Мария!
Радуйся, Господь наш Иисус!»
Счастливы Мария и Иосиф.
Просиял им день,
Как дивный сон.
Вот они во храм Его приносят.
Вот идёт навстречу Симеон.
Видят все от мала до велика,
Как Его свершается судьба.
«Ныне отпускаеши, Владыко, –
Молвил старец, – верного раба».*

*Мы не знаем множества привычек,
Как Он рос,
Стал выше всех наук.
Говорят, лепил из глины птичек,
Вылетали резвые из рук.
Возлюбил занятия земные,
Босиком гуляя по траве.
И ладонью гладила Мария
Малыша по русой голове.
Был пытлив к закатам и рассветам,
Ко всему, что делалось кругом.
Что узнал-запомнил в Назарете,
Обернулось притчами потом.*

Рецензии. Мнения. Замечания

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ЗА КРОВЬЮ И ГИБЕЛЬЮ – СИЯЕТ СВЕТ

Великая Отечественная война в поэзии четырёх поколений

Когда читаешь фронтовые стихи, поневоле замечаешь, как много в них упоминаний о России. В облике крестьянки, с кувшином молока и лепёшкой, она приходила в окоп, в ад кромешный... Мать и Россия – вот два сокровенных символа Отечественной войны, которые в сердце солдата слились воедино.

1418 дней, теперь уже давней, страшной битвы за Родину – быть может, самое великое и страдательное событие за всю историю нашей страны. Священное материнство родной земли было прочувствовано русским человеком всем существом своим, и потому его солдатский подвиг так трогает сердце современного человека. Этот пример жертвенности напрямую перекликается с Христовыми муками, как и два тысячелетия тому назад, за кровью и гибелью – сияет Свет. Чёрный рубеж, за которым Россия могла быть навсегда порушена, распылена и развеяна по ветру, не был перейдён, несмотря на неимоверные усилия Тьмы. И какие бы тяжкие испытания ни ждали русскую землю в будущем, эта веха, святой День Победы – 9 мая 1945 года, легла в самое основание нашего сознания и останется там навсегда.

В русской поэзии XX века фронтовые стихи об Отечественной войне занимают особое место. Всё многообразие прежних, довоенных стилевых поисков как-то вдруг утратило собственную, почти демонстративную, самооценку, и в сердцевине поэтических высказываний затеплилось чувство единения со своим народом – освобождённое от политики и социальных примет и почти напрямую связанное с многовековым житием на пространствах матери-земли сырой. Нечто корневое и надвременное живёт в стихотворениях, написанных, по выражению Твардовского, «в тоске и славе этих лет».

Реальность, которая здесь встаёт за поэтическим словом, устрашает и смущает сердце читателя. Однако его душа, словно соединяясь с телом, зрением и слухом автора, переживает не только ужас, но и воодушевление. И, отмечая всю мишуру современности, эти чувства воспитывают читателя, подводят его к мысли о том, что великое и малое – взаимосвязаны, что есть в мире нечто большее, чем жизнь человеческая. Подобными личными прозрениями перенасыщены военные стихи.

Но та суровая пора отразилась и в поэзии детей войны. Они вошли в народную беду маленькими людьми, их ум и сердце принимали случившееся бескомпромиссно, едва ли не по евангельскому завету, обращённому к взрослым: будьте как дети. Апокалиптические картины военных лет, спустя годы прорисованные в стихах подросших детей, напоминают нам библейский ход мировых событий. И такая «вписанность» в бытийный контекст есть прямое следствие детской души очевидца.

Для послевоенных поколений Отечественная война превратилась в неисчерпаемую сокровищницу нравственных примеров. В нашей на редкость противоречивой истории народная война – явление безусловное, какие бы горькие страницы ни составляли её летопись. В конце восьмидесятых годов прошлого века, быть может, только память о Великой войне ещё скрепляла распадающееся государство, уходящий в небытие Советский Союз. Точно так же эта память поддерживает сегодня ослабевшую Россию.

Русские мальчики, появившиеся на свет на излёте советского времени, увидели в хрониках «священной войны» уже не высокое поучение, не умозрение, но – властную череду действий, направленных на борьбу с откровенным злом. И надо признать, что в таком взгляде на героическое прошлое несомненно живёт деятельная надежда на великое будущее России.

Так неугасимый Свет реальной, земной битвы объединяет четыре поколения русских людей – как четыре ракурса одних и тех же узловых для всего мира событий.

Семьдесят лет тому назад отгремел первый Салют Победы. Много воды утекло с тех пор. Но всё так же великий подвиг питает русскую землю, а русское сердце хранит в своих сокровенных тайниках любовь к Отечеству.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

«ПО БЕЛЁВУ ЕДЕТ ПУШКИН» Рецензия на одно стихотворение

Стихотворение поэта из Тулы Валерия Георгиевича Ходулина «По Белёву едет Пушкин» опубликовано в журнале «Русское поле» (№1). Пушкин едет на Калугу через Белёв, заезжает в Орёл, чтобы повстречаться с генералом Ермоловым.

*Сделав крюк многоверстовый,
Он по городу кружил,
Чтоб проехать по Ершовой,
Где Жуковский раньше жил.*

Пушкин встречается с Ермоловым – героем войны 1812 года и кавказских батальонов. Как память об этой встрече с генералом – изгнанником ныне висит мемо-

риальная доска на доме в Орле, что на улице Салтыкова – Щедрина. Есть у нас в городе и улица, носящая имя поэта.

*Встретит Пушкина Ермолов
В славном городе Орле.*

Стихотворение тульского поэта имеет своеобразную музыкальную интонацию. Четырёхстопный ямб придаёт ему ритмичность, динамизм. Точная рифма создаёт чёткость, сочетание женских рифм делает стихи легко читаемыми, гласные в рифмах придают благозвучность. Такова поэтика этого стихотворения. Есть в нём и неточная рифма, что не нарушает эвфонии («церквушки – Пушкин», «старушки – Пушкин», «эти – едет»). Автор стихотворения умело пользуется точными и неточными рифмами, лексика у него разнообразна и предметна, что характеризует его как опытного поэта, зрелого мастера.

Теперь о самом смысле этого стихотворения, обо всём, что связано с ним. Образ Пушкина раскрывается как образ любознательного человека. Пушкин проезжает мимо дома Жуковского и вспоминает своего учителя.

*Перед ним в мгновенья эти
Тень учителя прошла.*

Пушкин изображён патриотом. Проезжая по Орлу, Пушкин ожидает встречи с Ермоловым, его рассказов о военных кампаниях, славных боевых походах. И стихотворение поэта – туляка наполняется чувством гордости автора за Россию, за её лучших людей. Из Орла Пушкин поедет в Малоархангельск. Не было другой дороги на юг, кроме этой, как раз меж Орлом и Курском. Здесь должен быть «ям», станция, где меняли лошадей, а пассажиры останавливались на ночёвку. Этой дорогой проезжала императрица Екатерина и подарила монастырскому селу Архангельское статус уездного города. О том, что Пушкин, несомненно, был тут, в этих местах, говорит и тот широкоизвестный факт, что поэт заезжал в село Тагино к Чернышёвой – Муравьёвой и передал ей своё послание декабристам «Во глубине сибирских руд», которое она потом повезёт в Сибирь.

В Малоархангельске Пушкина приняли за важную «птицу» из Петербурга: фамилия военная – Пушкин, запросто встречается с генералами, например, с Ермоловым – генералом от инфантерии и артиллерии. Инкогнито, столичная «штучка». Пушкин рассказал Гоголю об этой истории: напиши, мол, у тебя это лучше получится. Как известно, Гоголь обладал большой смеховой культурой. Вот Гоголь и написал свою бессмертную комедию «Ревизор», разгласил случай с Пушкиным на весь мир.

Уже в наши дни местный скульптор Иван Алексеевич Семеновский поставил тут, на нашей улице, первый на Орловщине памятник Пушкину. 6 июня, в день рождения Пушкина, здесь проходит теперь поэтический праздник. В тени зелёных елей школьники читают стихи великого, прекрасного, жизнелюбивого поэта.

*Он влюблён, свободен, молод –
Жизнь прекрасна на земле.*

Нет тут никаких фантасмагорий. Муза Пушкина воздушна, романтична, свободолобива. Недаром Александр Сергеевич говорил о себе, что он всегда готов упиться гармонией слов. Даже душевное потрясение героев у Пушкина всегда завершается катарсисом, высвобождением от страданий, демонических наваждений. Таким мы и видим Пушкина в стихотворении Валерия Ходулина. Таков Пушкин и на бюсте Семеновского. Приподняв мраморную шляпу, он приветствует будущее: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое».

*«Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»*

Вот и едет Пушкин у Валерия Ходулина в Малоархангельск к своему памятнику, к самому себе, к любви народа к нему, нашему национальному гению.

Вот какой смысл стоит за стихотворением поэта-туляка «По Белёву едет Пушкин».

*Из столетия в столетье,
По земле свой путь верша,
По Белёву Пушкин едет,
По России Пушкин едет,
К нам навстречу едет Пушкин,
И светла его душа.*

Хотелось бы сказать, что в последнее время к памятнику Александру Сергеевичу Пушкину в день рождения поэта теперь приходит и мэр Малого города тоже Александр Сергеевич. Вслед за мэром являются не только дети, школьники, читатели детской библиотеки, что в доме напротив памятника поэту, но и читатели взрослой библиотеки, жители города. Кстати, фотография Александра Сергеевича Трунова, мэра Малоархангельска, тоже помещена в первом номере журнала «Русское поле», где и стихи Валерия Ходулина.

Вот и звучит 6 июня голос мэра:

*- Приветствуем тебя, солнце нашей поэзии!
Мы говорим, поэт, с тобой!*

И тут же звучат детские голоса:

*- По Белёву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла.*

И оказывается, представьте себе, в Малоархангельске.

Думалось ли современному поэту из Тулы Валерию Георгиевичу Ходулину, когда он брался за перо и выводил эти строки, что они оживут тут у нас, на нашей улице, у памятника Пушкину.

Неисповедимы пути Господни. Невероятна судьба иного стихотворения. А это всё жизнелюбивый Пушкин, его души порывы. Это всё и в шутку, и всерьёз, это и то, что сказал когда-то тут, при открытии памятника своему прадеду, его правнук Григорий Григорьевич Пушкин. И с именами своих детей великий Пушкин поступал, как поэт, называя их одного за другим в рифму: Саша – Маша – Гриша и Наташа.

*По Белёву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла.*

О КНИГЕ Л. Н. ИВАНОВОЙ «ОДНАЖДЫ РАННЕЮ ВЕСНОЙ»

Книга Л. Н. Ивановой (Пресновой), члена Союза российских писателей, вышла в Орле в 2014 году (издательство «Орлик»). По окончании Московского государственного университета Людмила Николаевна долгие годы работала в Спасском – Лутовиново, проводила экскурсии по музею, по тургеневским местам. Она хорошо изучила материал, о котором пишет. Об этом она написала немало книг («Деревня, которой нет» (1991), «Родине поклонитесь» (1993), «Дорога к храму» (1999), «Россианки» (2004) и др. Недавно вышедшая в свет книга – «пьеса для чтения в креслах» – о том времени (1863 год), когда в России происходила земельная реформа.

В этой пьесе показана пореформенная Россия, сложный процесс передачи земли крестьянам. Автору этой пьесы удалось найти ряд документов, позволивших завершить «Жикинское дело», показать реальную подоплёку тяжбы крестьян тургеневской деревни Кальна с местным кулаком Жикиным. Именно в тот пореформенный период появлялись кулаки, которые, отбирая землю, разорвали крестьян.

Всемирный процесс, капитализация общества. В частности, в Англии также происходило обезземеливание крестьян. Их сгоняли с земли, чтобы пасти на ней овец. Говорят, «овцы съели Англию». Овцы «съели» прежнюю, феодальную Англию, изменили её лицо, а за ней и лицо Европы, всего мира. На освобождающейся земле в Англии стали разводить овец, стричь их, прясть из овечьей шерсти ткани. В городах начала развиваться промышленность, а люди, изгнанные с полей, лишались работы. Так, общество вставало на путь капитализации, а на защиту обездоленных крестьян поднимались такие передовые люди страны, как поэт Джордж Гордон Байрон. Вот и у нас в России на путь защиты своих крестьян, которым он передал землю, вступил уже известный писатель Иван Сергеевич Тургенев. Он прилагал большие усилия, стремясь помочь кальненским крестьянам выиграть дело - невероятно долгую тяжбу за землю с кулаком Жикиным.

Сам Тургенев говорил о себе, что он пишет пьесы, годные лишь для «чтения в креслах». Конечно, Тургенев создал свой театр, отличный от театра Гоголя, Островского, Чехова. И вот через столько лет, уже в наше время, появился новый автор, который предпринял попытку показать один из драматических моментов нашей истории - воссоздать образ Тургенева - гуманиста, защитника крестьян, лишаемых земли, то есть, проще говоря, средств к существованию.

Действие пьесы начинается в барской усадьбе. Тургенев сидит на ступеньках своего дома своей усадьбы в Спасском - Лутовиново, куда сейчас приезжают многие из разных краёв, чтобы посмотреть на тургеневское «дворянское гнездо», прикоснуться душой к святыне нашей культуры.

Девушки ведут хоровод, поют задушевную, полную лиризма, народную песню.

*Из-под дуба, из-под вяза,
Из-под белого коренья
Вот и калина, вот и малина!
Из-под липовых кореньев
Пришло девкам разоренье,
Молодушкам на веселье,
Вот и калина, вот и малина...*

Полные неудержимого смеха, девушки разбегаются. Появляются серьёзные мужики. Тургенев расспрашивает кальненских мужиков о житье-бытье. Он зовёт старосту, чтобы зачитать им уставную грамоту о продаже земли.

Тургенев давно знал кулака Жикина, видел: с помощью чиновников он одолевает в тяжбе крестьян. В годы недорода крестьяне голодали. В такие годы их кормили хлебом насущным и сам Тургенев, и Лев Толстой, когда крестьяне приходили и в Спасское - Лутовиново, и в Ясной Поляне к «дереву бедных».

Иван Сергеевич отдавал землю крестьянам. Об этом и идёт речь в пьесе. Жикин отбирает у крестьян последнее - землю. Тургенев жалел крестьян, проявлял большие гуманные чувства, передавая им свои земли.

Надо сказать, что Тургенев был не только большой писатель, он был ещё и учёный. Изучал философию в Берлине, стал почётным доктором наук в Оксфордском университете. Тургенев видел, что это же фантастика: Жикину одному владеть землёй, принадлежащей всем крестьянам в округе. Это вызывало протест, бурю; в душе Тургенева бушевали страсти, в его жизни видим то, что было в его творчестве - признак двуплановости, реалистической, двуплановой фантастики, как и в произведениях, создаваемых писателем с помощью страстей, необычных, возвышенных чувств.

Неестественное стечение обстоятельств мотивировалось автором пьесы сильными переживаниями героя, в том числе и лиризмом, грустью по несбывшемуся, происходящему у него на глазах.

Двухплановое изображение странных событий в пьесе Ивановой стоит где-то за кадром. Само присутствие Тургенева, его неуклонная позиция по отношению к Жикину как бы расширяют бытовую план пьесы фантастическим элементом, драматизируя события.

В первой главе пьесы показана встреча Тургенева с крестьянами, его диалог с ними. Кальненские крестьяне приходят к писателю, стоят, робко переминаясь, как бы не доверяя Тургеневу. Говорят, что уж они – то сумеют управлять землёю. После прочтения старостой уставной грамоты Тургенев говорит крестьянам, что он позаботится об их семьях. «Оставляю вам в вечную собственность ваши избы, дворы и другие строения, а также по десятине земли под огороды, сады, конопляники, покосы; оставляю нетронутыми все построенные ранее дороги и все выгоны скота, проходы к водопоям. Чтобы не поминали вы меня лихом. Берите и пользуйтесь» (Л.Н. Иванова, с. 24).

Во второй картине крестьяне стремятся пройти на покос через плотину, считая эту землю своей. Жикин же машет грамотой перед крестьянами, говоря, что купчая выдана ему, как надо, а крестьяне ссылаются на Тургенева, его грамоту. В ответ Жикин объясняет, что сам управляющий Тургенева продал ему эту землю. Действие из реального превращается в запутанное, необычное, фантастическое. Земля крестьян, видите ли, становится собственностью Жикина.

Вторая глава является продолжением первой.

Крестьяне продолжают спор с Жикиным. Вот тут-то и начинается настоящая фантазмагория из-за плотины, которую хочет отнять у них Жикин. Действие в пьесе становится по – настоящему фантастическим. Крестьяне говорят, что Тургенев подписал им бумагу на землю. А Жикин стоит на своём, что это, дескать, Тургенев подписал ему бумагу на ту же землю.

Доказав своё право на землю, Жикин удаляется. В бой с крестьянами вступает его жена Авдотья. Её вступление в действие у автора пьесы имеет глубокий временной смысл. Жена Жикина – это продолжение рода, это её дети, внуки. Это владение землёй в будущем, на вечные времена. «Как же, дожидайтесь!.. Покажь вам... А у нас нету ево... Коли надоть, идите в Чернь, там у землемера и спрашивайте, а нас не трожьте!.. В суд подадим на вас, коли чево!» (Л.Н. Иванова, с. 37-38).

Такая запутанность всего приобретает прямо – таки «студийный» характер. ««Студийность» является у автора пьесы признаком (...) творческого метода и означает художественное исследование действительности (в психике, сознании, поведении, мироотношении, судьбе), но пока что необъяснимых, странных и загадочных « фактов», способом постижения которых может быть фантастическое» (Р.Н. Поддубная. Идеино-художественные функции фантастики и развитие творческих принципов реализма в русской литературе XIX века. – Киев, 1990. – С.19).

В третьей картине Тургенев беседует с гостем опять – таки о земле, об общественной жизни в пореформенной стране, о книгах, в которых он ставит злободневные проблемы. Является Жикин. И опять из-за земли в пьесе начинается фантазмагория. Жикин становится всё более жадным, всё трусливее.

«Жикин / плачет навзрыд, размазывая слёзы по лицу/. Батюшко, Иван Сергеевич, да ведь я землю уж другой год... сею на ей... Не погуби, не дай погибнуть!.. Разорюсь ведь!..

Тургенев / возмущённый наглостью Жикина/. Как?!. Простить тебе, да ещё оставить за тобой уворованную землю?!. (Взбешенно.) А ну прочь из моего дома, мерзавец!.. (Л. Н. Иванова «Однажды раннею весной». – С. 54).

Появляются женщины и начинают улещать Тургенева, жалуются ему, что мироед Жикин отобрал у них землю. Приходят мужики, говорят о том же. Тургенев просит отыскать ему Жикина. Тот показывает план, оказывается, план составлен

был ещё раньше, ясно, что Жикин – мошенник. Тургенев говорит, что надо известить об этом мошеннике власть, тульского губернатора. Но где-то поблизости есть ещё один такой мироед, это мельник Чедаев. Этот ещё хитрее Жикина. Так в деревне зарождается класс кулаков. «Начинается торговля, деньги... Зло... Да-а... Вот явление, с которым просто необходимо считаться и не оставлять его без внимания. Плодятся теперь эти усердные хозяева, как грибы, и чёрт знает что делают. Это какие-то разбойники» (Л. Н. Иванова «Однажды раннею весной».- С. 74).

В пятой картине Жикин говорит жене Авдотье, что скоро сюда к ним из губернии приедет казённый землемер перемерять землю. И, кроме того, ещё и следователь. Жикин спешит переписать купчую на жену, вписать в бумагу острова. Вот приехал судебный следователь с исправником. Следователь всё подробно расспрашивает Жикина. Тот приготовил на землю много всяких бумаг, в том числе купчую, подписанную самим Тургеневым. В ней написано, что Тургенев когда-то продал острова Жикину. Снова фантазмагория, связанная с мошенничеством Жикина. Выявляют мошенничество и следователь, и исправник, и появившийся землемер, составивший план со слов Жикина. Всё, теперь дело на Жикина передадут в суд. От бессилия Жикин набрасывается на жену с упрёками.

«Землемер. Подобная сверка с купчей не входит в задачу землемера, план был составлен мною в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году по посьбе Жикина с его слов» (Л.Н.Иванова. Однажды раннею весной. – С.85). Изображённое в пьесе приобретает фантастический характер, объясняемое мошенничеством кулака Жикина. Двуплановость означает здесь мировоззренческую позицию автора пьесы.

В шестой картине пассажиры едут ночью в поезде и говорят о Тургеневе, которого уже нет в живых. Один из пассажиров Черносвитов рассказывает попугачу Днепровскому, чтобы тот не заснул, историю о тяжбе Тургенева с Жикиным. В результате, говорит он, отменили купчую Жикина, вновь отдали землю кальненским крестьянам, подаренную им Тургеневым.

Поезд подъезжает к Бастыеву. И здесь своя история: Кукуевский провал; когда-то в него провалился поезд. Где-то поблизости Спасское-Лутовиново.

Светает. Совсем, как в романсе Юлии Абазы на слова Тургенева «Утро туманное». В душе пассажиров звучит знаменитый романс. Поезд летит в ночь под эту мелодию.

Медленно один за другим перед глазами пассажиров проходят персонажи этой истории.

Невероятная, «экзотическая» история тяжбы Тургенева с Жикиным в пьесе Л.Н.Ивановой завершается. Справедливое решение Московской судебной палаты в пользу крестьян состоялось спустя два года после смерти Тургенева, о чём едет сообщить крестьянам пассажир поезда Черносвитов.

И.С.Тургенев писал о праве писателя - реалиста обращаться к «чему-нибудь смутному, психологически сложному, даже болезненному, что «выдвинуто из глубин своих тою же самою народною, общественной жизнью», «документ» для «разработки человеческой физиономии» (И.С.Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. - В 28 т., 1960-1967. – Т.12. – С. 319. – Письма. – Т.12. Кн.1. – С.58).

Л.Н.Иванова в своей пьесе «Однажды раннею весной» рассказывает одну из историй о земле, связанную с Тургеневым. Автор применяет в пьесе изображение двуплановой, фантастической реальности, мотивируя странное сильными чувствами писателя-гуманиста. По мнению В.Н.Топорова, « < ... > было и нечто более тревожное, чем тоска. Рождавшееся из переживания «космического» и находившее в себе странное соответствие внутри, в сфере подсознания» (В.Н.Топоров. Странный Тургенев. – М., 1998. – С. 35). На наш взгляд, такое «странное соответствие» наблюдается и в двуплановости пьесы Л.Н.Ивановой.

В конце концов будем надеяться на то, что пьесу Л.Н. Ивановой, написанную для «чтения в креслах», можно будет увидеть и на театральной сцене.

СТРУНА, ЗВЕНЯЩАЯ В ТУМАНЕ

Передо мной книга Елены Машуковой «Икебана из одуванчиков». Эта книга стихов издана Сахалинским книжным издательством в 2003 году. Автор книги Машукова – это по мужу, а так это Лена Шилиева – дочь нашего орловского поэта Анатолия Шилиева, моя одноклассница. В книге Елены тридцать стихотворений, но это целый мир молодой женщины, которой есть чем поделиться с читателем. Каждое стихотворение – это удивительная история души человека, познания мира. Стихотворения разнообразны по теме и глубоки по содержанию. Одним из приемов, используемых автором, является применение глосс – это редкое, необычное, авторское сочетание слов, дающее стилистический эффект. Создаются новые дополнительные смыслы, высвечиваются новые грани слов, дающие глубину проникновения в суть вещей.

Возьмём в качестве примера стихотворение «Свет», где автор сравнивает себя с конём, бегущем по полю:

*Там я, в этом поле,
Бегу конём,
Копытами эхаю
В гулкое небо.*

Вот поэтесса уже олицетворяет себя с огнём:

*Там я, в этом небе,
Пою огнём.
Или вижу себя растущим хлебом.
Чтоб вновь от земли
Подниматься небом.*

Поэт уподобляется небесным светилам, он живёт как по мирозданческим критериям, так и по канонам своего творчества, чем ценит себя автор:

*Я – свет. И живу
По своим законам.*

Елена Машукова ныне живёт то на Сахалине, то на родной Орловщине. Восточные мотивы, в частности, японские, чувствуются уже в самом названии книги «Икебана из одуванчиков». Приведём полностью стихотворение «Одуванчики», так как его можно считать программным, и оно дало название сборнику.

*Одуванчики
Города мегаскелет
Распростёрся за кубом куб,
Но этих цветов свет
Не признает Колумб.
Этих цветов аромат
Замешан на горьком желтке,
На мареве автострад
И золотом песке.
Вдоль тротуарных лент
Тонут в тёплой пыли
Осколки дерзких комет,
Летние звёзды земли.*

В этом стихотворении поэтесса нашла свои глоссы, своё восприятие архитектуры современного города «мегаскелет, распростёрся за кубом куб», совершенно индивидуальные сочетания слов, но абсолютно всем знакомый, зримый образ любого города. В следующем катрене сильнейшее противопоставление безликого города и одуванчиков с их цветом золотого песка, запахом горького желтка, тёплой пылью дорог – всё, что трогает душу человека: цвет, запах, тепло – в хорошем смысле – в духе символистов. А заканчивается стихотворение удивительной метафорой романтического мироощущения: одуванчики – «осколки дерзких комет, летние звёзды земли». И дальше читаешь уже весь сборник до конца, не отрываясь.

Автор чувствует слово непросто, во всех его перипетиях, нюансах, в разнообразных сочетаниях, вырабатывая сложное, необычное отношение к миру. Вот стихотворение «Часы».

*Очертания начертаний размываются...
Проступают начертания очертаний –
Импозантность величества.
Всех настенных часов, причитанья –
Все сложения и вычитания –
Пересчитыванье страданий в час ученичества.*

В отличие от более реальных поэтов, пишущих на земные темы, поэтесса сразу же выделяет контурные рельефы времени, которые изображены в необычной антиномичности, что сразу подводит нас к мысли об индивидуальности автора, парадоксальности сочетаний слов, выражающих остраннение. И это не ради употребления глосс, а чтобы показать «чудотворное чародейство, расчеканено в старость детство». Эти слова сразу остаются в памяти, так же, как и «чугунок остывает в печке». Этот трогательный быт не её, а другого поколения, её родителей, который она захватила в самом раннем детстве. А конец стихотворения – это уже её жизнь, её век, её поколение «на качелях черёмух качает нас век Одиночество».

Помнится стихотворение «Связь» Анатолия Шилиева, в котором он пишет о конце лета, но они с дочуркой ещё гуляют босиком по траве и радуются утру и солнцу.

*Вот и лето на исходе
Над рекой туман белес.
Нынче солнце позже всходит,
Раньше прячется за лес...
Босиком по траве – что за прелесть!
А навстречу дочурка, смеясь...
Видно, это великая радость
С миром утренним чувствовать связь
(«Связь»)*

Елена вырывается из этого спокойного, уравновешенного мира, уходя в свое собственное пространство. Вот как показано у неё детство, лето.

*Мне снилось детство:
яблонеый свет,
молочный выступ
Тёплой русской печки!
На старом кресле
Тёмно-синий плед...
Скрип половиц
Под ножкою босой...
Но впереди гудит
Поток весенний...*

*Я помню, мне ещё
Приснилось лето,
Как мы с отцом
Гуляем у реки,
Он что-то говорил
Про русского поэта...
А я смотрю и почему-то знаю,
Что этот день мне обязательно
Когда-нибудь приснится
(«Мне снилось детство»).*

Очень лиричное стихотворение, смелые образы, глоссы («молочный выступ», «распластанное отражение», «гудящий весенний поток», «расходящиеся небесные границы»). У Елены есть не только смелость, но и поэтическая дерзость. Из детства её уносит весенний поток. Однажды ей снится летний день и прогулка с отцом, но она знала, что этот сон ей обязательно приснится, её связь с отцом не прервалась. Стихотворение очень глубокое, психологичное, личностное.

Приведем ещё примеры оригинального, экспрессивного, яркого языка поэзии Елены Машуковой.

*Зюйд – вестом солёным выжжены
Арабески на сколах скал.*

Необычно, оригинально – это глосса. Или «море зеркальностью дышит». Яркий оригинальный образ: «солнце колышется рыжей медузой», «легка даль». Море неразрывно с воздушным океаном: море и небо похожи во многом друг на друга. Небо – такая же бесконечная стихия, что и море:

*У самого края ковша
Мерцает Медведицей Малой
Моря живая душа.*

Невозможно забыть образ. Ещё одна грань, ещё шаг, и можно будет говорить о мастерстве поэтессы. Переход к внутреннему из внешнего. Это ассоциативное письмо напоминает французских символистов и сюрреалистов: Стефана Малларме («Удача», «Бросок костей»), Андре Бретона и других. Такое направление заметно в стихотворении Елены «Песня перелётной птицы»:

*Я – перелётная птица в Галерее Миров
над миром случайным единственным
из миллионов в котором по воле
Всеведущего никогда
не начнётся весна но кажется что вот-вот».*

Этот верлибр, свободный стих – без пунктуации и без рифмы тоже один из способов остраннения. Ассоциативность позволяет свободно мыслить, также свободно оперировать образами, понятиями. Происходит своеобразное взаимопроникновение мыслей, их сцепление, диалектически адекватный переход в такую же адекватную форму отражения, в верлибре.

Поэтесса довольно умело доказывает живучесть и такой поэтической традиции, которая исходит от потока сознания. Автор умело пользуется и такими литературными приёмами, как, например, эйфония, о чём говорит такая аллитерация, как «шелуха шуршит на шины». Причём эйфония не является самоцелью, как это было у некоторых символистов. Эйфония выражает у Елены только ей присущие черты творчества, поэтесса использует её как один из приемов поэтического письма... Главное, что автор не теряет своей индивидуальности и своеобразия на протяжении всего сборника. Воссоздавая поэтические соответствия, Елена не забывает о зрительных, слуховых и осязаемых ощущениях.

*А где-то
за деревьями
цветущими,
дикими -
деревни древние,
деревни тихие («Деревни»).*

У Елены Машуковой в её «Икебана из одуванчиков» находятся тонкие, ассоциативные эпитеты: («светлые днем и ночью деревни, пряные и босые»). При этом автор говорит, что все жители городов родом ведь из деревни. В деревне житель познал родную природу, землю, родной язык. А теперь эти тихие деревни коренятся в «заброшенных садах». С урбанизацией человек теряет естество, свою узнаваемость, уникальность. И если он ранее слышал колыбельные песни, его окружала гармония, природа, то в городе он весь в какофонии звуков, противоречивости чувств. По Тютчеву, «в хаосе стихий, в сутолоке общества» человеку всё труднее оставаться самим собой. Поэтесса Елена Машукова своими стихотворениями затрагивает душу, натягивая тонкую струну в тумане ассоциаций. Книга интересна, её можно читать и перечитывать, автор не отпускает от себя и уводит читателя в свой богатый, одухотворённый мир.

ВАЛЕНТИНА И ВИТО ПОРСЕДДА
г.Сан-Вито, Сардиния

Письма из Италии

БУКЕТ ЦВЕТОВ АЛЕКСАНДРУ ВАКУЛЬСКОМУ **О симфонии Чайковского, звучавшей в Сталинграде в 1943 году**

Вчера, 14 марта, мы вместе с мужем и подругой слушали в Музыкальном Театре Кальяри симфоническую музыку П.И.Чайковского: увертюру-фантазию «Ромео и Джульетта», фантазию «Франческа да Римини» и 6-ю «Патетическую» симфонию в исполнении оркестра театра под Вашим управлением и получили сильные и глубокие музыкальные впечатления. Особенно хочется сказать о 6-й симфонии. Несмотря на то, что мы были знакомы с произведением и слышали его много раз, это было не просто музыкальное наслаждение. Можно сказать, что мы испытали духовно-эмоциональное потрясение.

Вместе с вашим оркестром мы сопровождали хрупкую одинокую душу в её земных жизненных перипетиях. Эта мистерия развернулась перед нами среди узнаваемых русских пейзажей, которые представляли перед нами то как бескрайняя заснеженная равнина (а может быть, это – белый лист чистой детской души, вступающей в мир с доверчивой надеждой и открытостью незамутнённого сознания?), на которую внезапно налетает метель, чтобы закружить и унести в неизвестность смятения и борьбы. То мы видели наступление весны от первых ручейков и птичьего гомона до апофеоза торжествующей красоты и цветения. Так же, как и в жизни расцветающей юности человека с её радостью, мечтами, наполненной уверен-

ностью, энергией и бесстрашием. Но затем пришла осень с обжигающим холодом дождём и срывающим и бросающим на землю жёлтые листья ветром. И это похоже на душераздирающие страдания одинокой стареющей души, которые затихают и растворяются в неизвестности наступающей смерти...

Как потрясает дерзновение и предельная искренность художника и исполнителей открыть для всех этот таинственный мир души! Мы не раз уже восхищались мастерством и профессионализмом оркестра Музыкального Театра Кальяри с множеством прекрасных талантливых солистов. И в этот вечер они просто блистали, увлеченные и увлекаемые своим дирижёром в удивительный мир музыкальных образов. Порой казалось, что это – не группа музыкантов, гармонично исполняющая свои партии, но как будто, это – один единственный инструмент, тонкий и чуткий, прямо и сильно проникающий в душу слушающих. Как одно большое сердце, трепещущее в Ваших руках. Благодаря Вам и Вашему оркестру, мы смогли прикоснуться к живой душе самого П.И.Чайковского. Спасибо вам за это... Многие помнят о Первой симфонии Чайковского, звучавшей на том берегу Волги и вдохновлявшей на этом берегу тех, кто, чувствуя прекрасное, боролся со злом...

В Италии не принято дарить артистам цветы. У нас в России мы делаем это. Примите пожалуйста эти скромные слова как букет цветов в знак признательности и восхищения и Вам, и оркестру.

Спасибо Вам за душевную щедрость, с которой Вы поделили с нами Вашу любовь, талант и вдохновение. Спасибо Вам за Чайковского.

15 марта 2015 года.

Краеведение

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

ГЛАЗУНОВСКАЯ МАТЬ-ГЕРОИНЯ

*Светлой памяти родителей моих
Митрофана Григорьевича
и Акулины Андреевны Васичкиных,
всех советских солдат
Великой Отечественной войны
и матерей, победивших фашизм*

Каждое утро я, первым делом, с кровати – прямо к окнам, что на огород. В окна – обилие света; в окна вся страна смотрит, зовёт на добрые дела. Огород сразу за па-секой, белый – белый: вчера подбросило снежку. Дальше луг, речка, за которой – и полверсты не будет – Глазуново. Деревня как на ладони: домики редкие, словно их пропололи, – поработала жёсткая рука времени; они почти все отвернулись от Васильевки, как бы стыдясь своей соседки неухоженностью единственной улицы.

Выхожу за порог и – к огороду. И открывается глазу необъятная ширь родной земли; и думается, что также вот, как и я, выходили к огороду мои предки, и ви-

делась им от своего дома вся земная красота верховий Неручи и Оки, которая их окружала. И тут же думаю, что в разные времена душа их воспринимала эту красоту по-разному, да и сама красота земли нашей была разная. Так же вот смотрели за Неручь мои односельчане зимой 1943 года: там, на глазуновских огородах, чернели немецкие окопы, а в нескольких сотнях метров к югу, на паханой-перепаханой бомбами и снарядами высоте – наши. И всего-то одну версту не дошла Красная Армия в те далёкие февральские дни до Неручи, чтобы наполнились радостью лица людей, ожидающих освобождения, как великого праздника. Этот день придёт в деревни, расположенные по берегам Неручи и Оки, только через пять месяцев, но к тому времени деревни опустеют: немцы первыми выгонят из родных мест мужчин – дорога приведёт их кого в Белоруссию, кого дальше – в Прибалтику или в Германию.

Вслед за ними погонят к железнодорожной станции женщин и детей.

– До Глазуновки по прямой дороге, через Куначевский лес, шесть километров, – рассказывал мой двоюродный брат Михаил Сергеевич Кузнецов, – но лес был набит вражескими танками и пехотой; и по глубокому снегу, по морозу нас погнали кружным путём: через посёлок Садовый, потом вдоль железной дороги, через Кривые Верхи, удлинив наш путь почти втрое. Всё, что удалось взять с собой, несли на себе, везли на санках, даже в обычных тазах. На станции в ожидании погрузки неделю прожили под открытым небом.

Михаилу Кузнецову тогда было четырнадцать лет. Смотрю на довоенную фотографию: его отец Сергей Андреевич с сыновьями – Василий, Николай, Михаил, Иван; ещё был в семье Кузнецовых Алексей, родившийся перед самой войной, которая потом унесла из жизни троих: сам Сергей Андреич погиб на фронте; Василий за три дня до начала войны уехал в Ленинград по спецнабору, и блокадный город стал его братской могилой; и совсем маленького Петю, родившегося уже при немцах, уберечь не смогли во время долгой дороги из дома на запад. Неизвестно, где бы они могли оказаться тогда, но судьба распорядилась по-своему: железнодорожный путь между брянскими и белорусскими лесами взорвали партизаны, и состав остановили, а их выгрузили. Местное население приютило, помогло выжить всем, кто по воле захватчиков оказался в том краю без крыши над головой и практически без средств к существованию.

Судьба Александры Тимофеевны Кузнецовой – судьба моей матери Акулины Андреевны, возвратившейся в родную деревню с тремя детьми; судьба её сестры Марии Андреевны Матюхиной, сумевшей не растерять за годы лихолетья шестерых детей; судьба других моих многодетных родных тёток – Насти, Полины, которых в одной семье было две; судьба всех советских матерей того времени, переживших невероятные трудности.

Часто вспоминаю своё детство – оно пришлось на послевоенную пору. Десять лет от войны, и ещё свежо выглядят окопы по высотам и перелескам; ещё пугают по низинам своей чернотой бомбёжные ямы, почти круглый год наполненные полной и дождевой водой; где ни копнёшь – мины, гранаты, патроны, осколки. Что ни лето – взрывы: то техника подрывается, то ребятишки. Родители с утра на колхозной работе, а нам, малолеткам, строгий наказ: из дома ни шагу!

Наигравшись с сёстрами в свои обычные игры, удовлетворяем детское любопытство: открываем материнский сундук и начинаем рассматривать родительские награды, хранящиеся в нём. У отца их много, как он говорил, настоящие, боевые медали; и среди них – орден Красной звезды. Насколько были значимы они для человека, и для отца в частности, мы тогда не понимали, нас поражал их свежий блеск!

Ага, вот ещё одна медаль! Она и сегодня у меня перед глазами; зримо так вижу её покрытую белой эмалью колодочку в виде банта, перехваченного в середине

узорчатой позолоченной пластинкой; а ещё бант окаймлён двумя зелёными полосками.

С тех пор прошло шестьдесят лет, ровно 20 лет, как не стало моей матери; и я снова держу в руках её медаль, которая для меня не менее дорога, чем отцовские. На лицевой стороне медали профильное погрудное изображение Матери и ребёнка; в левой верхней части – выпуклая пятиконечная звёздочка с расходящимися от неё лучами; в нижней – ленточка, на которой написаны четыре буквы: СССР. По окружности медали узенький лавровый венок. На оборотной стороне медали, в центре, – изображение серпа и молота, а по окружности – надпись: в верхней части – «МЕДАЛЬ», в нижней части – «МАТЕРИНСТВА».

Помню, великие праздники 9 Мая и 7 Ноября полдеревни отмечало у моей многолетней тётки Марьи: она была доброй души человек, умела готовить, а колхоз выделял продуктов – как премию, потому что к этим дням в основном управлялись с весенне-полевыми и уборочными работами; а ещё приносили что-то из дома, прикупали выпивку. Столы возле дома в ряд; и до самых сумерек, пока не наступала пора убирать скотину, слушала деревня хмельные голоса праздничного застолья. Но более всего мне запомнились песни – и старинные, и военного времени: практически все они были задумчиво-грустными, словно люди печалились о своей нелёгкой доле, выпавшей их поколению.

Мать всегда одевала тёмно-синий жакет, и медаль хорошо смотрелась на его левом бортике. Тётка Марья покоряла своей: если у матери медаль была бронзовая – за рождение и воспитание пятерых детей, то у тётки Марьи она из серебра – за шесть детей. Серебряную медаль принес ей сын Николай, родившийся за год перед войной. Дочь Валентина, как и я, была последним ребёнком, седьмым в семье, послевоенная, и теперь мы собирались с ней пойти в первый класс.

Отец надевал свои награды. Это ничего, что он простой солдат, зато вся левая сторона его груди в медалях, среди которых две медали «За отвагу», а справа – орден Красной звезды. Орденосцами в нашу деревню с фронта пришли трое: артиллерист Николай Прокопьевич Платонов, ещё мой отец Митрофан Григорьевич Васичкин – до ранения он воевал рядовым в стрелковом полку, а после госпиталя – в отдельном штурмовом инженерно-сапёрном батальоне; и Павел Андреевич Григорьев, пулемётчик, у которого медалей «За отвагу» было три. Вот она, моя страна, от Москвы до самых до окраин, впервые представшая передо мной в боевых наградах – отцовских и односельчан, с душевными народными песнями о нелёгкой доле отцов и матерей, о долге и верности Отчизне и готовности защищать свой дом и своих детей в лихую годину. У этих людей всё так и было: мужья и сыновья освобождали от врага родную землю, а жёны с малолетними детьми сразу спешили к ней – обожжённой огнём, перепаханной снарядами и бомбами, поруганной врагом. Посмотреть с высоты птичьего полёта, ещё выше, из поднебесья, – и увидели бы тогда, как по дорогам и тропам, без дорог и в любую погоду от самых западных границ большой страны шли матери с детьми; выбивались из последних сил, но шли и шли, сохраняя в душе надежду на лучшую жизнь.

Помню, в преддверии 60-летия Великой Победы в одном из номеров районной газеты «Приокская нива», которую я редактировал почти четверть века, мы опубликовали снимок 1943 года военного фотокорреспондента Я. Халипа, взятый из книги мемуаров о боях на северном фланге Курской дуги. Фотокорреспондент вместе с Константином Симоновым после освобождения Кром возвращался с передовой в штаб армии и сфотографировал идущих через поле беженцев. На снимке была семья Залогиных – мать с шестью детьми: старшему десять лет, младшему – восемь месяцев. «Просёлками, а иногда сокращая дорогу, не по-крестьянски – напрямиком через поля – идут по домам жители, которых немцы при отступлении уго-

няли из деревень вместе с собой, выселяли из прифронтовой зоны», – так писал Константин Симонов, наполненный впечатлениями от увиденного на фронтовой дороге.

Много лет сотрудничала с районной газетой как внештатный автор ученица Гремячевской средней школы Ольга Пронина; и однажды прислала письмо с рассказом о кружковой работе при сельской библиотеке школьников по сбору материалов из прошлого Гремячево и других населённых пунктов Медведевского сельсовета. Школьники встречались с долгожителями, записывали различные сведения из довоенной и дореволюционной жизни селян. И Ольга отмечала, что многодетные семьи для довоенной деревни не были редкостью; как теперь говорят, голосами «детей войны» наполнились улицы всех населённых пунктов. Много позже судьба свела меня с человеком из многодетной семьи того края – с Василием Артёмовичем Артёмовым.

Вначале прочитал я о нём в районной газете. Живёт в Глазуновке, давно на пенсии; а всю свою жизнь он – творческая натура: вечно что-то мастерит. Сказала своё слово о нём и «Орловская правда», даже фотографию поместила, тем самым подтвердила: да есть на земле такой человек, и не зря по-тихому зовут его Самоделкиным.

Потом познакомился с ним и я. Артёмов невысокого роста и выглядит довольно прилично, несмотря на свои почти восемьдесят; взгляд спокойный, да и сам по себе он как бы наполнен земным покоем, какой источает окружающая человека природа срединной России.

– Я хотел лётчиком стать – мечта детства, – рассказывал он мне. – Почему лётчиком? А сижу я в хате – слышу: самолёт! Как шальной – за порог... И так он мою душу тронул! Одним словом, на всю жизнь. Но лётчиком не получилось, и я всё мечтал сделать себе самолёт.

А родился Василий Артёмов не безруким. Рассказывал мне, как смастерил аэросани: «Мотор – пускач от трактора; много раз переделывал пропеллер, пока не добился хорошей тяги: от дома – с ветерком, к дому – ещё веселее. Не рассчитал – и в хату, пропеллер вдребезги».

Потом был у него снегоход; была пахалка с мотором от бензопилы, а колёса от мотоцикла. Его творческая натура постоянно что-то изобретала для облегчения труда на своём огороде: то картофелесажалку с приводом от колеса, то опрыскиватель, то культиватор-окучиватель, – очевидно, с детских лет «наелся» на нём ручного тяжёлого труда. А детская мечта о самолёте не покидала: заготавливал алюминиевые трубочки, полотно... Но она так и осталась мечтой. Почему? На этот вопрос у Артёмова ответ один: такая выпала судьба.

По-разному складывались человеческие судьбы; и когда Артёмову говорили, что человек хозяин своей судьбы, он не соглашался: хозяин-то хозяин, а есть ещё удача. Вот будешь делать всё так же, как делал раньше и как хотел, а получаться не будет – это значит: удача отвернулась от человека. Например, дед его Дмитрий Ивлёв, – это по отцовской линии, был состоятельным мужиком: четыре лошади рабочих и одна выездная, которую у прадеда выкупил, ветряная мельница – своими руками построил. Он сам да пять сыновей, и один из них – его отец, да ещё две дочери с темна до темна были в работе. А как иначе: не потопаешь – не полопаешь.

Всё бы ничего, но удача от деда отвернулась. Отполыхала революция; Гражданская война вреда ему не принесла – своё хозяйство сохранил и от белых, и от красных. Потом началась коллективизация, которая по прошествии времени и сотворила для него своё чёрное дело: пришлось деду лошадей и мельницу добровольно сдать в местный колхоз «Красная нива»; сам же вскорости умер, – говорили, что от тоски; наверно, так оно и есть. Конечно, лежала у него на сердце обида на совет-

скую власть за несправедливые действия по отношению к нему и таким, как он, но всё-таки она не проявилась у него в каком-либо протестном действии. Очевидно, видел безысходность.

Малая родина Василия Артёмова уникальна по своему ландшафту: бугры да овраги, на которых дома в страшной тесноте уживались каким-то чудом, за что в народе название этой деревни дополнили ещё одним словом – Корявое. От тесноты самые смелые из Корявого Глебова уходили на простор – так появился в том краю посёлок Глебовский. После Гражданской войны там в двадцать одном доме проживали 148 жителей – 73 мужского и 75 женского пола.

В Глебово я приехал с Артёмовым среди дня. Дорога – асфальт, мимо песчаного карьера, через глубокую лощину – к самой деревне. Двадцать лет назад, если не больше, заезжал туда рейсовый автобус, о чём до сих пор напоминает людям перекосившийся скелет павильона автобусной остановки. Рядом – серое здание бывшего райповского магазина, ещё раньше в нём размещалась школа; всё на этом бугре стало невостребованным и скоро совсем растворится во времени.

– За магазином был ещё посёлочек, – как бы подтверждает мои мысли Артёмов, – Двадцаткой назывался; двадцать домов стояло, возле каждого садики. Как говорила мать, до революции на всех глебовских буграх насчитывали пятьсот домов.

Смотрю в ту сторону: ни садиков, ни домов, как, впрочем, совсем мало их осталось во всём Глебово. Перед нами глубокая лощина, на дне которой на привязи пасётся корова, – с минуту назад простучал там по железному клину молоток, – по всему одна на всю деревню. За лощиной – Ветренка, она нависает над лощиной гигантским полуостровом; а за ней через такую же лощину – Окоп; там корень Артёмовского рода.

В своё время его прадед на том бугре выкупил десять десятин земли; поле окопали – как же, своя земля! – и, может, поэтому весь бугор нарекли Окопом: Окоп да Окоп. Артём Ивлев приглядел себе в жёны Евдокию Артёмову, вдову с двумя детьми, а дом построил ниже отцовского, в лощине. Это уже потом, после войны, выбрался на бугор. Как разрастался Артёмовский корень, можно судить по детям. Собственно, почему Артёмовский, ведь он всегда бывает фамильным, и в этом случае быть бы ему Ивлевским? Всё верно: Артём Ивлев взял в жёны Евдокию Артёмову вместе с фамилией; и не стало на земле Артёма Ивлева, а зажил счастливо с Евдокией Артём Артёмов, родом из крестьян. Трудно объяснить этот отцовский поступок; возможно, хотел спрятать за другой фамилией себя и детей, тем самым избавить себя и детей от общественного презрения, а может от преследования его как сына кулака.

А корень между тем стал быстро разрастаться, и в хате на лавках сразу теснота, потому что каждый год, через год в доме кричал новорождённый. Вот они: Екатерина, Степан, Петр, Павел, Алексей, Евдокия, Иван, Василий, Анна, Нина; самая старшая – с 1925 года, младшая – с 1940-го. Да ещё двое – от первого брака: Наталья и Егор. Семья большая, кормить её надо. Мать то с детьми, то на работу, то снова с детьми; постоянно в работе отец. Дети подрастали и становились помощниками по домашнему хозяйству – держали корову, свиней, гусей. Но и на детские забавы времени им хватало: бывало, зима, снегу по самые крыши, а они на скамейках с бугра и – вниз.

И вдруг – война. «Мне уже семь лет было», – вспоминал Артёмов. А память его сохранила многое из того страшного времени: как в деревню пришли немцы, при которых они одну зиму пережили в хате, а уже в мае из неё выгнали. Шёл дождь, промозглый холод; мать погрузила на тачку необходимые вещи и перевезла их в землянку. С приближением фронта всё население выгнали из деревни – это был май 1943 года. И также шёл дождь, а людей гнали по просёлкам от деревни к деревне, до железнодорожной станции; и в конце концов они оказались в Латвии, в

концлагере. Тот кошмар стоит перед глазами Артёмова до сих пор: колючая проволока, холод и голод – кормили один раз в день сырой свёклой.

Судьба смилостивилась над ними: из концлагеря отправили на хутор, где его хозяевам нужны были работники и где они должны были дожидаться своей отправки в Германию. Вот последняя картина их пребывания на чужой земле: мать с хозяйкой хутора доит коров; недалеко идёт бой – Красная Армия наступает; вдруг рядом разрывается снаряд – и осколком убивает хозяйку, сидящую под коровой. В этот же день на хуторе появились красноармейцы; и теперь их ожидала долгая и трудная дорога домой.

А у меня снова стоит перед глазами фотография военного фотокорреспондента Я. Халипа, на которой Е. Залогина с детьми возвращается в Захаровку. Точно так возвращались со своими детьми в Глебово – Евдокия Артёмова, в Васильевку – моя мать Акулина Васичкина и её родная сестра Марья Матюхина; по всей стране – от Москвы до самых западных окраин большой страны спешили русские матери в свои родные деревни, освобождённые из-под немца. И могу утверждать, что всех их, возможно, за редким исключением, ожидала одна и та же картина. По рассказам моей матери, от деревни не осталось ни одной постройки. То, что перед эвакуацией успели спрятать от фашистов, было выкопано сразу после освобождения своими же, деревенскими, кто был оставлен для обслуживания вражеского войска и кто возвратился на пепелища раньше всех. Проходя по деревне, мать видела сшившиеся на верёвках рушники, вышитые ею. Более всего она сожалела о швейной машине «Зингер», которую заработал мой отец на севере, куда он вербовался на лесозаготовки.

Такое вот совпадение: такими же обиженными оказались и Артёмовы, у которых деревенские мародёры выкопали швейную машину, зерно. Хата стояла уже без крыши; возвратись они позднее – разобрали бы и хату. Это была осень 1944-го, а надо было зимовать. Всеи семьёй собирали бурьян, чтобы хату покрыть; чтобы теплее было, одно окно из трёх заделали. Но о каком тепле могла идти речь, если, представляете, печка, стоящая посреди хаты, топится по-чёрному. Зажгут небольшую вязанку бурьяна или соломы – она подымит, подымит, разгораясь, потом вспыхнет и, глядишь, уже прогорает, источая гарь и копоть; а тепла мало. Но зиму кое-как пережили.

А победной весной в их семье произошло событие, заставившее говорить об этом не только их деревню. Однажды приехали к ним домой посланцы из района и сообщили, что Евдокии Артёмовой как многодетной матери предстоит поездка в Москву – для вручения ей высокой государственной награды. Противоречивые чувства испытала она при получении этого сообщения: и радость, и растерянность. Казалось бы, только закончилась война, страна в развалинах, и какое дело государству до каких-то перебивающихся с хлеба на воду матерей с их голопузой ребятнёй. Но тут же: ехать в Москву, в которой она ни разу не была! В Кремль! А если ехать, то в чём, ведь у неё ни обуви, ни одетья. Но советская власть думала по-другому. Да, идёт война – Отечественная, народная; мужчины сражаются на фронтах; в тылу – в холоде и голоде – куют победу женщины. В невероятно трудных условиях многодетные матери совершают настоящий подвиг: не шадят себя ради жизни детей – нашего будущего. И уже 8 июня 1944 года принимается Постановление Президиума Верховного Совета СССР об учреждении наград многодетным матерям: ордена «МАТЬ-ГЕРОИНЯ» и МЕДАЛИ МАТЕРИНСТВА двух степеней.

В один из дней Евдокию Артёмову посадили на машину и привезли в Орёл, где её накормили, обули-одели во всё новенькое, что, подойдя к зеркалу, она сама себя не узнала. Потом была Москва, Кремль; была церемония вручения ордена «МАТЬ-ГЕРОИНЯ».

Такой же была её дорога домой. А через некоторое время многодетной семье оказали материальную помощь, что по тем временам оценивалось как настоящее богатство: по мешку кускового сахара, крупы и муки, одежду для детей.

Василий Артёмов, восьмой ребёнок от её второго мужа, бережно хранит награду матери и документы, подтверждающие её. Вот дословный текст Грамоты Президиума Верховного Совета СССР и удостоверения к награде, подписанных Председателем Президиума М. Калинин и Секретарём Президиума А. Горкиным: «ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК своим указом от 17 мая 1945 года присвоил Вам – матери, родившей и воспитавшей десять детей, почётное звание «МАТЬ-ГЕРОИНЯ».

Орден, представляющий собой золотую выпуклую пятиконечную звезду на фоне серебряных лучей, расходящихся в виде пятиконечной звезды, Евдокия Артёмова получила из рук руководителя Советского государства И. В. Сталина 26 октября 1945 года.

* * *

В один из погожих летних дней я и Артёмов снова побывали в Глебово. Мы оставили машину в лощине, заросшей деревьями, а, по словам моего спутника, в пору его детства и много позднее не имеющей зарослей, и стали подниматься наверх. Это Окоп, где Артёмовский корень. Там, над нами, – по краю в рядок деревья; небольшой обшелёванный домик, с облупившейся краской, отвернувшись от нас, сиротливо смотрел в поля. А ещё выше, над деревьями, над домом, – спокойное синее небо.

– Эти деревья посажены мной и братом Петром, – тихим голосом, словно боясь спугнуть тишину дремотного дня, сказал Артёмов. – За домом огород. Бывало, все пятьдесят соток лопатой и – ничего. Зимой снег по самые крыши; колодец внизу – ну-ка выберись на горку с вёдрами.

Артёмов, считай, самый младший из братьев, и детская память его сохранила из их семейного уклада тех лет наиболее яркие картинки. Стоим возле дома, а он всё ворошит память:

– Мать приехала из Москвы и привезла гостинцев... А ещё к «Звезде» стали что-то давать... Отец всю войну прошёл и не был ранен. Когда вернулся, то матери полегчало... Дом перестроили...

Время не стояло на месте, а жизнь требовала своё. Из многодетной семьи Артёмовых каждый в своё время положил на алтарь Отечества здоровье и силы, как отдавали их на необъятных просторах когда-то большой страны – от Москвы до самых до окраин – все их соотечественники. От первого брака Евдокии Артёмовой давно никого не осталось, а старший, Егор Никифорович, погиб ещё на Финской. От второго её брака на лавке в родной хате также давно и навсегда опустело Иваново место – он погиб на Диксоне. «Дату смерти трудно забыть, – говорит Артёмов, – в этот день полетел в космос Гагарин».

Давно не получал он вестей из Вологды – от Алексея; и от Евдокии тоже, которая живёт в Волгоградской области. Спрашиваю за детей, по много ли у них? Артёмов качает головой:

– Не в мать пошли: у Анны – она с тридцать девятого и живёт в Мурманске, два сына и дочь; Нина на год моложе её, двоих вырастила. На Украине она, и теперь часто думаю, как ей там... Братья мои старшие Пётр и Павел тут родились, тут и пригодились: из деревни не уехали; но и они уже в земле, вслед за матерью.

Нелёгкая выпала доля МАТЕРИ-ГЕРОИНЕ: переживать своих детей. Не каждый человек способен осилить это, но Евдокия Артёмова нашла в себе силы, как находила их она в те страшные годы для сохранения жизни всех, кого пустила на

свет. Самый младший из сыновей Артёмовых – Василий; он не ушёл от родного порога и в 1981 году проводил её в последний путь. Евдокия Артёмова не дожидаясь своего 100-летия ровно один год.

А через несколько лет на Окопе стало совсем тихо. Домик Артёмовых обветшал, и Василий Артёмов, проживший в нём полвека, переселился на другой край деревни, где прикупил домик у отъезжающего односельчанина и где подъездные пути были много лучше; а потом и вообще покинул Корявое Глебово – свою малую родину.

* * *

И потянуло меня однажды осенью в Глебово снова. Я ехал туда уже не знакомой дорогой, а с другой стороны – мимо заросшего травой советского аэродрома, дальше по просёлку – как раз до самого Окопа. Вот они, десять десятин земли прадеда и деда Ивлевых, которые пахались на лошадях; и пятьдесят соток Артёмовых, которые они в войну и сразу после неё ковыряли лопатами, а позднее – пахали трактором. Вот и Артёмовский домик – мёртвые окна к свету, в полевой простор. За домом, по границе Окопа, деревья выше крыши; под ними, на земле, – первые опавшие листья, густая порыжелая трава, не тронутая человеком; в земле – их корни. Артёмовские – тоже; они здесь будут вечно.

2014 год.

ВАСИЛИЙ АГОШКОВ

ИЗ КНИГИ ПРО МАЛОАРХАНГЕЛЬСК

МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ СЛАВЫ И МУЖЕСТВА

Основные предприятия города – опытный машиностроительный завод, райпищеккомбинат, автохозяйство, ремтехпредприятие, «Агропромхимия», механизированная передвижная колонна, маслозавод, кирпичный завод и другие. В районе функционируют пять средних, восемь неполных средних и девять начальных школ. В городе имеется также профтехучилище, которое готовит кадры работников сельского хозяйства для своего и соседних районов. На территории города и района действуют двадцать клубов и Домов культуры, городская библиотека и 16 её филиалов в сельской местности, детская школа искусств, кинотеатр. В городе имеются хороший дом быта, различные магазины. Всего торговых точек насчитывается свыше пятидесяти. Ведется строительство детского отделения районной больницы, что позволит улучшить медицинское обслуживание населения. В районе есть и действующая церковь, она находится в селе Архарово. Неузнаваемо за последние годы преобразились сельские населённые пункты, прежде всего центральные усадьбы колхозов и совхозов. Здесь построены сотни жилых домов, имеются столовые, детские сады, отделения связи и другие общественные заведения. Созданы условия и для труда людей.

Н. П. ПУХОВ. 1943 ГОД (Из книги «Годы испытаний»). (М., 1959 г.)

Особенно яростно противник оборонял Колпны. Здесь пришлось драться за каждую улицу, за каждый дом... Затем наши части освободили города Щигры, Фа-

теж и перерезали железные и шоссейные дороги в направлении на Орёл – Курск. В те дни в один из жарких боев бессмертный подвиг совершил комсомолец сержант Григорий Кагамлык. Он и пятеро его товарищей находились в боевом охранении, когда вражеский лыжный батальон, усиленный семью танками, ринулся в атаку. Сержант бил из бронебойного ружья по танкам, а другие бойцы вели огонь из пулемётов и винтовок по лыжникам. Гитлеровцы отпрянули, но потом опять возобновили атаку. От тяжёлых ран Кагамлык умер, но врага не пропустил. За этот подвиг ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Имя Григория Кагамлыка стало символом боевой доблести и отваги.

...Оборона Курского выступа была возложена на войска Центрального фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского и на войска Воронежского фронта под командованием генерала Н. Ф. Ватутина. В состав Центрального фронта вошла и 13-я армия. Мы занимали полосу в северном направлении по обе стороны железной дороги Орёл – Курск с центром у станции Поныри. Справа от нас оборонялись соединения 48-й армии, слева – соединения 70-й армии.

Незадолго до наступления противника для проверки состояния обороны в 13-ю армию приезжал командующий войсками ЦФ генерал К. К. Рокоссовский. Он побывал на двух передовых наблюдательных пунктах, с которых изучал расположение наших войск и противника. Один из этих НП севернее станции Поныри был устроен возле железнодорожного полотна в виде замаскированной площадки на трёх растущих рядом высоких, но тонких деревьях. Когда по шаткой лестнице на эту площадку взошёл товарищ Рокоссовский, я крайне обеспокоился за её устойчивость и облегченно вздохнул, увидев его благополучно спустившимся на землю. Второй НП располагался на небольшой высоте у истока Оки... 15 июля войска ЦФ перешли в контр наступление... Путь 13-й армии лежал на Кромы. ...18 сентября 13-я армия вышла на излучину Десны южнее Чернигова.

КОМАНДАРМ ПУХОВ. Рассказ И. Колесника.

Воины 13-й Армии освобождали территорию Малоархангельского района от немецко-фашистских захватчиков в феврале сорок третьего года. Командовал 13-й армией Николай Павлович Пухов. Имя видного советского военачальника, Героя Советского Союза, генерал-полковника Пухова хорошо известно старшему поколению советских людей. В годы фашистского нашествия, на протяжении почти всей Великой Отечественной войны, он бесменно командовал 13-й армией, которая прошла под его началом славный боевой путь из центральных районов России до Берлина и Праги, участвовала в 17 наступательных и 13 оборонительных боевых операциях, в том числе таких решающих, как Курская битва, сражение за Днепр, Правобережную Украину, Сандомирский плацдарм на Висле, в разгроме фашистского логова. 26 раз столица нашей Родины салютовала доблестным войскам 13-й армии; многие её соединения и части награждены боевыми орденами, стали гвардейскими, многим присвоены различные почетные наименования, 304 воина армии, в том числе и сам командарм, удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА. Рассказ М. Шеховцовой

Под игом. Территория района была занята врагом в начале октября 1941 года. По улице Ленина, в доме 50, помещалось окружное управление гестапо. Оно обслуживало территорию четырех районов: Мапоархангельского, Покровского, Глазуновского, Колшнянского. Ежедневно из этих районов доставлялись в гестапо мирные жители. У многих из них были связаны руки. Людей загоняли во двор. Ни ночью ни днем не смолкали стоны и крики истязаемых. После жестоких

пытках обреченных уводили в лес Мурашихинский и там расстреливали. В Малоархангельске фашисты расстреляли инструктора райкома партии Попова, председателя Гнилоплотского сельсовета Мельникова, директора Малоархангельского педучилища Ефремова, 77-летнего старика Романова, крестьянку Рюмину с сынишкой. В Вавилоновке расстреляли семью Поляковых – шесть человек, в том числе детей от 9 месяцев до 14 лет. Гестаповцы казнили в Малоархангельске трёх разведчиков. На казнь сгоняли всё население города. Всего фашистами уничтожено около 300 человек. 1406 человек было отправлено на каторжные работы в Германию.

Немцы не только залили наш район кровью, они оставили после себя пепелища и развалины. В Малоархангельске было сожжено 182 частных дома, взорваны и сожжены педучилище, районная библиотека, дом культуры, средняя и начальная школы, больница, кинотеатр, детсад, ясли, дом пионеров, баня, электростанция, почта, радиоузел, редакция районной газеты, дом колхозника (гостиница), ресторан, две церкви, уничтожены все магазины. Вот такое «освобождение» принесли они только в один район. Но никакие зверства не смогли запугать советских людей, поставить их на колени. На территории района действовали подпольщики, имевшие связь с партизанскими отрядами, базировавшимися в других районах области. 28 сентября и 6 октября 1942 года партизаны пустили под откос два эшелона противника в районе станции Малоархангельск.

Освобождение. А в это время Красная Армия, оправившись от поражений в начальный период войны, все решительнее переходила в контрнаступление. Шаг за шагом освобождала она Орловщину. 10 февраля 1943 года 654-й стрелковый полк, входивший в состав дивизии, овладел населенными пунктами Гнилая Плота и Бахматские Выселки. Наши бойцы вступили на территорию Малоархангельского района. Но враг не хотел уступать. Завязались упорные бои. Немцам удалось окружить Выселки, в которых оказались только разведчики и связисты взводов управления 3-го дивизиона 236-го артполка. Командир дивизиона А.Н. Дмитриенко собрал всех, кто мог держать оружие, и организовал круговую оборону. Но уже на исходе боеприпасы, и, казалось, спасения нет. И вдруг раздаётся пулемётная очередь. В Выселки, ведя огонь по врагам из станкового пулемета, на снях ворвалась девушка. С помощью ездового раненых погрузили на сани, и всем удалось пробиться к своим. Отважной девушкой оказалась пулеметчица 654-го стрелкового полка Маша Щербак.

Тяжёлые бои велись за небольшую деревушку Удерево. Несколько раз она переходила из рук в руки. Когда фашисты в очередной раз заняли деревню, в некоторых домах оказались раненые солдаты и офицеры. Рискуя жизнью, их спрятали до прихода своих местные жители. Об этом тогда рассказывалось в дивизионной газете. А наступление воинов 13-й армии продолжалось. Отличились многие солдаты и офицеры, а командир батальона 74-й стрелковой дивизии В.С. Быков за взятие трудной высоты был представлен к званию Героя Советского Союза.

Сложная задача была поставлена подвижной группе из 129-й отдельной танковой бригады под командованием капитана И.А. Буланова. В подвижной группе было десять танков Т-34, рота автоматчиков, санитарная машина и машина под радиостанцией. 2 февраля этот десант, намного оторвавшись от основных сил, занял оборону западнее станции Малоархангельск. Бойцы подвижной группы сеяли панику в стане противника, оттянули на себя значительную часть его сил, тем самым помогли продвижению частей 13-й армии. Многие участники этого десанта и сам капитан И.А. Буланов погибли в бою. 7 февраля танкисты передали свои позиции сменившим их воинам 15-й Сивашской стрелковой ди-

визии. Боевое охранение 47-го стрелкового полка на одном из участков возглавил сержант Г.С. Кагамлык. В неравной схватке боевое охранение Кагамлыка уничтожило пехоту врага. Сам Кагамлык из противотанкового ружья подбил два танка и самоходное орудие врага, но был смертельно ранен. Умирая, Г.С. Кагамлык кровью написал на своем комсомольском билете: «Умру, но не отступлю ни на шаг назад! Клянусь своей кровью». Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

После упорных, кровопролитных боев 23 февраля 1943 года Малоархангельск был освобожден от оккупантов. В освобождении города и территории района участвовали воины 48-й, 74-й, 15-й стрелковых дивизий при поддержке 19-го гвардейского артполка, 106-го минометного полка, 129-й отдельной танковой бригады. День 25-й годовщины Красной Армии стал двойным праздником и для освободителей Малоархангельска, и для освобожденных. В разорённом и сожжённом городе состоялся митинг. Его открыл комиссар 148-й стрелковой дивизии Ф.И. Ггаринин, который поздравил жителей города с освобождением от врага и пожелал им скорейшего восстановления народного хозяйства. С ответным словом выступил секретарь райкома партии С.И. Черепухин, который поблагодарил освободителей и пожелал им успехов в ратных подвигах. Бои за освобождение района продолжались. Наши части продвигались к Глазуновке. 21 марта 1943 года по приказу командующего Центральным фронтом К. К. Рокоссовского войска перешли к обороне образовавшегося северного фаса Орловско-Курской дуги. После освобождения Малоархангельска и территории района от фашистских захватчиков, в ряды Советской Армии вступили сотни наших земляков. Среди них Елизавета Алексеевна Кузнецова, которая в составе 148-й стрелковой дивизии прошла путь до Праги, Раиса Васильевна Калининкова выполняла роль разведчицы 74-й стрелковой дивизии, Иван Никитович Мозгляков, впоследствии награжденный двумя орденами Славы.

Ожесточённые бои на территории нашего района развернулись в период Курской битвы, ведь половина линии обороны 13-й армии, принявшей на себя основной удар на северном фесе курского выступа, проходила по линии Александровка, Верхняя Гнилуша, Елизаветино, Майская Зорька, Тросна, Согласное, ст. Малоархангельск. Только за 5 июля на территории района было совершено четыре подвига, за которые было присвоено звание Героя Советского Союза командиру 872-го гаубичного артиллерийского полка Николаю Петровичу Иванову, командиру батареи этого же полка Александру Герасимовичу Губарю, командиру отделения 410-го стрелкового полка 81-й стрелковой дивизии Фарату Комалдинову. Командиру миномётного расчета 232-го миномётного полка 12-й артиллерийской дивизии Мансузу Ванахуну – посмертно. Миномётный расчет М. Ванахуна вел неравный бой с противником. Один за другим выбывали товарищи по расчёту, ранен и Мансуз, враги окружили расчёт, они совсем уже близко, Мансуз Ванахун ударом о щит миномёта взрывает мину. От взрыва гибнет герой, но гибнут и фашисты, окружившие его окоп.

Посмертно звание Героя Советского Союза было присвоено и командиру батареи 6-го артиллерийского полка 74-й стрелковой дивизии Сонину Ивану Егоровичу. Его батарея 11 июля стояла юго-восточнее Протасово. На батарею шло более 20 фашистских танков, от первых выстрелов батареи 4 вражеских танка запылало, тяжело ранен Сонин И.Е. Но поле боя не покинул, ещё залп батареи – два «тигра» остались на месте, но и смертельно был ранен командир батареи. Сонинцы жестоко мстили врагу за смерть любимого командира. Героически сражались на Курской дуге авиаторы 16-й Воздушной армии. Подвиг Н. Гастелло повторил над ст. Малоархангельск лётчик 874-го штурмового авиаполка Баранов Александр Се-

ливерстович. Двадцать один авиатор (лётчики и воздушные стрелки) только из одного этого штурмового полка погибли в воздушных боях над территорией нашего района. Среди них девятнадцатилетняя Оля Глинкина – воздушный стрелок. Героически погибли командиры третьего и второго батальона 654-го стрелкового полка 148-й стрелковой дивизии Павел Иванович Кубышкин и Николай Васильевич Баутин. В д. Петровка повторил подвиг Александра Матросова воин 143-й стрелковой дивизии Дырдыев. С 5 по 12 июля шли ожесточённые бои, населённые пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

Многие верные сыны нашего многонационального Отечества навсегда остались на своих огненных рубежах, выстояв против стальной лавины фашистских танков. Только в одной братской могиле с. Протасова захоронено более 3000 воинов Советской Армии. В боях на территории нашего района участвовали многие наши земляки, более 200 из них погибли в этих боях. На всех фронтах Великой Отечественной войны сражались наши земляки. В сентябре 1941 года в отряд народного ополчения вступил наш земляк Ефим Тихонович Ефремов, а в ноябре 1941 г., пройдя боевую подготовку, отряд вёл бои с превосходящими силами противника за г. Курск. Начиная с боев за Сталинград и до Победы, прошли дорогами войны Игнат Николаевич Силин, Алексей Дмитриевич Борняков, Николай Павлович Гаврилов. Летом 1944 года как опытный артиллерист Н. П. Гаврилов переводится в 23-й артиллерийский полк 6-й механизированной дивизии 1-й Польской армии. В этом соединении он ведёт боевые действия по освобождению Варшавы и всей земли польской.

В четвёртой морской бригаде сражался наш земляк Александр Петрович Егоров. Не раз с криком «полундра!» вместе с боевыми товарищами дрался врукопашную с врагом. Несколько раз был ранен Александр Петрович, но снова возвращался в строй. В одном из самых кровопролитных боев, уже на территории Венгрии, был тяжело ранен, потерял правую руку и левую ногу. Он награжден медалью «За оборону Москвы», «За отвагу», «За победу над Германией». От г. Ельца до Праги в Чехословакии прошел боевой путь в составе 148-й стрелковой дивизии Василий Андреевич Назаров. На Северном Кавказе, в должности начальника штаба стрелковой дивизии, начал свой боевой путь наш земляк Федор Михайлович Бобраков. В звании генерал-майора закончил он войну, активный участник боев за освобождение Литвы, награждён многими боевыми орденами. Мы по праву гордимся нашим земляком, участником парада Победы в Москве Николаем Григорьевичем Силиным, награждённым тремя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды. Двух орденов Красной Звезды и ордена Великой Отечественной войны удостоен Иван Михайлович Борзенков. Доблестно сражались на фронтах войны А.М. Курочкин (д. Каменка), А.Д. Леонов (д. Костино), И.Ф. Погребной (д. Александровка), Н.Н. Красников (с. Губкино), В.М. Сергеичев (г. Малоархангельск). Мы гордимся Героями Советского Союза – нашими земляками Мариной Павловной Чечневой, Леонидом Николаевичем Костиным, Иваном Лаврентьевичем Федяковым, Андреем Федоровичем Локтионовым, Петром Андреевичем Черняевым, Николаем Ивановичем Яшиным, Михаилом Андреевичем Гринёвым, Вячеславом Дмитриевичем Цветаевым.

Память о них жива

ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА КОЖУХОВА

ЧТОБЫ ЖИЗНЬ БЫЛА ЛУЧШЕ Из книги Л. Золотарёва «Берестяные песни»

Леонард Золотарёв — имя новое в литературе.

Он принадлежит к тому поколению молодых писателей, которое в детстве не видело ни хлеба, ни игрушек. Вместо хлеба были лебеда, картофельные очистки, а вместо игрушек — валяющиеся на огороде стреляные гильзы, рогатые каски, измятые гусеницами танков противогазы, неразорвавшиеся гранаты. Эти дети ещё не знали азбуки, но уже хорошо разбирались по звуку мотора, какой летит самолёт: фашистский бомбардировщик или наш советский «ястребок», а самое главное, они хорошо знали, за что борются их отцы, добывая в кровопролитных боях победу.

Жизнь Леонарда Золотарёва, его детство и юность, в сущности ничем не отличаются от жизни этого поколения. Он родился в 1935 году в Воронеже, затем его семья переехала в маленький городок Малоархангельск, затерянный в степях между Орлом и Курском, там он окончил десятилетку, там стал комсомольцем, оттуда уехал учиться в Курский пединститут и сюда же вернулся учителем русского языка, литературы и истории. Потом началась работа сельским учителем, в редакции районной газеты, затем в комсомольской орловской, а позднее — в партийной газете «Орловская правда». Начались поездки по множествам сёл и деревень центрального черноземья, а с ними бесчисленные встречи с людьми самых разных — простых и героических, а порой и трагических — судеб. Молодого писателя всё привлекает, он внимательно слушает речь колхозников, доярок и трактористов, стариков и старух, хранителей разного рода преданий, легенд, песен, петых их предками Толстому, Тургеневу, забытых обрядов. Так рождаются рассказы «Берестяные песни», «Ливенка», «Глинописец» и другие. Стихия живого народного языка органично вплетается в ткань произведений, однако без модничанья, без щегольства, а с большим чувством меры, позволяющим нам уже сейчас, по одной этой первой книге писателя, судить о его несомненно серьёзном даровании.

Вот, например, старик из рассказа «Липа вековая». Как он кратко, но образно нам представлен!

«По проселку, облитому сентябрьским серебреющим солнцем, часто останавливаясь и отдыхая, движется тощий и длинный старик в изрядно обтёрханном солдатском бушлате. Ему помогает идти крючковатая палка — давняя спутница его путешествий. Вдаль старик видит явственно, зорко, вблизи дорога ему неожиданна и беспокойна. «Все ямки с тобой пособираем, — беседует он со своей палкой, словно с живым существом».

Думается, без этой крючковатой палки, «собирающей ямки», — а такое речение не придумашь, его можно лишь только услышать, — насколько бедней, однозначнее был бы образ Перекати-Коли, бредущего умирать в родное село. Здесь, в этом рассказе, и палка, выходит, совсем не проста, а тем более — человек...

Большой любовью к людям, чувством внутренней боли проникнут рассказ «Аксиньин свет» — и большим оптимизмом. Незаурядной личностью предстаёт перед нами доярка Аксинья, в результате несчастного случая лишившаяся возможности двигаться, прикованная к постели. Силой характера женщина возвращается к жиз-

ни — к усиленному труду, помогая детишкам, семье, служа колхозу своим ясным умом. Мысль о том, что мы должны оставлять своим детям жизнь «лучшей, чем было», не покидает Аксиныю, заставляет её быть повседневно очень мужественной, терпеливой, спокойной.

Та же, в сущности, тема затронута и в «Перепелином поле», где дядька Михей на покосе пшеницы в валки замечает, что Минька-дизелист может подрезать и раздавить гнездо перепёлок. Разрушишь гнездо — перепелки уже не вернуться на поле, их всё меньше и меньше теперь, певчих птиц, где потравлены, где распуганы гулом моторов, грохотаньем железа, а где и бездумно, из простого невежества, из озорства уничтожены и растоптаны птичьи гнездовья. Оставлять жизнь уж если не лучшей, то хотя бы не худшей, — вот забота Михея.

Лиризм и реальность изображаемого, поэтический язык отличают рассказы молодого писателя от многого читанного на ту же тему. Его книга заставит читателя и задуматься, и загрустить, и порадоваться нелегкому, но добытому честным трудом счастьем героев.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ МИЛЬЧАКОВ

ИЗ КНИГИ «ПТЕНЦЫ ОРЛОВ»

На этот раз к ужину, кроме обычной картошки и лука, бог послал ещё основательный кусок свиного сала. Разрезав его на маленькие кусочки, Макариха с добродушной улыбкой сказала:

– Подарок Егоровны. Очень ты её обрадовала. Нагадала хорошие вести о сыне, о Петюшке её. Прямо, как на крыльях, летает. Даже светится вся.

– Пусть ей всё сбудется, — пожелала Сбоева. — А у вас, хозяйюшка, сынок-то тоже в армии?

– Двое у меня: Гриша и Женя. До прихода этой нечисти по два письма от них получала. Гриша-то и в колхозе и в армии всё при моторах. Был трактористом, стал танкистом. А Женя писал, что на курсах учится, на каких, не сообщил, но учится. В августе последнее письмо пришло. Дня за три до того, как этим нелюдям появиться.

Сбоева в душе очень сожалела, что ей нечем порадовать эту славную женщину, так собранно, молчаливо несущую свое материнское горе. Но среди тех красноармейцев, чьи судьбы её заставил запомнить капитан Суров, не было ни одного по фамилии Макаров. Но может быть «Макариха» просто уличная кличка. Надо это выяснить.

– А что, хозяйюшка, много в вашем селе Макаровых?

– Макаровых? — удивленно взглянула на «слепую» хозяйка. — Да, кажись, ни одного дома Макаровых нет. Зачем они тебе?

– Я думала, что у тебя здесь родни много. Всё бы легче было, чем совсем-то одной, — объяснила Сбоева.

– Родни у меня чуть не полсела. С Анохиными мы в родстве, с Полуяновыми, с Третьяковыми тоже. Даже старый подлец, староста, наш Ванька Дерунов мне по матери двоюродным брательником приходится. А моя фамилия не Макарова, а Русанова. Евдокия Андреевна Русанова я. Макарихой-то меня в деревне по мужу кличут, мужа моего Макаром Федоровичем звали.

– Он тоже в армии?

– Нет его, – сурово ответила Евдокия Андреевна. – В двадцать девятом, в коллективизацию, кулак наш Егорка Дерунов, родич Ваньки Дерунова, застрелил ночью моего Макара. Егорку-то тогда расстреляли, а Ванька вывернулся, хотя года три отсидел, подозрение было, что содействовал он Егорке.

– Одна сыновей на ноги ставила? Без мужа?

– Так уж пришлось. Младшему, Женюшке, восьмой годок шёл, когда эта беда случилась.

– Что ж замуж-то ещё раз не вышла? Молодой ведь без мужа осталась.

– Всякое бывает. И сватали меня многие, не глядя, что с двумя мальчишками я. Да разве кто заменит моего Макарушку? Тот у меня орёл был. А теперь вот совсем одна осталась. От сынков четвёртый месяц ни весточки.

Хотя разговор и шёл на далеко не весёлую тему, Сбоева и Вера с трудом сдержали радостное волнение. В списке, переданном капитаном Суровым, был сержант Григорий Русанов, водитель тяжёлого танка «Клим Ворошилов». Он участвовал в битве под Москвой и сейчас гнал врага на Запад. Не ранен, награжден медалью «За отвагу» и, словно угадав мысли собеседницы, Евдокия Андреевна попросила её:

– Ты уж не откажи, погадай мне после ужина. Хотя я и не особенно верю, но всё, может, на сердце полегчает.

– Поворожу, хозяйюшка, как же иначе, – обещала Сбоева. – Может, ещё кто пожелает из соседей.

– Да как не пожелать, найдутся. Только ты, Марья Ивановна, вот что... – Евдокия Андреевна замялась на мгновение, а затем, видимо, решив быть откровенной до конца, проговорила, понизив голос, хотя в избе никого постороннего не было: – В селе-то у нас разный народ... Ты того... не со всеми будь одинаковой. Осторожней веди разговор.

– Тогда уж лучше не надо, – забеспокоилась для вида Сбоева. – Ну их, ещё беды наживёшь.

– Не наживёшь, коль с умом. А отказаться-то у тебя сейчас не выйдет. Бабы уже многие про тебя знают. У каждой ведь своё горе, каждая утешиться хочет. А ты, раз у тебя дар свыше, хоть соври, да утешь. Все легче беду переживать, пока наши придут на выручку.

– А как же я разберу, с кем можно говорить, а кого остерегаться?

– Тут я тебе помогу. Про каждую особенно объяснять не буду, кто она и что она. А про какую скажу, что очень хозяйственная баба, так ты знай – змея.

– Спасибо тебе, Евдокия Андреевна.

Пока ужинали, да пока хозяйка прибрала со стола, совсем стемнело. Евдокия Андреевна зажгла коптилку и предложила:

– Пойдёмте в горницу. Там похолоднее, зато просторнее. Бабы придут, надышат, потеплеет.

В горнице и в самом деле быстро потеплело. Едва Сбоева начала рассказывать туманным, полным намеков языком ворожбы всё, что ей было известно о судьбе старшего сына Евдокии Андреевны, как одна за другой в комнате начали появляться женщины. Пришло несколько девушек: Сбоева так и не разобрала, то ли это были дочери пришедших, то ли девчата явились самостоятельно. На них Агния Михайловна не обращала внимания. Девушки, как заранее было условлено, были контингентом Веры. Вначале девчата настороженно и даже с некоторым страхом слушали слова «слепой», но постепенно, одна за другой отошли в дальний угол горницы. Вера сначала познакомилась с одной из них и начала с нею перешёптываться о чем-то таком, что может интересовать лишь девушек, только что переступивших порог юности. Этот шёпот двух новых подруг для всех

остальных девушек оказался более притягательным, чем гадание, и они отошли от стола, за которым сидела «слепая».

А Сбоевой пришлось работать с полной нагрузкой. Желаящих, погадать было много. Уже пятой или шестой после хозяйки дома к столу подседа высокая, сухая, сильно пожилая женщина с истощенным землистым лицом. Низко повязанная чёрным матерчатым платком, в длинной, старинного покроя, чёрной юбке она показала Агнии Михайловне физическим воплощением женской, материнской скорби. Евдокия Андреевна относилась к этой женщине с сочувственной лаской и, усаживая её против Сбоевой, сказала:

– Садись, Кондратьевна, отдохни, умаялась, чай, – и специально для Сбоевой сообщила: – С дальнего конца села шла. Три сына в армии и дочка с мужем. Дочка-то у неё фельдшерица, а муж дочки доктор. Сынки до войны в колхозе работали. Хорошие ребята. Мужа немцы в обоз гоняли. Застудился сильно. Грудью мучается, очень мучается.

Сбоева почувствовала, что обычная уверенность оставляет её. Что она могла сказать этой старой, измученной несчастьями и горем женщине. А та смотрела на неё строго и даже требовательно, словно и впрямь, от Агнии Михайловны зависело отодвинуть завесу, скрывающую будущее и заглянуть за неё, что там впереди.

– Дай мне, Кондратьевна, правую руку, – наконец прервала слишком затянувшуюся паузу Сбоева. – Я тебе по руке говорить буду. – Несколько мгновений она ощупывала пальцами сухую старческую ладонь и затем глубоко вздохнула.

– Что там? – требовательно спросила старуха. – Что видишь-то?

– Ничего я глазами не вижу, – тихо ответила Сбоева. – Я слышу. – И секунду помолчав, уже овладев собою, заговорила: – Очень жаль, милая, что нечем мне тебя обрадовать. И обманывать тебя не хочу. Одно только могу сказать твердо: крепись. Сейчас вот это самое время, для тебя оно что ни на есть наигоршее. Сейчас ты в самой пучине горя и хоть не близко, но уже видно, как всё изменится. Не сразу, моя милая, не вдруг, а постепенно меняться будет. И во что бы то ни стало тебе надо пережить, перетерпеть это время.

– Сколько же ещё терпеть-то? – почти со стоном вырвалось у Кондратьевны.

– Скажу, милая, сейчас скажу, – ласково поглаживая её ладонь, ответила Сбоева, торопливо подсчитывая про себя: «Пути нам ещё дней двенадцать, обратно не меньше, значит двадцать четыре дня. Да, чтобы узнать что-нибудь, Сурову нужно не меньше месяца, да на пересылку ответа неделя. Не менее двух месяцев, – шестьдесят дней. Как бы это сказать. Тринадцать число чёрное, семь священное, тринадцать на семь... девяносто один. Три месяца. Ну и хорошо. Сурову тоже надо дать запас времени». – В общем скажу я тебе, милая, так, – снова заговорила Сбоева. – От сегодняшнего дня отсчитывай семь раз по тринадцать дней. Не забудешь? Семь раз по тринадцать дней. За это время многое изменится в твоей жизни. Будет и плохое, но будет и хорошее. А главное, перестанет терзать твоё сердце забота о том, где твои сынки и дочь и что с ними. Будут тебе весточки от них, нескоро, но будут. Вижу, что весточки будут хорошие, обрадуешься, хотя и поплачешь. Ну не без этого. И ещё, самое главное, берегись сама. Ты мать. Ты должна беречь себя для детей. Ведь они какую тяготу, на войне переносят и все за нас, за своих матерей и близких.

Изможденное лицо женщины посветлело. Она, как молитву, повторила вполголоса: «Семь раз по тринадцати дней. Может, погонят иродов. Почта ходить будет».

– Не знаю, милая, чего не знаю, того и сказать не могу, а только, что за этот срок дойдут и до тебя вести о твоих близких.

– Погадай теперь сначала на старшего моего, на Мишеньку, – попросила Кондратьевна.

Да что ты, мать моя, – не выдержала одна из молодых женщин, сидевшая около стола. – Неужели на каждого по отдельности ворожить будешь? На всех пятерых. Тогда до нас и очередь не дойдёт.

– Не сердись, Настасьюшка, и вы, бабы, не обижайте меня, – взмолилась Кондратьевна. – Я только на одного, на Мишу. Он ведь в те поры на границе стоял, самый первый удар принял.

Установив, какой из себя Миша, на какого короля следует гадать, Сбоева начала обычный ритуал подготовки к ворожке. Но гадание было прервано в самом начале. В сенцах послышался топот, кто-то обивал снег с валенок, затем без стука отворилась дверь, и в комнату ввалились двое парней, оба с повязками полицаев на руках полушубков.

– Что здесь за собрания? – с вежливой издевкой заговорил, видимо, главный из полицаев, высокий и красивый парень лет двадцати пяти. – Кто разрешил проводить собранию? Какие такие вопросы решили обсудить?

Второй полицай ещё совсем молодой, лет восемнадцати, сел около двери, поставив винтовку между колен.

– Ну, что молчите? – прикрикнул первый полицай, – оглохли, что ли?

– Нет, просто любимся. Очень ты красивый стал, – отозвался кто-то из дальнего угла.

– Я вас спрашиваю? – загремел полицай, сделав вид, что не слышал девичьей реплики.

– Отвечаем, – спокойно заговорила Сбоева, понимая, что лучше всего ответить ей, человеку постороннему. – Находимся здесь по разрешению старосты господина Дерунова Ивана Фроловича. Ещё вопросы будут?

Полицай опешил. Его боялось всё село, а тут какая-то нищенка, да ещё слепая, говорит с ним таким пренебрежительным тоном. Он громко и протяжно потянул носом воздух, словно принюхиваясь, не пахнет ли здесь крамолой и, значительно всё же снизив тон, спросил:

– А собранию тоже староста разрешил?

– Собрания никакого нет, – вмешалась хозяйка дома. – Божий человек ворожить умеет. Вот и собрались бабоньки поворожить.

– И староста разрешил ворожкой заниматься? – с ехидным недоверием допрашивал полицай.

– Нет, – снова вмешалась Сбоева. – Ворожить мне разрешил начальник полиции господин Долганов. Староста об этом знает. Ещё что спросите?

Большая часть людей истребительных батальонов после прихода немцев ушла в партизаны. Это Сбоева знала и готовилась соответственно подбодрить бывшую передовую колхозницу. Но неожиданно хлопнула избяная дверь, и в комнату вошла высокая дородная женщина в шубе и дорогой оренбургской шали. По тому, как сразу же смолк негромкий разговор, между женщинами и перешёптывание в девичьем углу, Сбоева почувствовала – пришла чужая. Да и Евдокия Андреевна, выполняя уговор, отрекомендовала её:

– Аграфена Дерунова. Очень хозяйственная и самостоятельная женщина.

«Старостиха, – догадалась Сбоева. – Ну, что ж. У меня найдётся, чем тебя «порадовать».

– Ой, бабоньки, – зачастила Дерунова, не обратив внимания на то, как почтительно её рекомендовала хозяйка дома, и Сбоева сразу узнала голос, кричавший им из-за ворот: – «чего надуть?». – Ой, бабоньки, что же вы никто не заглянул ко мне, не сказал, где ворожить начнут. Иван Фролович говорил, что ворожейка по миру ходит, а мне и невдомёк, что она почти рядом расположилась. Хоть бы ты, Авдотья, зашла, сказала.

– Так ведь тебе Пантюшка побежал докладывать, – удивилась хозяйка дома.

– Что Пантюшка, – отмахнулась Дерунова. – Пантюшка сейчас, как ошпаренный кот, по селу носится. Подводы нарядить велено. Пятнадцать подвод.

– Опять чего-нибудь собирать да везти? – подала голос из своего угла Галка.

– Подожди, Галка, не встревай, – прикрикнула на дочь Дерунова, но Сбоева не почувствовала в её окрике ни властности, ни запрета. Скорее он прозвучал как просьба, причем, не очень уверенная.

– Ой, бабоньки, ничего-то вы не знаете, – явно довольная тем, что дочь послушалась, снова зачастила старостиха. – Ведь мост-то по дороге на Вечернее партизаны взорвали. Немцев побилу страсть сколько. Три полных машины вдребезги.

– Откуда партизаны? – удивилась Паня. – Здесь зона. У каждого дома полицай, на каждом перекрестке немецкий патруль. Путают немцы что-то.

– Ничего не путают, – заступилась за немцев старостиха. – Офицер и больше двадцати солдат в лепешку. Что ж, по-вашему, они сами себя шибанули?

– Поймали партизан-то? – с нескрываемой тревогой спросил кто-то из женщин.

– Что они ждуть будут? – ответили из девичьего угла. – Небось, оставили гостинец и давай бог ноги.

– Не поймали, – подтвердила и старостиха. – Никого там не было, кроме обоза да немцев-конвоиров. Кладь-то с возов посбросили, положили в сани немцев, которые не совсем ещё убиты, и повезли в Вечернее. А за оставленным грузом наших мужиков наряжают.

Несколько секунд стояла тишина. Люди молча переживали только что услышанную новость. Кое-кто с заботой о тех, кого нарядят в обоз, но все с молчаливой радостью, что и здесь в особо охраняемой немцами зоне нашлись смельчаки, способные нанести врагу неожиданный удар именно тогда, когда он чувствовал себя в полной безопасности.

– Ну, что замолчали-то, бабоньки? – встрепенулась старостиха. – Чего карты-то без дела лежат?

Она бесцеремонно отстранила Паню от стола и села на её место.

– Раскинь, будь ласкова, карты. Скажи, что меня ожидает? Когда от сынка весточка будет? Скоро ли свидимся?

Но Сбоева собрала со стола карты и, завернув колоду в бумажку, спрятала её в карман.

– На карты больше троих нельзя ворожить, – объяснила она нахмурившейся старостихе. – Я, тебе, красавица, по-другому поворожу, а карты пусть отдыхают до завтра. Валюша, дай-ка книгу.

Появление необычно большой и толстой книги с оттиснутым золотом восьмиконечным крестом и полумесяцем на верхней крышке вызвало у всех присутствующих почтительное удивление.

– Вот это да!

– Из такой, что хошь можно вычитать!

– Гляди ты, листы-то какие толстые!

– Видать, горькую-то правду на тонкой бумаге не печатают. Не выдерживает.

Под эти возгласы Сбоева перекрестилась, перекрестила книгу и протянула её старостихе. Та, испуганно ойкнув, взяла книгу и, держа её на расстоянии в вытянутых руках, зашептала молитву. В тусклом свете коптилки, освещавшей только центр стола, бесформенная фигура сидевшей в напряженной позе старостихи и еле освещенные лица столпившихся вокруг женщин, выглядели неправдоподобно и жутко. Даже в девичьем углу смолкли шёпот и смешки.

– Прижми книгу к сердцу. Думай о том, что хочешь узнать, – необычно низким голосом, отдельно произнося слова, проговорила Сбоева.

Все вздрогнули. Старостиха от испуга чуть не выронила из рук книгу.

Несколько женщин отошли от стола.

– Не урони святую книгу, – грозно предупредила Сбоева. – Прижми к сердцу. Думай, о ком хочешь знать правду.

– О ком же мне хотеть? О сынке... – растерянно прошептала старостиха, притискивая к животу толстый том.

Выдержав способствующую нагнетанию тревожного настроения паузу, Сбоева с трудом вытащила из судорожно стиснутых пальцев старостихи книгу, подчёркнуто медленно и почтительно положила её на стол, а затем приказала боязливо следившей за каждым её движением Деруновой:

– Открой книгу!

Старостиха протянула руку к книге, но затем отдернула её и прошептала:

– Боюсь!

– Открывай! – замогильным тоном повторила свои приказ Сбоева.

– Ой, господи, грехи наши!.. – вздохнул кто-то из женщин за спиной Сбоевой.

– На каком месте? – прошептала старостиха, робко протягивая руку к чёрной книге, угрожающе поблескивавшей похожим на жука крестом.

– Открывай! Книга сама на нужном месте раскроется.

Сопя от напряжения, старостиха дрожащей рукой развернула книгу, и сгрудившиеся около стола женщины ахнули от неожиданности.

– Чистая!

– Никакой буковки!

– Только пупырышки! Словно исколол кто-то!

Но Сбоева не дала разрядиться настроению. Опустив пальцы на «пупырышки», она заговорила строго, с небольшим распевом в конце каждой фразы.

– Книга говорит: тяжёлым, нечеловечески тяжёлым путём идёт сейчас твой сын. Огнём, кровью, трупами, раскалённым, искорёженным взрывами металлом выслан его путь. И ведёт тот путь по земле, опалённой пламенем более жгучим, чем пламя ада. Но твой сын не в силах сойти с этого пути, да и не ищет он для себя иной дороги, хотя каждый шаг по ней может закончиться его гибелью. Но твой сын идёт прямо под удары врагов и сам отвечает им смертоносными ударами.

В комнате стояла такая тишина, что, кроме голоса гадалки, слышно было только тяжёлое дыхание Деруновой. Глаза Сбоевой были устремлены на старостиху. Дерунова знала, что гадалка слепа, но сейчас взгляд «незрячих» глаз казался старостихе страшным, словно не слепая нищенка, а сама судьба глядела на неё из этих неподвижных и холодных зрачков.

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗИБОРОВ

ИЗ КНИГИ «СОЛДАТЫ ИДУТ ЗА СОЛНЦЕМ»

Да, разные бывают судьбы. У одних они – прямые, гладкие, как отличные дороги, по которым можно катить в лимузине. У других – подъёмы и спуски, у третьих – сплошные зигзаги с крутыми откосами. Тут гляди в оба иначе не миновать кювета, и вырастет тогда какой-нибудь безымянный придорожный холмик...

Такой, вероятно, и была трудная судьба Стручина.

Несколько дней спустя после встречи с майором Рымаренков пришел из штаба полка хмурый и злой.

Вот что, Стручин. Пока, брат, на твоём горизонте тучки не разошлись. Беседовал я кое с кем. Понимаешь, майор требует тебя в корпус. Да ты не робей. Утрясётся!.. Ну, ладно, подождём... События, брат, назревают. Вот-вот фрицам по загорбу двинем!..

События, действительно, назревали. Это было заметно по количеству поступавшей техники, пополнений людьми и усиленной работе батальона Рымаренкова.

Вечером двадцать третьего июня в частях прошли партийные собрания и митинги. Стручин знал, что это – канун.

Ранним утром следующего дня – ясного, обещавшего быть жарким, – Стручина нашел лейтенант – командир комендантского взвода.

– Сержант, пройдем-ка... – Он кивнул сопровождающим автоматчикам. У Стручина на миг ударило в виски горячей кровью – «Эх, не вовремя... – подумал он и молча зашагал впереди автоматчиков. – Даже Рымаренкова не повидал... А впрочем, чёрт с ними, всё равно дальше фронта не пошлют», – утешил себя он и махнул рукой.

– Пошли!..

Стручина привели на КП полка. Здесь он увидел знакомое лицо майора. Лейтенант направился к нему. И в этот момент шквал обрушился на землю. Тысячи орудийных стволов залпом потрясли воздух, накрывая огнём немецкую оборону. Это началось артиллерийское наступление.

Люди оглохли. Майор тряс головой, показывая на уши, дескать, ничего не слышно. Лицо его чуть побледнело, но он старался не выдать своего волнения. Видимо, майор впервые слышал такую оглушающую симфонию...

Стручин с кривой усмешкой отвернулся и сел на срез окопчика, безучастный ко всему.

Штабные офицеры прикинули к биноклям и стереотрубам. По ходу сообщения прошёл командир полка в сопровождении офицеров спецподразделений. Он чем-то был недоволен и жестикулировал огромными ручищами.

– Вышли, вышли!.. – скорее догадался, чем услышал Стручин.

Наблюдатели, уже не опасаясь, вылезали на бруствер.

«Значит, атака началась, – подумал Стручин. – А я загораю. В тыл повезут. Факт. Для доследования...» Он усмехнулся невеселой кривой усмешкой и с неприязнью посмотрел на майора и автоматчиков, тревожно поглядывавших в сторону немецких траншей.

Лейтенант куда-то исчез.

Близкий разрыв внезапно всплеснулся перед капе и обдал землёй Стручина. Ого, отвечают!.. Зазвучал ещё один разрыв. Майор надвинул фуражку на лоб и юркнул в дверь блиндажа. Автоматчики спрыгнули в окопы. Стручин продолжал сидеть. Ему было все равно.

Вновь появился подполковник – командир полка. Он отдал приказание, и офицеры один за другим исчезли в ходе сообщения. Несколько телефонистов потянули за ними провод.

– Цагалеев! Цагалеев!.. – сквозь грохот расслышал Стручин голос подполковника. – Что там на левом?.. Почему замешкались?..

Высокий, выбритый до синевы майор Цагалеев – начальник штаба – вынырнул из блиндажа. Теперь, когда пушки били вразнобой, Стручину стало слышнее всё, что говорилось.

– Немцы контратаковали батальон Федина, товарищ подполковник! У него трудно. Он ведь без танков.

– Чёрт, он же меня назад тянет!.. – выругался подполковник. – А резерв я ему не дам. Он ещё после прорыва пригодится... Эй!.. – закричал подполковник и поманил кого-то к себе пальцем. Стручин обернулся – позади его никого не было.

– Я тебе говорю, сержант!..

Стручин вскочил.

– Ты что, груши носом околачиваешь?.. Нечего здесь сидеть, марш к Федину!..

Стручин замялся. Он вопросительно посмотрел на выскочивших из своих укрытий автоматчиков.

Подполковник побагровел.

– А вы что? Марш с ним!.. Цагалеев, снимай всех, кого можно, – и к Федину, живо!

Из глубины блиндажа показался майор. Он приблизился к подполковнику и что-то ему сказал. Подполковник обрадованно крикнул:

– Вот вместе с майором всех к Федину. И бегом!..

Обалдевший от внезапности майор остолебенел и пытался что-то пролепетать. Но подполковник уже приник к стереотрубе.

Стручин невольно улыбнулся. Менее всего он ожидал такого поворота дела.

– Ну, славяне, – сказал опешившим автоматчикам Стручин, – дайте-ка мой самопал. Пошли. Приказ слышали?..

И первый заторопился по ходу сообщения на левый фланг к Федину. За ним потянулись остальные – автоматчики, санинструкторы и побелевший майор.

Они миновали вторую траншею, вышли в первую и выбрались за бруствер.

Редкие всплески взрывов, пороховая гарь, жаркий, несмотря на ранний час, ветер. Где-то впереди, из серой пылевой завесы слышались выкрики и частые пулемётные очереди. Стручин, перепрыгнув через убитого, оглянулся: сзади него, низко пригибаясь к земле, бежал майор. Вот он упал, но через секунду поднялся и заспешил вперёд. В руках его был автомат.

– Ага, не растерялся... – отметил про себя Стручин и в этот момент перед ним поднялись фонтанчики земли. – Крупнокалиберный... – Стручин отвернул вправо и упал за низенький бугорок. Через несколько минут рядом с ним очутился майор. Отдышавшись, они сделали попытку выйти из-за укрытия, но пулеметная очередь загнала их назад.

Стручин невольно выругался. Гад, сидит в бронеколпаке, факт... Отсюда его не достанешь. Потом он прислушался. Красная трасса прошла влево – пулеметчики били, вероятно, по отставшим.

– Погоди, майор... Я сейчас... – Стручин ползком выбрался из-за бугорка и направился к обгорелому иссеченному кусту, скрываясь за кочками и неровностями почвы. Неожиданно для себя он покатился вниз, в широкий ров, полузатопленный водой. Здесь, у глинистого обрыва, прятались бойцы Федина.

Стручин с трудом выбрался наверх и осторожно осмотрелся. Ага, вот он, пулемёт! Чуть правее куста, в травянистом взлобке. Ну что ж. Вытянув «лимонку», он привстал и метнул её... Грохнул негромкий, утробный взрыв. Мгновенно оборвался стук пулемёта, и тотчас над рвом ударило:

– Ура-а!..

Бойцы Федина ринулись в немецкую траншею.

Бой постепенно нарастал. Дважды немцы контратаковали, но, встреченные в упор, откатывались обратно. Стручин стрелял, метал гранаты и кричал «ура», совершенно забыв о том, что происходило утром на капе.

В пылу боя он, однако, помнил о майоре. Тот вместе с двумя автоматчиками и санинструкторами находился неподалеку, он так же стрелял, как и другие.

«А робость-то как рукой сняло, – вдруг подумал Стручин о майоре. – Хоть по всему видно – в первый раз в атаке, а держится...»

Потом они потеряли друг друга из виду. Лишь к полудню, когда была взята третья траншея, Стручин и майор столкнулись в узком ходе сообщения.

– Ну, как, майор?.. – улыбнулся Стручин. – Горячо?

– Жарко...

Майор был неузнаваем. Лицо запыленное, со светлыми следами ручейков пота. Новенькая прежде гимнастерка его была изодрана на локтях, выпачкана в глине. Руки чёрные, сбитые. Видно было по всему, что майору досталось.

– Жарко, – повторил майор. – А в батальоне большие потери. Комбат убит, командиры рот ранены и убиты... Мне приказано принять командование батальоном... – Во взгляде майора было столько застывшего недоумения, что Стручин даже посочувствовал.

– Надо принимать, – сказал он и посмотрел в глаза майора, защищенные запылившимися очками. – Давайте так: вы оставайтесь на этом фланге, а я пойду на левый. После того, как мы вышибем фрицев из бункера, вы поднимайте батальон – и прямо к лесу... Там у них укреплений нет, цепляться не за что, а лес они не уважают...

Спустя полчаса, поредевшие роты расположились на опушке. Мимо них текли колонны второго эшелона, стремившиеся в пробитую брешь.

Пушки гремели по-прежнему, но разрывы доносились из-за леса – немцы отступали почти по всей линии.

Стручин сидел на трофейном ящике консервов и ножом вскрывал банку. Внезапно его внимание привлекла группа солдат, осторожно несущая на плащ-палатке офицера.

– Сержант Стручин!..

Стручин встрепенулся. Ба, да это же майор! И он зовёт его.

Майор лежал на спине. Лицо его, бескровное, восковое, повернулось к Стручину, и голубые помутневшие глаза, лишённые очков, вдруг сверкнули мыслью.

– Вот, не повезло, – заикаясь, сказал майор. – Мина проклятая... Сдаю вам командование... – Голос его стал прерывистым. – Принимайте батальон, капитан Стручин...

– Капитан... – Стручин понял всё, что хотел сказать этим словом майор. И, глядя на осунувшееся лицо офицера, Стручин с каким-то странным чувством подумал, что он, Стручин, в чём-то ошибся. Майор оказался неплохим солдатом – уж в этом-то Стручин разбирался. И не его, майора, вина, что он выбыл и что, может быть, завтра уже не увидит, как восходит солнце. Всякому своё...

Недавнего возмущения, негодования, всего, что угнетало Стручина ещё утром, – не осталось так же, как я неприязни к майору. В конце концов, кто знает, может быть он честно заблуждался относительно стручинской жизни? А может быть и не заблуждался, а просто хотел помочь ему, Стручину, чтобы не осталось на нём ни единого пятнышка?..

Проводив взглядом санитаров, уносивших раненого, Стручин поднял голову. Над горизонтом опускалось солнце – огромный багровый шар. Стручин вдруг озорно подмигнул ему, словно говоря: спешишь, да? Спеши, все равно догоню!

И когда кто-то вытянулся перед ним и спросил, куда вести батальон, Стручин засмеялся:

– Куда, говоришь? За солнцем. Понял? – И уже командирским голосом, нарастав, скомандовал:

– Батальон!.. Шагом марш!

Сотни ног разом поднялись и опустились в дорожную пыль. Подсвеченная закатными лучами, она казалась раскалённой. Будто люди шли, окутанные пламенем, клубящимся у ног и над исцарапанными касками.

Где-то бухали пушки, постукивали пулемёты, урчали идущие из тыла танки. Всего этого Стручин не слышал. Он смотрел на солнечный диск и твёрдо шагал сбоку колонны. Комбат вел солдат за солнцем.

ИЗ ДРАМЫ «ПЕРВЫЙ САЛЮТ»

Обстановка первой картины. Квартира Измалковых. Анна Ивановна прибывает к стене портрет Тургенева. Аккуратно раскладывает на столе книги и ученические тетради. Чувствуется, что в квартире недавно находился штаб: разбросаны обрывки красных немецких проводов, много бумаги, клочки карт.

МАША (вбегает и останавливается в недоумении). Анна Ивановна! Что это вы? Немцы ещё в городе.

АННА ИВАНОВНА. Ну и что же... Мне беспорядок надоел. Пора, наконец, закончить с этим хаосом... Хватит... Двадцать два месяца... (Метёт пол).

МАША. Да теперь они особенно лютуют. (Пробует засов на двери). Город взрывают, жгут... А вчера на Пятницкой... Каменоломни там есть... Знаете, на берегу Оки?

АННА ИВАНОВНА (выпрямляясь). Знаю. Ну, и что же?

МАША. В каменоломнях жители Пятницкой слободы и Первой Песковской прятались от угона в Германию. Фашисты узнали, заложили аммонал и завалили входы в пещеру. А там женщины, дети... Только сегодня утром удалось открыть выходы. Многие задохнулись от взрывных газов.

АННА ИВАНОВНА. А вы откуда знаете?

МАША. Я только что оттуда. Помогала спасать.

АННА ИВАНОВНА. Ну, вот. За меня боитесь, а сами бегаете. Могли бы и мне сказать.

МАША. Не хотела беспокоить. У вас сердце... Тут ещё беда, Анна Ивановна: меня, кажется, заметили... Молодых- то всех подбирают. Приказ Гаммана...

АННА ИВАНОВНА. Ничего, не тревожьтесь. Придут — спрячетесь в подполье. Не в первый раз.

МАША (смотрит в окно). Так и есть... Идут сюда!

АННА ИВАНОВНА. Спокойно... Быстро... (Бросает веник у входа, закрывает за Машей люк подполья и придвигает комод). Не догадаются... (Настойчивый стук в дверь). Сейчас... (Открывает дверь). Что нужно?

Входит гестаповец. Подозрительно осматривает комнату.

ГЕСТАПОВЕЦ. Одна, матка? Молодой нет?

АННА ИВАНОВНА. Одна.

ГЕСТАПОВЕЦ (идёт к ней, но спотыкается о веник). Доннер веттер! Дас ист... метла?

АННА ИВАНОВНА. Метла, метла... Выметаем вот. Много грязи. Ещё очень много грязи... Но всю выметим...

ГЕСТАПОВЕЦ (грозит ей пальцем). Смотри, матка!..

АННА ИВАНОВНА. Смотрю.

Гестаповец уходит. Анна Ивановна помогает Маше выйти из подполья.

МАША А вы смелая, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА. Привыкла...

Смеркается. Слышны глухие взрывы. Через окно видны багровые отблески от пожара.

АННА ИВАНОВНА. А вы, Маша, прилягте на мою кровать. Я все равно спать не буду. Ночь короткая, летняя. (Зажигает светильник). Тут тетради Алёшеньки (перебирает тетради). Отсырели в подполье... Подожду до рассвета...

МАША Мы всё ждём...

АННА ИВАНОВНА. Все то все, а я в особенности...

МАША. Анна Ивановна! Ну, как вы можете предполагать, что он именно с этими войсками придёт?

АННА ИВАНОВНА. Я своему материнскому сердцу верю. Чувствует оно...

Сцена темнеет. Пауза. Затем взрыв большой силы. Маша в темноте подбегает к окну, срывает маскировку, и комнату сразу наполняет розовость раннего утра.

МАША. Мост через Орлик взорвали... Ружейная стрельба. Значит, наши, наши! (Накидывает платок).

АННА ИВАНОВНА. Куда вы, Маша? Может быть, немцы ещё не ушли. Осторожней!

МАША. Не могу, Анна Ивановна. И так очень долго ждали. (Выбегает).

Некоторое время тишина. Затем треск пулемёта и снова тишина.

В окно тянутся лучи восходящего солнца. Стук в дверь...

АННА ИВАНОВНА (вздрагивает). Опять немцы... Ах, Маша, Маша!

Подходит к двери, открывает, отступает на два шага и... устремляется вперёд.

ИЗМАЛКОВ (протягивает руки). Мама!

АННА ИВАНОВНА. Алёшенька! Мальчик мой... Я знала, что ты придёшь... Два года...

ИЗМАЛКОВ. Успокойся мама... (Обнимает мать).

АННА ИВАНОВНА (гладит его по голове). Как ты изменился, возмужал. Единственный мой... единственный... (Всхлипывает).

ИЗМАЛКОВ. Почему я единственный? Что ты, мама? Вот Валя, она со мной.

Входит Валя, бросается к матери.

ВАЛЯ. Мама, мамуля!

АННА ИВАНОВНА. Валя, доченька! И в форме военной... Как же ты-то здесь? И все вместе. Это чудо какое-то... Ах вы, ребята мои... (Обнимает).

ВАЛЯ. Мы все здесь... (Смеётся). Встретились раньше, а сюда решили все вместе. И Володя и Максим Иванович (показывает на входящих Ярцева и Гущина). Раньше я думала, что счастливые встречи только в пьесах бывают. А вот и в жизни получилось... Снова мы в доме на Тургеневской. (Схватывает Ярцева за руки и кружится с ним по комнате).

ГУЩИН. Здравствуйте, Анна Ивановна. Вот и снова довелось... Гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда. (Смотрит на подполье, хмурится). Хорош погребок... Просолился я в нём на всю войну.

АННА ИВАНОВНА. Очень нелепый дом, Максим Иваныч, подполье в комнате, а вот пригодилось. (Улыбается). Ишь, молодёжь... Снова встретились...

ГУЩИН (лукаво подмигивает). Сужено-ряжено — не объедешь в кузове.

АННА ИВАНОВНА. Валя, ты так совсем закружишь Володю.

ЯРЦЕВ. Анна Ивановна, она уж давно меня закружила.

Стук в дверь. Входит Маша, с ней раненный в руку Сандыбаев.

МАША. У, сколько народу, а всё знакомые. Что же это такое? Не понимаю. (Здоровается со всеми, обнимает Валю). А я тут раненого привела. До медсанбата ему далеко.

ИЗМАЛКОВ. Это наш — Сандыбаев. Посмотри, Валя, что с ним.

САНДЫБАЕВ. Кость цел, товарищ старший лейтенант. Наш танк первый в город вошел. А немец из окна — гранат. Гусеница сбил... А я стрелял, стрелял...

Валя подходит к Сандыбаеву, осматривает перевязку.

МАША. Ещё он помогал флаг над домом на Московской поднимать.

ИЗМАЛКОВ. А кто поднял флаг?

САНДЫБАЕВ. Наш солдат. Наш дивизий. Василий, Василий... Имя знал, фамилий забыл.

МАША. Ну, я к соседке за самоваром... На всю улицу один самовар остался...

ИЗМАЛКОВ (Ярцеву). Займёмся чаями — своих догонять придётся, далеко уйдут.

ЯРЦЕВ. Да не надо, Маша. В самом деле...

САНДЫБАЕВ. Чай хорош... Товарищ старший лейтенант. Помнишь Вяжи? Генерал Гурьев говорил — чай в Орле будем пить. Его слово — камень.

ИЗМАЛКОВ. Эх, генерал, генерал... (В раздумье). Он хотел быть у нас в Орле.

ЯРЦЕВ (подходит к окну). Да, Орёл... Родной Орёл — в руинах. Много фашисты нам бед принесли, но мы восстановим наш город. Он будет краше прежнего.

ИЗМАЛКОВ. Ты же будущий архитектор, Володя.

ВАЛЯ (улыбается). Сейчас он начнет планировать, мама.

ЯРЦЕВ. А почему бы и не так? Вон там, на площади, у нас будет театр, большой, красивый театр. Через Оку и Орлик перекинутся новые мосты. Асфальтовые улицы — все в зелени, площадь Победы...

ВАЛЯ. Одну из лучших улиц назовём улицей имени генерала Гурьева...

АННА ИВАНОВНА (улыбаясь, Ярцеву). Прежде всего вокзал придется восстановить...

ЯРЦЕВ. Конечно, вокзал — первым делом.

Маша вносит чайник.

МАША. А завод-то наш забыли? Мы завтра же начнём его восстанавливать. Идём с нами, Валя.

ВАЛЯ. Нет, уж мы теперь с Алёшкой вместе до самого Берлина.

АННА ИВАНОВНА. Ну, мечтатели, прошу к столу, прошу всех к столу. (Собирает стаканы). Самовара, правда, не достали... Выл один на всю улицу, да и тот, видно, фашисты стащили... Но по стакану хватит. Погреемся на дорожку-то.

ГУЩИН. Не извольте беспокоиться, Анна Ивановна. Некогда нам сейчас чаи распивать... А погреться (достаёт флягу и банку консервов) вот этим лучше... По солдатскому обычаю...

ИЗМАЛКОВ. Выпьем, мама, за победу! (Разливает вино по стаканам).

АННА ИВАНОВНА (поднимаясь). Ну, если за победу... Да, за победу... Но прежде почтим память тех, кто отдал жизни свои... Тех, кто пал во имя победы... (Торжественно). Я предлагаю почтить память старого друга моего, славного патриота, простого и мужественного человека — токаря-стахановца Ивана Дмитриевича Важнова!

МАША, Дедушка... милый...

Все встают. Пауза. Слышно, как за окном проходят войска. Голос из репродуктора, и сразу — тишина.

ИЗМАЛКОВ. Громкоговорящая установка подъехала (прислушивается). Приказ Верховного Главнокомандующего передают. (Радостно). Это о нас, товарищи...

ВАЛЯ. Тише...

ДИКТОР. Сегодня, 5 августа... столица нашей Родины — Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орёл и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати орудий. За отличные наступательные действия объявляю благодарность всем руководимым вами войскам, участвовавшим в операциях по освобождению Орла и Белгорода.

АННА ИВАНОВНА. Сам Сталин благодарит вас, дети мои.

ВАЛЯ. Вся страна ликует с нами.

На тюле перед зрителями появляется силуэт товарища Сталина.

ИЗМАЛКОВ (поднимает стакан). За Сталина, за победу, товарищи!

Звенят стаканы. За окном проходят войска на Запад. Слышен звонкий голос запевалы.

ИЗМАЛКОВ. Иван Птаха поет. Его голос сразу узнать можно. (Прислушивается к песне).

*«Где Орёл раскинул крылья
Над рекой Окой.
Там покрылись чёрной пылью
Мы пороховой.
В нашу честь салют Московский
Грянул на весь свет.
Путь дивизии Орловской –
Славный путь побед».*

ЯРЦЕВ. Да, сегодня звуки салюта вместе с нами услышит весь мир.
На тюле – силуэт Кремля, лучи прожекторов, разноцветные огни фейерверка.
ИЗМАЛКОВ (поднимает стакан). За первый салют Родины! Ура, товарищи!

Конец.

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ДРУНИНА

КОМБАТ

*Когда забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули.
Всегда стрелял без промаха комбат.
Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперёд.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шёл на пулемет.
Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что смертью храбрых пали их сыны.*

ОЛЕГ МИШИН

СНЕГ НА ПУШКАХ

Отец

*В ранний час перед парадом
я шагал с отцом моим
довоенным Ленинградом
по булыжным мостовым.*

*А потом с людским потоком
плыл я в гуле голосов
на плече его широком
среди флагов и шаров.*

*И ещё, быть может, живы
после злых блокадных зим
те, кто в майский день счастливый
рядом шли с отцом моим.*

*Пережили эти зимы
и теперь на склоне дня,
может быть, проходят мимо,
но не узнают меня.*

*Я и сам сегодня старше
своего отца тех дней.
Но сейчас бывлые марши
Мне понятней и родней.*

*Давним утром на параде
он шагает над Невой,
в довоенном Ленинграде
мой отец – ещё живой.*

* * *

*Как пахнет земля,
я впервые узнал не на пашне.
А тогда,
в сорок первом,
когда молодые солдаты
копали траншеи
у нашей деревни.
Лишь многие годы спустя,
я узнал, какие сражения
здесь отгремели.*

*Когда прохожу я вдоль пахоты,
с весенним запахом земли
до меня доносится
глухое звяканье
сапёрных лопат.*

* * *

*Из вагонов, по насыпи, вниз,
по ягодам толокнянки,
в вое и рёве бомбардировщиков,
в сорочьем стрёкоте пулемётов
скатывались*

*и, задыхаясь, бежали
в ближайший лесок.
Там,
прижимаясь к поленице, ждали.
Мать держала меня за руку.
А самолёт пикировал прямо на нас.
И вдруг
моя мать засмеялась.
Она смеялась всем телом.
Она хохотала.
Она смеялась и потом,
когда самолёты ушли.
Ей помогли подняться в вагон,
и плечи её содрогались.*

Рельсы

*Мы не раз поезда провожали,
уходящие в пекло войны,
и по шпалам за ними бежали,
босоногие пацаны.*

*Мы навеки запомнили это:
рельсы нам обжигали ступни.
Чем ты ближе была,
Победа, тем сильнее накалялись они!*

Память

*Давно те годы отшумели,
но я не позабыл о том:
мне не пришлось надеть шинели
ни в сорок первом, ни потом.
Тогда мне было слишком рано
туда, где ухала война,
поэтому наград и шрамов
мне не оставила она.
Я за горами, за лесами
в глубоком проживал тылу.
А парни с ясными глазами
шли в бой в пороховом дыму...
Но память эта всё дороже,
она в душе моей, в судьбе.
И с каждым годом я всё строже
и всё придирчивей к себе.
Уже ищут, где тяжелее,
живу, как будто на меня
ребята в касках и шинелях
глядят из дыма и огня.*

* * *

*После войны
в родной деревне,
вернее – на её развалинах,
наткнулся
на стеклянные осколки –
игрушки моего детства.*

*Как больно они кольнули
в сердце!
Сегодня здесь вспахана земля
до самого горизонта.
Только реки поворот напомним,
где стояли дома.
Как серый пепел, кружится над пашней
стая ворон.*

Ради победы

*На многих солдатских обелисках
даты смерти – 1946, 1947, 1948...
Мы не от старости умрём –
от старых ран умрём.*

С. Гудзенко

*Слышу лишь сердце стучащее.
В строю за оградой простой
стоят обелиски дощатые,
и каждый под красной звездой.
У Омска военное кладбище.
Суровая тишина.
Врезаясь, ложатся на душу
даты и имена.
Под звёздами похоронены,
рядом лежите вы,
крестьянин из-под Воронежа,
рабочий из-под Москвы.
Вас роковыми ранами
не обделила война:
в госпиталях умирали вы,
всё испытал до дна.
Часа дождавшись победного,
уже за его чертой,
вы умирали последними
ради победы той.*

Содержание

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 5

ГЕОРГИЙ ЖУКОВ

Из книги «Воспоминания и размышления» 7

КОНСТАНТИН РОКОССОВСКИЙ

Из книги «Солдатский долг» 10

ВИКТОР НЕКРАСОВ

Из книги «В окопах Сталинграда» 16

НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ ЦОКОВ

ЛЮДМИЛА ГЕОРГИЕВНА ЗЕЛЕНИНА

О Василии Ивановиче Образцове

и Дмитрие Ивановиче Санько.

Знамя освобождения над Орлом 19

АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

КОРОТЕЕВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

С заботой о людях 21

ЛЯШУК РОМАН НИКОЛАЕВИЧ

**Резервы импортозамещения животноводческой продукции
в Орловской области 24**

НАТАЛЬЯ ЗАРУБИНА

Картофель – «второй хлеб» Орловщины 27

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

Председатель 28

НЕРЕТИНА ИННА ГЕННАДЬЕВНА

Первыми сеем, первыми жнём 38

ГРОМОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ, КАРЛОВА МАРИНА

«Как солдата головой на Запад...» 41

Не вправе забывать 41

Ради мирного неба 46

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

Очерки

АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН

Алексеевка. Погибшая дивизия 49

Полный Георгиевский кавалер 54

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

Семнадцать месяцев войны 57

Талант Рокоссовского 64

«Здравствуй, земля колпнянская!» 68

Русские люди.....	70
<i>ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА</i>	
На Радуницу к родным.....	71
<i>МИХАИЛ ТУРБИН</i>	
Узница.....	77
Зола	83
<i>ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ</i>	
История немецкого солдата	84
<i>ВАЛЕРИЙ АНИШКИН</i>	
Два рассказа из одной повести	88
<i>ЛЮДМИЛА ИВАНОВА</i>	
Отрывок из повести «Война»	91
<i>ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО</i>	
Соловьиная весна. Кривцовский мемориал	96

Поэзия

<i>ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ</i>	
Фронтной городок.....	99
<i>ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН</i>	
Мы - из Города-Героя.....	105
<i>ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ</i>	
Город Первого Салюта	116
<i>ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН</i>	
И святое чувство острой боли нам забыть всё это не даёт	131
Стихи из книги «Ветер времени».....	134
<i>ВИКТОР САДОВСКИЙ</i>	
«Не для меня»	140
Летающие кони.....	143
<i>АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ</i>	
Лучи в дорожной дымке	144
<i>АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ</i>	
Донные ключи	147
<i>ЛЕВ КОТЮКОВ</i>	
Просто стихи.....	149
<i>ВАСИЛИЙ КАТАНОВ</i>	
Из книги об Иисусе Христе «Учитель» (продолжение).....	150

Рецензии. Мнения. Замечания

<i>ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ</i>	
За кровью и гибелью - сияет свет	152

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

«По Белёву едет Пушкин»	153
О книге Л.Н. Ивановой «Однажды раннею весной»	155
Струна, звенящая в тумане	159

ВАЛЕНТИНА И ВИТО ПОРСЕДДА

Букет цветов Александру Вакульскому. О симфонии Чайковского, звучавшей в Сталинграде в 1943 году	162
--	-----

Краеведение

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

Глазуновская Мать-Героиня	163
---------------------------------	-----

ВАСИЛИЙ АГОШКОВ

Из книги про Малоархангельск	170
------------------------------------	-----

Память о них жива

ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА КОЖУХОВА

Чтобы жизнь была лучше.....	175
-----------------------------	-----

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ МИЛЬЧАКОВ

Из книги «Птенцы орлов».....	176
------------------------------	-----

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗИБОРОВ

Из книги «Солдаты идут за солнцем»	181
--	-----

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯНОВСКИЙ,
ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ГОРБОВ

Из драмы «Первый Салют».....	185
------------------------------	-----

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ДРУНИНА

Комбат	188
--------------	-----

ОЛЕГ МИШИН

Снег на пушках	188
----------------------	-----

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№2

Подписано в печать 1.06.2015 г.
Формат 84x108 1/16. Усл. п. л. 12,625.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Новое время»
ул. Итальянская, 23